

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 2

Киров
2014

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);
И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **Ю. В. Данг**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Ануфин В. Ф.</i> Субъективная составляющая качества жизни	6
<i>Осипова Л. Б., Устинова О. В.</i> Особенности формирования личности подростков в различных типах семей	14
<i>Митягина Е. В.</i> Рабочие в условиях российской модернизации	19
<i>Кусенко О. И.</i> Итальянская историография русской философии: история, современное состояние, перспективы	24
<i>Смирнов Д. В.</i> Научное познание как особая система культуры	29

ИСТОРИЯ

<i>Бондарь В. А.</i> Концептуальные подходы к изучению терминов в отечественных науках о документе в 60-е – нач. 90-х гг. XX в.	33
<i>Штарева Т. Н.</i> Роль книги в воспитании дворян и жизни служилых людей в контексте истории России XVII в.	38
<i>Тарасов А. В.</i> Военнопленные Первой мировой войны в Пермской губернии	42

ПРАВО

<i>Пестова О. Ю.</i> Развитие института оказания медицинской помощи заключенным России (конец XVII – начало XX в.)	48
<i>Артемов Н. С., Розуван А. М.</i> Понятие и значение взаимодействия исправительных учреждений с правоохранительными органами в борьбе с организованной и рецидивной преступностью	51
<i>Домрачев Д. Г.</i> Проблемы применения административного законодательства в сфере охраны окружающей среды и природопользования	54

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Бафинова И. А., Вайсман А. О.</i> О структуре словаря тезаурусного типа	58
<i>Балакова А. В.</i> Жанровые особенности героической драмы: пьеса Р. Бойла, графа Оррери, «Трагедия Мустафы»	62
<i>Орлов Д. А., Безруков В. А.</i> Феномен политической сатиры и проблемы перевода (на материале сериала «Yes, Minister!»)	68
<i>Коростенски Йиржи.</i> Концепт ‚контейнера‘ в русско-чешском сопоставлении	75
<i>Юнусов И. Ш.</i> Славянофилы и Л. Толстой: «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню» К. Аксакова и «Утро помещика» и «Кзаки» Л. Толстого	81

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Вечтомов Е. М., Варанкина В. И., Лубягина Е. Н.</i> Изучение топологической структуры	86
<i>Мазиллов В. А.</i> История психологии и философия психологии: необходимо взаимодействие	94
<i>Селиванова О. Г.</i> Становление субъектности школьника в образовательной деятельности: анализ основных понятий	100
<i>Войтович И. К.</i> Электронные учебные оболочки: из опыта международного академического сотрудничества	104
<i>Семенова Л. Э.</i> Специфика родительского отношения и субъективного восприятия отцовства в контексте реального опыта мужчин-монородителей	108
<i>Буланова И. С.</i> Специфика религиозной конверсии как психологического феномена	112

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Криушина В. А., Машковцева В. В.</i> Региональная научно-практическая конференция «Род Васнецовых в общественной и культурной жизни России (к 155-летию Аркадия Михайловича Васнецова)»	115
--	-----

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Рябов Ю. М. В. Г. Авдеева</i> – историк, педагог, человек	120
<i>Сведения об авторах</i>	124
<i>Information about authors</i>	126

CONTENTS

- Anurin V. F.* The subjective component of quality of life
- Osipova I. B., Ustinova O. V.* Special features of teenagers' personality development in different family types
- Mitiagina E. V.* Working in the conditions of Russian modernization
- Kusenko O. I.* Italian historiography of Russian philosophy: history, modern condition, prospects
- Smirnov D. V.* Scientific knowledge as a special system of culture
- Ryabov Yu. M. V. G.* Avdeeva – the historian, the teacher, the person
- Bondar V. A.* Conceptual approaches to researching of terms in sciences about documentation of our country in the 60th – beginning of the 90th years of XX century
- Shtaryova T. N.* The role of books in upbringing of the nobility and the lives of military men in the context of the history of Russia of the XVII century
- Tarasov A. V.* The prisoners of war of the First World War in the Perm region
- Pestova O. Yu.* The development of the Institute of the medical aid for the prisoners in Russia at the end of XVII – the beginning of XX centuries.
- Artemyev N. S., Rozuvan A. M.* Concept and value of collaboration between correctional institutions and law enforcement agencies combating organized crime and recidivism
- Domrachev D. G.* Problems of application of administrative law in the field of environment protection and nature management
- Barinova I. A., Vaisman A. O.* On thesaurus structure
- Balakova A. V.* Genre features of heroic drama: play of R. Boyl, earl Orreri “Mustapha”
- Orlov D. A., Bezrukov V. A.* Political satire and the problems of translation (on the material of TV series “Yes, Minister!”)
- Korostenski Ji.* The concept of container in Russian-Czech comparison
- Yunusov I. Sb.* The Slavophiles and L. Tolstoy: “Prince Lupovitsky or the Arrival at the Village” by K. Aksakov and “Morning of the Landlord” and “The Cossacks” by L. Tolstoy.
- Vechtomov E. M., Varankina V. I., Lubyagina E. N.* Studying of topological structure
- Mazilov V. A.* History of psychology and philosophy of psychology: interaction is needed
- Selivanova O. G.* Formation subjectivity of pupil in educational activity: analysis of basic concepts
- Voytovich I. K.* Course management systems: on international academic partnership results
- Semenova L. E.* The Specificity of Parental Relationship and Subjective Perceptions of Fatherhood in the Context of Real-life Experiences of Men as Sole Parents
- Bulanova I. S.* Specifics of religious conversion as psychological phenomenon

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 316.64

В. Ф. Анурин

СУБЪЕКТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Проблема качества жизни рассматривается через призму сравнения социальной самоидентификации с объективными и субъективными факторами данной категории.

The problem of the quality of life is discussed through the prism of comparing the social self-identification with the objective and subjective factors in this category.

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, потребности, средний класс, социальная самоидентификация.

Keywords: quality of life, quality of life, needs, middle class, social self-identification.

Можно заметить, что словосочетание «качество жизни» все чаще входит в лексикон российских политологов и политиков. Мы попробуем перевести это все более широко используемое понятие на язык социологических индикаторов.

Один из наиболее активных исследователей проблемы качества жизни Ю. Крупнов дает следующее определение этому понятию: «Качество жизни – категория, с помощью которой характеризуют существенные обстоятельства жизни населения, определяющие степень достоинства и свободы личности каждого человека» [1]. Такого рода дефиниция представляется нам слишком абстрактной и недостаточно определенной.

Рассмотрим довольно развернутую дефиницию из «Википедии»: «*Качество жизни человека* – понятие, которое является более широким, чем чисто материальная обеспеченность, и предусматривает участие в оценке не только таких... объективных факторов, как качество воды или воздуха, расстояние до курортов или наличие и доступность культурных учреждений, но и глубоко субъективных факторов, как, например, *удовлетворённости отдельных индивидов своей жизнью*» [2].

Выделим здесь то, что представляется нам важным. В качестве жизни можно выделить две стороны: объективную и субъективную. Критерием объективной оценки качества жизни могли бы

служить научно обоснованные нормативы потребностей и интересов людей, по соотношению с которыми можно было бы объективно судить о степени удовлетворения этих потребностей и интересов. Однако нельзя не учитывать, что потребности и интересы людей весьма *индивидуальны*, и степень их удовлетворения (по внутренним самоощущениям) могут оценить только сами субъекты. Эти ощущения вряд ли можно зафиксировать какими-то статистическими величинами, они практически существуют лишь в сознании людей и, соответственно, в их личных мнениях и представлениях. Таким образом, оценка качества жизни выступает в двух формах: степень удовлетворения научно (либо официально) обоснованных потребностей и интересов, с одной стороны, и реальная удовлетворенность условиями жизни, которая возникает у самих людей в соответствии с их представлениями о том, «что такое хорошо и что такое плохо», – с другой.

Очевидно, что качество жизни не является категорией, отделенной от других социально-экономических категорий, но, скорее, объединяющей многие из них. Так, компонентами качества жизни могут быть *и* образ жизни, *и* уровень жизни, *и* окружающая среда (как природная, так и социальная). Здесь вряд ли следует ограничиваться оценкой питания по его чисто объективным характеристикам (калорийность, содержание в граммах белков, жиров и т. д.) и не учитывать разнообразие и вкусовые свойства, которые оцениваются весьма индивидуально. Также нельзя ограничиваться (как, скажем, при анализе уровня жизни) показателями занятости, безработицы, продолжительности рабочего дня, недели, года, уровнем производственного травматизма, но необходимо учитывать степень соответствия интересам работников содержания и характера труда, его интенсивности, взаимоотношений внутри трудового коллектива и др. Проблема качества жизни включает в себя условия, результаты и характер труда, демографические, этнографические и экологические аспекты существования людей. Но в этой проблеме проявляются также юридические и политические стороны, связанные с правами и свободами, поведенческие и психологические аспекты, общий идеологический и культурный фон.

Итак, качество жизни можно определить как *степень развития и полноты удовлетворения все-*

го комплекса потребностей и интересов людей, проявляющихся в том числе и в *жизнеощущении*.

Таким образом, в отличие от *уровня жизни*, в характеристике которого преобладают *объективные* факторы и, соответственно, *количественные* показатели их измерения, при выявлении качества жизни акцент делается на *субъективных* оценках. Эти оценки могут различаться довольно существенно у людей, даже находящихся в одинаковых материальных условиях. Как писал выдающийся французский философ-гуманист Мишель Монтень (подчеркнем – задолго до возникновения понятия *качество жизни!*), «...и довольство, и бедность зависят от представления, которое мы имеем о них: сходным образом и богатство, равно как и слава или здоровье привлекательны лишь настолько, насколько таковыми находят их те, кто пользуется ими. Каждому живется хорошо или плохо в зависимости от того, что он сам об этом думает. *Доволен не тот, кого другие мнят довольным собою, а тот, кто сам мнит себя таковым* (курсив наш. – В. А.). И вообще, истинным и существенным тут можно считать лишь собственное мнение данного человека... Судьба не приносит нам ни зла, ни добра, она поставляет лишь сырую материю того и другого и способное оплодотворить эту материю семя» [3].

Итак, примем, что качество жизни того или иного класса (страты, социальной или же социально-демографической группы) определяется, помимо всего прочего, *субъективными ощущениями* – степенью удовлетворенности теми благами индивидуального или коллективного пользования, которыми эта группа располагает. Поэтому качество жизни двух представителей одной и той же социальной страты может существенно различаться при одинаковых *объективных условиях* их существования, если они при этом по-разному оценивают *степень* своей *удовлетворенности этими условиями*.

При этом определение своей принадлежности к той или иной социальной группе часто оказывается не таким уж простым делом. Проблема определения размеров российского среднего класса в течение последнего десятилетия вызвала обширные дискуссии – прежде всего вследствие разногласий по поводу того, правомерно ли использовать в качестве критерия классификации *субъективную социальную самоидентификацию*.

А. А. Мироедов, руководитель территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области, ссылаясь на оценки социологов Института социологии Российской Академии наук, указывал на проблематичность определения размеров среднего класса на основе чисто объективных показателей: «Так, к среднему классу могут быть от-

несены 20–22% экономически активного городского населения России. Однако если же оценивать все население России, то доля таких людей окажется почти в полтора раза меньше – около 14% (и 18% среди работающих)...».

Между прочим, по нашим собственным расчетам, опирающимся на чисто *объективные показатели* (в частности, показатель среднедушевого дохода), доля российского среднего класса всего несколько лет назад насчитывала 9–10% в провинции и до 20% – в столичных (Москва и Санкт-Петербург) регионах [4].

Далее Мироедов пишет: «*По самооценкам населения, доля среднего класса значительно выше* (выделено нами. – В. А.). Размещая себя на социальной лестнице, человек сравнивает свое положение с окружающими группами. Если его положение не хуже окружающих – он может отнести себя к среднему классу, даже если по объективным параметрам и не соответствует отмеченным выше критериям. Хотя не все представители среднего класса по объективным параметрам (примерно 15%) ощущают свою принадлежность к нему» [5].

Американский исследователь А. Кемпбелл, исследуя качество жизни американцев, также фокусировал свое внимание на их «*внутреннем самочувствии*». То, что качество жизни отражает *степень удовлетворенности индивидов различными сторонами жизни*, считали Р. Инглхарт и Дж. Рабье. Некоторые исследователи пытаются выявить влияние, которое оказывают на формирование этой удовлетворенности (или неудовлетворенности) объективные, прежде всего, социально-демографические факторы: уровень доходов, занятость, образование, возраст, гендер [6] и др., высказывая предположения о различной степени влияния каждого из них на изменение характера социального самочувствия.

Можно сделать вывод, что *субъективная составляющая* играет, по крайней мере, существенную роль в определении качества жизни.

В 2012 г. мы провели эмпирическое исследование с целью выявления социального самочувствия различных групп населения Нижнего Новгорода и их представлений о динамике изменений в различных сферах общественной жизнедеятельности. Также попытались определить степень влияния на эти самочувствие и представления некоторых объективных социально-демографических факторов. Всего было опрошено 1159 человек по квотной выборке с удержанием контроля за параметрами пола и возраста. При этом мы сравнили некоторые из полученных данных с результатами аналогичного исследования, проведенного три года ранее, то есть в 2009 г.

Если говорить об *объективных условиях* жизни опрошенных нижегородцев, то можно отме-

тить следующие моменты. Материальные условия жизни членов общества определяются, прежде всего, наличием источников средств существования и размерами этих средств. Наши исследования показали, что доля постоянно работающих (в составе выборки) нижегородцев за три года возросла примерно на 7 процентов, а число тех, кто работает временно, сократилось более чем на два процента. При этом более 80 процентов из числа работающих являются наемными работниками, и лишь примерно каждый седьмой из тех, кто имеет постоянную занятость, живет за счет доходов от частного предпринимательства. Средневзвешенный размер личного дохода по выборке в целом в 2012 г. составил 21 092,7 руб. по сравнению с 18 757,27 руб. в 2009 г.

Зависит ли размер дохода от уровня образования? Ответ на этот вопрос нетрудно получить, обозревая данные, представленные на рис. 1. Перед нами предстает распределение, характеризующее почти прямолинейной положительной связью. *Почти* – потому что средневзвешенный доход по группе тех, кто имеет высшее образование, как это ни парадоксально, оказался почти в полтора раза меньше, чем у тех, кто имеет *незаконченное* высшее образование.

Наличие средств к существованию и соответственно – обладание материальными благами – это те количественные параметры, которые характеризуют, скорее, уровень жизни, нежели ее качество. Нас же, в соответствии с заданной темой, интересует в большей мере качество жизни.

А оно должно быть связано с удовлетворенностью условиями своего бытия, социальными ценностями, социальной самоидентификацией и т. п.

Как и за три года перед тем, определяя социальную стратификацию жителей Нижнего Новгорода именно на основе субъективной *самоидентификации*, мы получили *нормальное* распределение (см. рис. 2). Правда, в нем доля тех, кто отнес себя к среднему слою, а также к слою ниже среднего, оказалась несколько выше, чем три года назад; напротив, удельные веса слоев выше среднего и высшего несколько снизились. Однако в целом форма распределения практически не изменилась.

В то же время выяснилось, что доля нижегородцев, оценивающих свою принадлежность к слоям среднему и выше, в старших возрастных группах (включая и самых пожилых) гораздо больше, нежели в самой младшей возрастной группе (см. табл. 1). Хотя необходимо учитывать, что немалая часть этой возрастной группы пока еще вряд ли относится к числу самостоятельных агентов, а значит, оценивает свою жизненную ситуацию с позиций иждивенцев. Возможно, это связано также с более завышенными планками у младшей возрастной группы ожиданий относительно условий своего существования.

Важнейшим индикатором качества жизни, на наш взгляд, должно служить *социальное самочувствие* членов той или иной общности. Одним из существенных составляющих этого понятия следует считать *настроение* человека, которое в свою очередь зависит от множества факторов – физи-

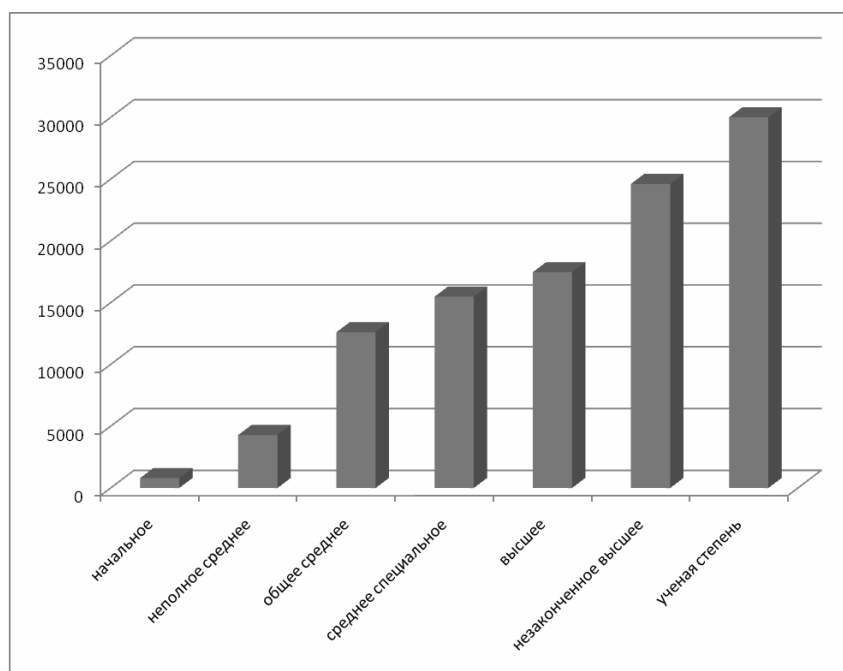

Рис. 1. Размеры среднего личного дохода образовательных групп (в руб.)

ческого здоровья, чувства удовлетворенности своих потребностей, характера взаимоотношений с окружающими людьми (это особенно важный фактор с позиций именно *социального* самоощущения), надежд на будущее и т. д. Конечно, социально-психологическое настроение любого отдельно взятого актора сугубо индивидуально. И оно может существенно меняться в ту или иную сторону с течением времени. Однако можно все же говорить о наличии *преобладающих* настроений той или иной социальной группы – в силу однородности жизненных условий в тот или иной период времени. Распределения ответов на вопрос о преобладающем настроении респондентов по выборке в целом приведены на рис. 3.

А какие *объективные* факторы могли бы повлиять на формирование того или иного настро-

ения психики? Как может сказываться на этом настроении, к примеру, пол или возраст? Введем для большей наглядности и убедительности более обобщенный и «сжатый», нежели процентное отношение, показатель – *индекс настроения*, рассчитываемый по формуле:

$$I_{\text{н}} = (3a + 2b + c) / (d + 2e + 3f),$$

где *a* – частота ответов «оптимизм»;
b – частота ответов «уверенность»;
c – частота ответов «спокойствие»,
d – частота ответов «тревога»;
e – частота ответов «страх, отчаяние»;
f – частота ответов «возмущение, гнев».

Вариант «безразличие» мы исключаем из рассмотрения как нейтральный.

Таблица 1

Самоидентификация возрастных групп (процент по столбцам)

Социальный слой, к которому отнесли себя респонденты	Возраст (лет)					
	16–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60+
Высший	,0	1,9	1,7	2,8	1,1	3,7
Выше среднего	,0	15,1	9,8	14,3	13,4	15,3
Средний	50,0	58,5	65,4	57,1	54,3	50,2
Ниже среднего	33,3	22,6	17,0	18,4	23,7	23,3
Низкий	,0	1,9	3,2	4,1	4,3	5,6
Самый низкий	,0	,0	,6	,0	,0	,5

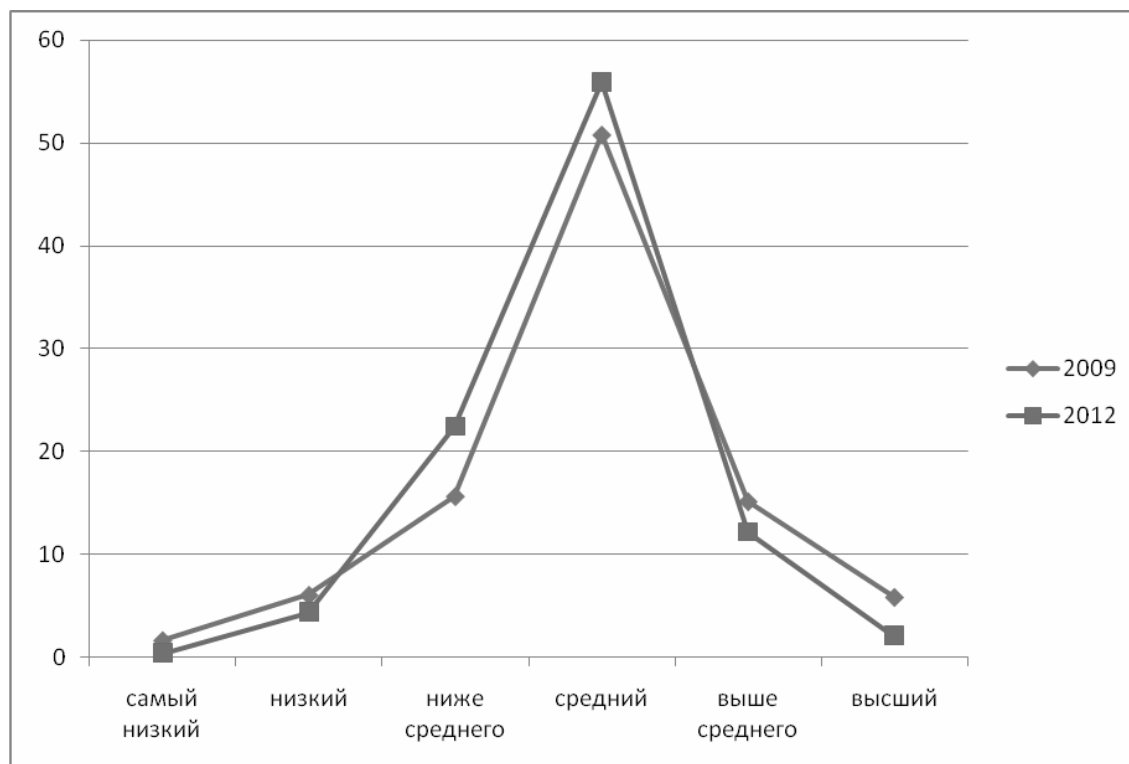

Рис. 2. Самоидентификация принадлежности к социальным слоям (в процентах от числа опрошенных)

Теперь сравним индексы настроения мужчин (взятых как особая группа) и женщин (см. табл. 2). У нас получилось, если судить по соотношению величины индексов I_n , что мужчины настроены несколько более уверенно и реже испытывают приступы негативных самоощущений.

Еще более заметны расхождения в настроениях групп, различающихся по возрасту (см. табл. 3). В качестве тенденции обозначилось снижение индекса настроения в более старших группах. Наиболее резкое снижение индекса настроения обозначилось в самой старшей возрастной

группе (60 лет и старше), он получился меньше единицы. Это означает, что пессимистические настроения среди пожилых людей и стариков существенно превышают оптимистические и просто позитивные.

Представляет определенный интерес влияние, которое оказывает на морально-психологические настроения брачно-семейное состояние членов общества. Некоторые из результатов, приведенных в табл. 4, оказались несколько неожиданными. В самом деле, наиболее оптимистично были настроены те, кто практикует простое сожитель-

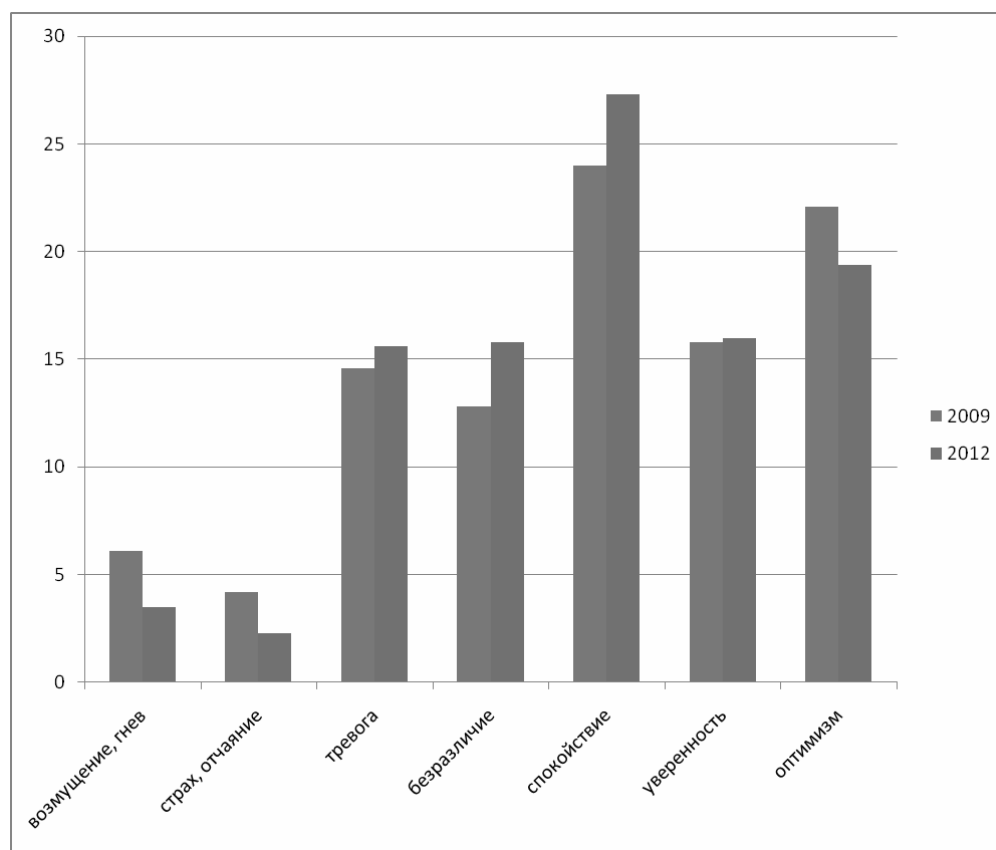

Рис. 3. Распределение ответов о настроении (в процентах от общего объема выборки)

Таблица 2

Общие настроения гендерных групп (процент по столбцам)

Характер самоощущения	Пол	
	мужчины	женщины
Оптимизм	19,2	19,5
Уверенность	19,8	12,9
Спокойствие	28,2	26,5
Безразличие	16,7	15,0
Тревога	9,4	20,7
Страх, отчаяние	1,4	3,1
Возмущение, гнев	5,1	2,2
I_n (индекс настроения)	4,56	3,31

ство (гражданский брак, а это практически каждый десятый из респондентов). Следом за ними идут холостяки. Тем и другим уступают те, кто возложил на себя бремя официального (законного) брака. Хуже всех, как мы видим, ощущают себя те, кто потерял спутника жизни – вдовы и вдовцы.

Мы попытались также проверить, существует ли связь между социально-психологическими настроениями и социальной самоидентификацией. Глядя на данные, приведенные в табл. 5, нетрудно убедиться, что связь действительно существует, причем прямая и довольно сильная: индекс настроения среди тех, кто отнес себя к высшему социальному слою, почти в 240 (!) раз выше в сравнении с теми, кто считает себя относящимися к самому низкому социальному статусу. И даже если сопоставить самооощущения «высшего» и «среднего» слоев (напомним, что речь идет о *самооценке!*), то мы обнаруживаем более чем восьмикратный разрыв между ними (сравните значения во 2-м и 4-м столбцах табл. 5).

Можно предположить, что две эти самооценки (ощущения своего настроения, с одной стороны, и самоидентификации, т. е. отнесения себя к тому или иному социальному слою, – с другой) взаимосвязаны, а именно, обе субъективные переменные определенным образом коррелируют друг с другом. Можно также предположить, что эта связь положительная: ощущение своей принадлежности к более высокому слою повышает уровень социально-психологического самооощущения. Но не исключено, что речь идет о влиянии социально-психологического самооощущения на отнесение себя к определенному социальному слою.

Обратимся к анализу ответов о настроениях в различных социально-профессиональных груп-

пах. Соответствующие данные приведены на рис. 4. Нетрудно убедиться, что наилучшим настроением отличаются руководители достаточно высоких уровней – топ-менеджеры, а также менеджеры среднего звена. Хуже всех чувствуют себя неработающие пенсионеры и рабочие низкой квалификации. Вероятно, это связано, с одной стороны, с низким уровнем материальной обеспеченности, условиями жизни и труда, а с другой – с наблюдением за преуспеванием других людей.

Еще одним проявлением качества жизни можно считать самооощущения людей по поводу того, каковы их перспективы на то, чтобы сегодня или хотя бы спустя какое-то время (может быть, даже ближе к закату своего земного существования...) с удовлетворением отметить: жизнь удалась! Вероятно, такая психологическая уверенность во многом служит и основой поддержания хорошего *настроения*. Понятно, например, что для работающих респондентов достижение жизненного успеха довольно тесно связано со служебной карьерой. Поэтому представляет определенный интерес выяснить, как занятые расценивают свои шансы на продвижение по службе. И здесь, в частности, довольно отчетливо проявляется дифференциация между занятыми на постоянной основе и временными работниками (работающими, вероятно, по личной договоренности или же по контрактам, заключаемым на определенный срок, – их в выборке было в 4,5 раза меньше) [7]. Из гистограммы на рис. 5 видно, что те, кто работают на основе постоянной занятости, оценивают свои перспективы более высоко, чем временные работники (возможно, для многих временных работников переход на постоянную основу может многими из них расцениваться как своего рода повышение собственного статуса).

Таблица 3

Общие настроения возрастных групп (процент по столбцам)

Возраст (лет)	16–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60+
I_n (индекс настроения)	5,81	5,46	5,46	3,16	4,29	0,89

Таблица 4

Общие настроения в брачно-семейных группах (процент по столбцам)

Брачное состояние	Гражданский брак	Холосты	Женаты (замужем)	Разведены	Вдовы
I_n	5,47	5,10	4,15	1,87	0,46

Таблица 5

Общие настроения групп самоидентификации (процент по столбцам)

Уровень самоидентификации	Высший	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий	Самый низкий	Затруднились ответить
I_n	40,69	12,36	4,94	1,66	1,00	0,17	4,26

Выявилась довольно определенная и тесная связь между социальной самоидентификацией и ощущением достигнутого в жизни успеха. Эта связь отражена в диаграмме, приведенной на рис. 6. Мы видим, что уверенность в том, что «жизнь удалась», падает от почти 60% среди тех, кто отнес себя к высшему социальному слою, до нуля среди относящих себя к социальному «дну».

Резюмируя приведенные выше суждения и расчеты, можно прийти к следующим основным выводам.

Распределение мнений респондентов об их принадлежности к различным социальным слоям образует сохраняющееся в течение ряда лет нормальное распределение. Это позволяет характеризовать нынешнее состояние провинциальной части российского общества (представленного в нашем исследовании населением г. Нижнего Новгорода) как устойчиво *нормальное*. Распределение ответов респондентов о социально-психологическом самочувствии позволяет сделать вывод, что среди двух третей из них доминируют позитивные настроения – спокойствие, уверенность, оптимизм. Такие настроения в большей

степени характерны для мужчин, обладателей более высоких уровней образования, предпринимателей, семейных людей, состоящих в законном или гражданском браке, тех, кто относит себя к более высоким статусным группам, а также среди тех, кто имеет постоянную работу.

Почти две трети респондентов настроены более или менее оптимистично относительно перспектив достижения ими успехов в жизни. Что касается оценки шансов на продвижение по службе, то здесь наблюдается связь между такого рода надеждами и прочностью положения в системе занятости: работающие на постоянной основе оценивают эти шансы существенно выше, нежели работающие временно. Наблюдается отрицательная связь между возрастом опрошенных и оценками своих шансов на жизненный успех. Можно утверждать о наличии связи между социальной самоидентификацией и оценками возможностей достижения успеха, которую можно выразить следующим образом: чем ниже слой, тем меньше надежды. Среди образовательных групп наиболее высоко оценивают свои шансы респонденты с высшим образованием.

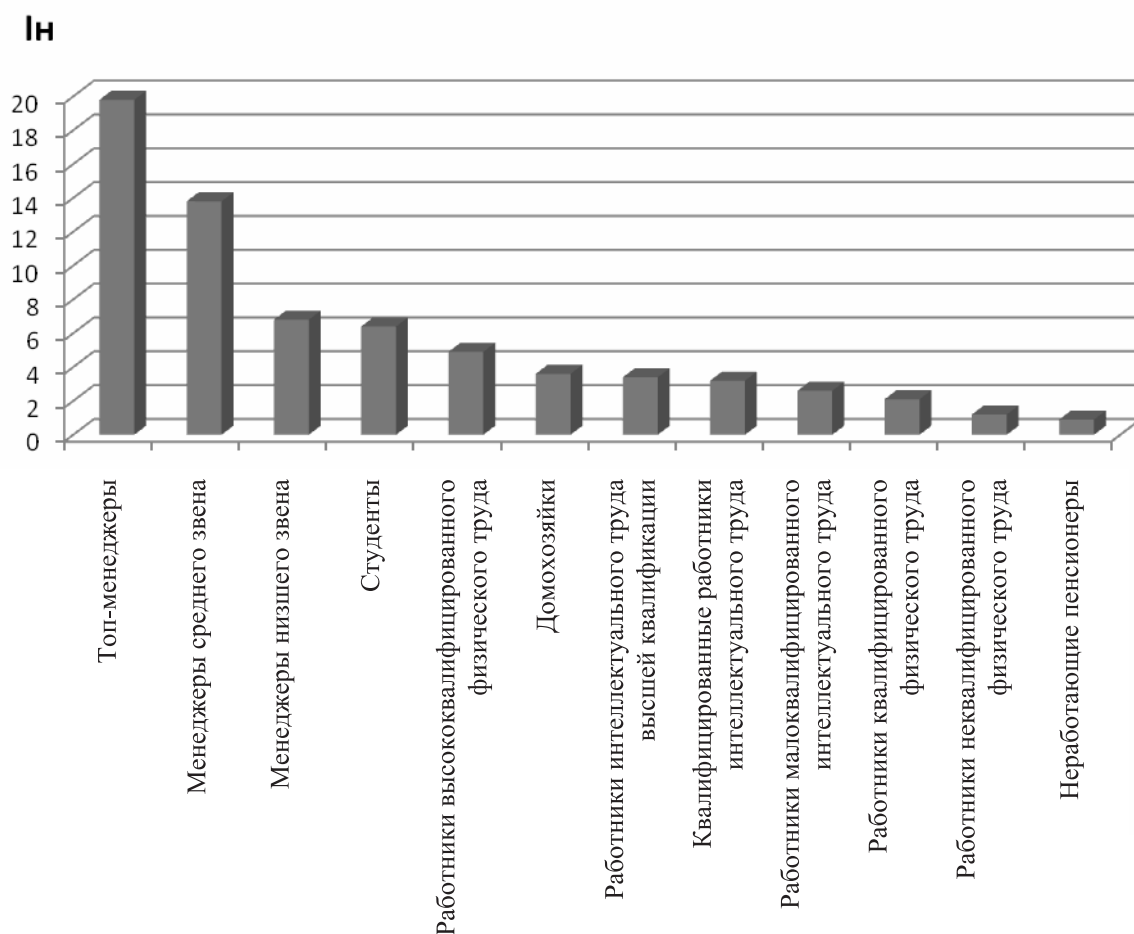

Рис. 4. Индексы настроения в различных социально-профессиональных группах

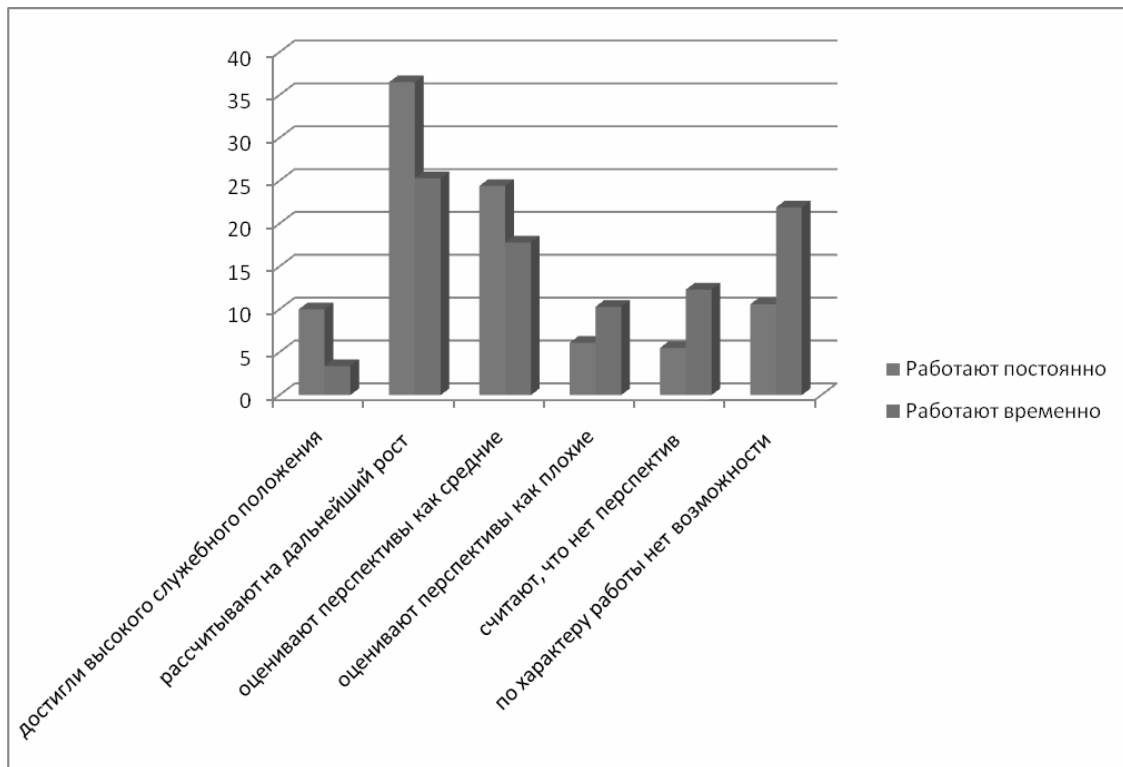

Рис. 5. Оценка шансов на продвижение по службе (в процентах от численности каждой группы)

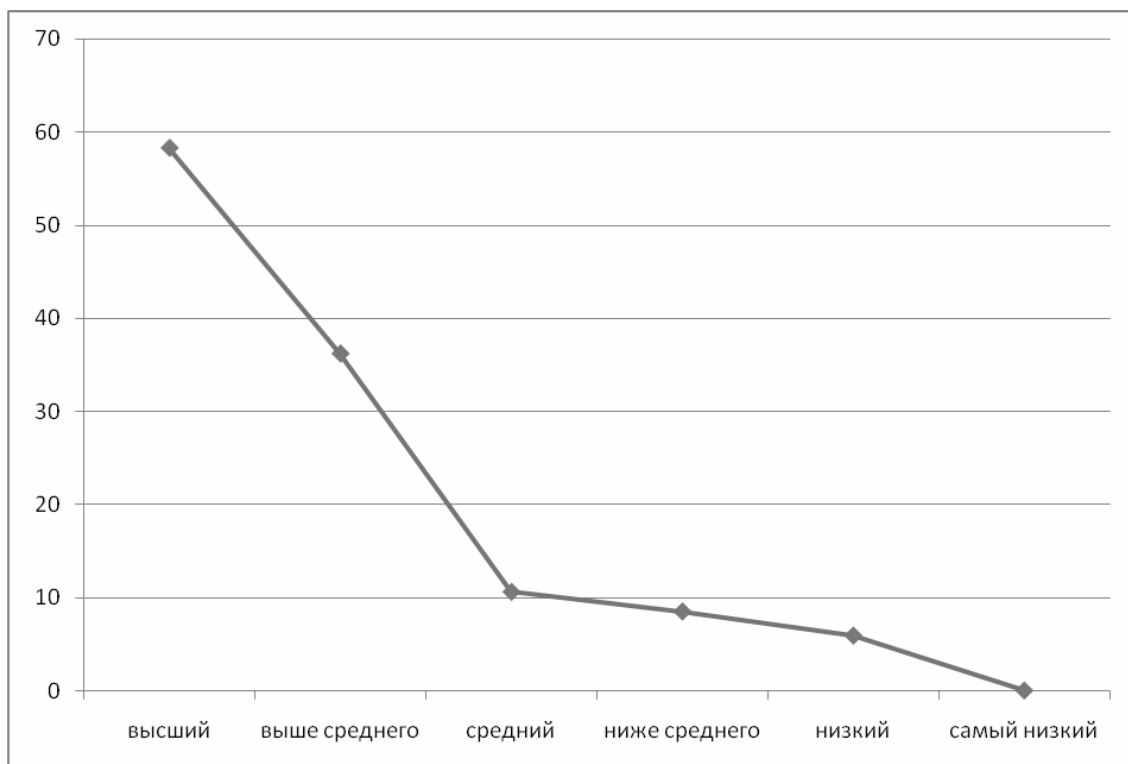

Рис. 6. Доли респондентов в социальных слоях, уверенных, что они уже добились успеха (в процентах от численности каждого слоя социальной самоидентификации)

Примечания

1. См.: Круинов Ю. Качество жизни. URL: <http://www.kgroupnov.ru/pubs/2005/01/09/10178/print.html> (публикация 09.01.2005).
2. См.: URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%E0%F7%E5%F1%F2%E2%EE_%E6%E8%E7%ED%E8.
3. Монтень М. Об искусстве жить достойно. М.: Дет. лит., 1975. С. 84–85.
4. См.: Анушин В. Ф. Контуры провинциального среднего класса России // Социологические исследования. 2006. № 10.
5. К оценке качества жизни среднего класса России. URL: http://www.evrodol.ru/vladimir/vladimir_39.html.
6. См.: Концепции качества жизни в современном обществе. URL: <http://referat.mp3city.kiev.ua/20/pages/21351.php>. Здесь они именуется почему-то «индикаторами качества жизни». Хотя «индикаторы» – это дословно не что иное, как «указатели»; однако то, о чем идет речь, – это именно «факторы» (напомним также изначальное значение понятия «фактор»: причина, движущая сила чего-либо).
7. Соотношение этих групп в выборке было таким: 57,6% занято на постоянной основе, 12,6% – временно.

УДК 316.612-053.2

А. Б. Осипова, О. В. Устинова

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ СЕМЕЙ

Трансформация института семьи и брака проявляется в распространении различных структурных типов семей с детьми несовершеннолетнего возраста. На эмпирическом уровне автор рассматривает влияние структурных и социальных особенностей семей на развитие личности детей, процесс социализации.

Transformation of family institution and institution of marriage results in appearance of different family types with dependent children. The author considers empirically the effect of structural and social features of families on children's personality development and the process of their socialization.

Ключевые слова: семья, подростки, социально-профессиональный статус, неполные семьи, многодетные семьи, неблагополучные семьи, социализация, девиантное поведение.

Keywords: family, teenagers, social-professional status, one-parent families, large families, disadvantaged families, socialization, deviant behavior.

В условиях трансформации института семьи наблюдается процесс возникновения многообразия семейных типов, выделяемых по разным критериям. Если за основу брать *структурный* (демографический) признак, то можно констатировать увеличение материнских (неполных) семей за счет разводов, внебрачной рождаемости и

вдовства, семей с отчимами или приемными отцами (сводные), создающихся в результате повторных браков, заключения браков ранее незамужними матерями и длительных нерегистрируемых сожительств, рост малодетных семей.

В качестве важного типологизирующего критерия семей выступает и *уровень материальной обеспеченности*. Это особенно актуально в условиях резкой имущественной дифференциации населения России. При этом важен не столько показатель дохода, сколько его восприятие членами семьи. Дифференцирующими социальными критериями типологии семей могут выступать *социально-профессиональный статус* и *уровень образования* супругов.

Возникает вопрос: как различные структурные и социальные особенности семей влияют на развитие личности детей, процесс их социализации? По данным переписи 2002 г., в 52% домохозяйств России проживали несовершеннолетние дети, 70% составляли семьи с двумя родителями, 27% – с матерями и 3% – с отцами. Об увеличении числа сводных семей можно судить лишь по данным статистики ЗАГСа, согласно которой пропорция повторных браков составляла в 2012 г. 26% – для мужчин и 25% – для женщин [1].

Процессы трансформации семейной структуры в России сходны с западными тенденциями. Например, менее половины детей в США проживают в нормативных семьях с обоими биологическими родителями, родными братьями и сестрами. К сожалению, бюро переписи США не предоставляет данных о числе сводных семей. По данным 2010 г., семьи с обоими родителями составляли 69% всех семей с детьми до 18 лет, материнские – 26%, отцовские – 5%, причем велики отличия по этническим группам. Однако в России и США последняя перепись населения 2010 г. позволила получить новые данные о структурных типах. По результатам репрезентативных исследований, в США процесс численного увеличения ненормативных типов остановился.

Перспективы развития института семьи многие ученые на Западе и в России рассматривают сквозь призму двух концепций – кризиса (упадка) и модернизации (пластичности) семьи, в определенной мере отражающих консервативную и либеральную позиции. Повышенный интерес вызывает вопрос: как процесс трансформации брака связан с благополучием детей. Негативное влияние отличных от нормативной структуры с одним родителем и сводных семей на выполнение функции воспроизводства и социализации является основным аргументом сторонников кризиса института семьи. Можно согласиться с мнением американского ученого П. Эмейто, который предлагает вместо принятия одной из этих позиций анализировать отрицательные послед-

ствия развития семьи и развивать соответствующие меры помощи и одновременно видеть и «поощрять» положительные стороны происходящих изменений [2].

Научная проблема может быть сформулирована как противоречие между знанием о процессе трансформации брака в России, дальнейшем распространении ненормативных структурных типов семей с несовершеннолетними детьми и недостатком научных знаний о влиянии типа семьи на развитие личности подростков в современных условиях. В повседневном сознании людей, в СМИ, среди специалистов, профессионально связанных с детьми, в России до сих пор распространен стереотип, что у детей из неполных семей больше проблем по сравнению с детьми, проживающими в полных семьях. Такая стигматизация негативно сказывается на успешности развития личности детей из ненормативных семей, становясь практической проблемой.

В настоящее время несколько уменьшилась доля нормативных и увеличилась доля сводных семей. Результаты проведенного исследования в 2012 г. показали, что большинство семей с одним родителем составляют разведенные матери (15%), никогда не вступавшие в брак (4%), 2% – вдовы матери и 1% – отцовские семьи. Несколько увеличилось число семей «без родителей», где подростки проживают с бабушкой и/или дедушкой, редко со старшей сестрой/братом. Этот тип разнороден: родители (внебрачные матери) могут иметь новые семьи и проживать отдельно от ребенка, родители могут быть лишены прав, а дети находятся под опекой у бабушек/дедушек. Процесс изменения семейной структуры достаточно медленный. Следует отметить, что более половины подростков живут с биологическими родителями (табл. 1).

Рассмотрим измеряемые показатели и индикаторы развития личности подростков вне зависимости от того, установлены ли связи со структурой семей. Поступать в вуз планируют 78% юношей и 87% девушек, т. е. человеческий капитал населения России предположительно растет. При этом темп интеллектуального роста у девушек выше. Только 1% выпускников после окончания школы собираются пойти работать. Девушки чаще посещают факультативы. Хотя «продвинутыми» пользователями компьютера считают себя 35% юношей и только 18% девушек. Негативное влияние развода на социальную адаптацию детей проявляется не только в рамках межличностного взаимодействия с родителями, но и распространяется на другие сферы жизнедеятельности. Как правило, в таких семьях наблюдается снижение познавательных установок у детей, низкая школьная успеваемость и слабая выраженность стремления к достижениям. Однако, по результатам опроса, не обнаружено статистически значимых отличий между подростками из нормативных и материнских типов семей ни по одному из индикаторов *образовательного потенциала*. Установлено, что большинство юношей из семей с отчимами учатся на тройки в сравнении с юношами из нормативных семей (табл. 2).

Эмпирически подтверждено, что дети из неполных семей не всегда могут получить достойное образование в силу их низкой доходности. Государство и работодатели заинтересованы в воспроизводстве человеческого капитала – образованного и здорового конкурентоспособного трудового ресурса в условиях глобальной экономики. В то же время вызывает озабоченность морально-нравственное состояние молодого поколения.

Таблица 1

Динамика числа подростков, проживающих в различных семейных ячейках, в процентах

Результаты переписи	Нормативные	Сводные	С одним родителем	Проживают без родителей
2002	64	17	23	2
2010	58	26	37	3,5

Таблица 2

Образовательные потребности подростков, в процентах

Индикаторы	Нормативные		Сводные с отчимом		С матерью	
	юн.	дев.	юн.	дев.	юн.	дев.
Посещение факультативов	45	53	47	48	52	64
Умение пользоваться компьютером	38	21	27	23	38	28
Планирует поступление в вуз	68	73	66	69	65	73
Призеры олимпиад	24	46	11	18	23	36
Успеваемость (учатся на «3»)	30	17	34	20	31	3

Многие подростки не всегда сострадательны к социально уязвимым категориям населения. Например, «испытывают жалость и/или желание помочь» инвалиду 83% юношей и 90% девушек, старому беспомощному человеку – 85% и 95%, маленькому ребенку – 63% и 81% соответственно. Девушки лучше относятся к детям, чем юноши, что можно объяснить и «материнским инстинктом» и доминированием норм родительства, не предполагающих активного и ответственного отцовства. «Испытывают жалость и/или желание помочь» бомжу – 36% юношей и 32% девушек; бездомной собаке – 68% и 87%, т. е. к людям без определенного места жительства подростки относятся почти в два раза хуже, чем к бездомным животным.

Выделена группа *альтруистов*, которые готовы помочь или сочувствуют по всем индикаторам, их оказалось 49%. Исключение составляют девушки из хорошо обеспеченных семей, среди которых меньше всего альтруисток. Полностью *безразличных*, которые не придут на помощь пострадавшим, – только 1%. Следовательно, по измеряемым индикаторам гражданских качеств не обнаружено значимых различий между подростками из различных типов семей. Результаты оценки здоровья, занятия спортом, секс и вредные привычки представлены в табл. 3.

Возможно, более слабое здоровье девушек связано с меньшей вовлеченностью в спортивные занятия. В материнских семьях больше девушек, которые оценивают свое здоровье как плохое. Эта закономерность нуждается в дальнейшем изучении. Возможно, на здоровье влияют психологические причины, связанные с отсутствием мужчины в семье, либо матери уделяют здоровью дочерей больше внимания. Выявлено, что большое количество молодых людей уделяет внимание спорту.

Распределение по материальной обеспеченности семей подростков оценивалось по следующим показателям (табл. 4).

В целом по выборке 29% проживают в материально необеспеченных семьях, 54% – в семьях среднего уровня обеспеченности и 17% – в хорошо обеспеченных. Как видим, выявлен средний уровень материальной обеспеченности в материнских семьях, промежуточное положение занимают подростки из сводных семей, хорошо обеспечены подростки из нормативных семей. Ярко выраженных различий в обеспеченности с одним и двумя родителями не выявлено. Вероятно, этот факт связан с тем, что сегодня женщины-матери занимают высокие позиции в экономике и способны обеспечивать детей без помощи мужей.

В последнее время наблюдается рост числа неблагополучных семей. Причиной семейного неблагополучия является алкоголизм взрослых, бесконтрольность воспитания детей со стороны взрослых, отсутствие у родителей потребности в саморазвитии во внесемейной сфере. Для родителей из таких семей большое значение приобретают аффилиативные ценности (потребность принадлежать к определенной группе и занимать какое-либо место в ней, пользоваться привязанностью и вниманием окружающих, быть объектом их уважения и любви). Взаимоотношения с окружающими необходимы им для подпитки собственной ценности, для получения оценки себя извне. Без взаимоотношений с кем-либо они чувствуют себя ничтожными, тесные взаимоотношения дают им чувство безопасности. Став родителем, такой человек вовлекается в бесконечную последовательность хаотичных действий по воспитанию ребенка, не задумываясь ни о причинах его поведения, ни о том, как с толком подойти к возникшей воспитательной ситуации, испытывая удовлетворение от вовлеченности в процесс общения.

Таблица 3

Оценка здоровья и частота занятий спортом подростков в структурных типах семей, в процентах

Индикаторы	Нормативные		Сводные с отчимом		С матерью	
	юн.	дев.	юн.	дев.	юн.	дев.
Хорошее здоровье	78	69	74	64	71	73
Регулярно занимаюсь спортом	72	58	69	53	64	56
Посещаю фитнес-клуб	65	55	56	49	58	56

Таблица 4

Показатели материальной обеспеченности семей, в процентах

Индикаторы	Нормативные		Сводные с отчимом		С матерью	
	юн.	дев.	юн.	дев.	юн.	дев.
Нам не хватает денег даже на еду	18	23	31	34	36	38
У нас почти нет материальных проблем	23	27	16	19	12	14
Материально-жилищная обеспеченность	82	79	45	39	43	38

Отличительными особенностями семейного окружения в такой семье являются непостоянство и непредсказуемость. В таких семьях детям редко объясняют, почему им не следует делать то или другое. Воспитание в основном строится по принципу запретов и наказаний. В результате у подростка не вырабатываются нормы, которые могли бы регулировать его поведение. Он постоянно нуждается во внешнем контроле, который со временем становится все более обременительным. В конце концов, подростки начинают искать возможность частично или полностью покинуть семью. У членов неблагополучных семей познавательная потребность выступает чаще как потребность в новом стимуле, чем как потребность в системе представлений о мире. Их привлекают темы, которые эмоционально возбуждают, динамичны, полны неожиданностей (например, подробности угона автомашины, драки водителей такси, поведение алкоголиков микрорайона). Значительную часть взаимодействий детей занимают выяснения отношений с применением силы.

В неблагополучных семьях можно столкнуться с равнодушными установками по отношению к труду (выбор места работы, учебы членами семьи довольно случаен) и со скептическим или пренебрежительным отношением к таким качествам, как трудолюбие, терпение, настойчивость. Достижение своих целей с помощью этих качеств нередко явно или скрытно считается уделом людей, которые «не умеют жить». При таком отношении к труду их деятельность регулируется не стремлением достичь каких-либо целей, а стремлением избежать каких-либо отрицательных последствий собственных действий, действий своих детей или же собственного бездействия. Постоянные столкновения с окружающими людьми и социальными институтами способствуют формированию в таких семьях недоверчивых установок по отношению к окружающим (соседям, товарищам по работе, сотрудникам учреждений), уверенности, что все легко нарушают моральные правила и законы, не сомневаются в своей безнаказанности.

В противоположность родители в благополучных семьях передают своим детям собственные духовные ценности (стремление к познанию, творчеству, самосовершенствованию), формируя у детей соответствующие ценностные ориентации, которые позволяют им самостоятельно двигаться в социально одобряемом направлении. Для родителей дети представляют ценность, прежде всего, тем, что помогают организовать напряженный межличностный контакт, они воспринимаются как добавление и отражение себя.

Современное общество породило и такой массовый тип семьи, которую называют карьерной. Родители в такой семье живут в постоянной по-

гоне за работой, зарплатой, экономическим и социальным престижем. Они поглощены борьбой за достижение высокого социального статуса. Сверхвовлеченность в производство, сосредоточение внимания на улучшении материально-бытовых условий и ориентация на развлечения являются важными факторами, влекущими отсутствие сознательного воспитательного воздействия на подростка, что приводит к возникновению девиантного поведения. Как правило, подростки из таких семей в пределах микрорайона образуют относительно замкнутую обособленную от других сверстников группу.

В последние годы все чаще специалисты обращают внимание на рост количества и специфику положения в обществе неполных семей. Выделяют несколько источников формирования таких семей. Первый – связан с распадом семьи вследствие развода супругов. Статистика свидетельствует, что более одного миллиона детей и подростков остались без одного родителя по причине распада брачного союза. Вторым источником пополнения неполных семей – внебрачная рождаемость, показатели которой неуклонно возрастают. Формированию неполных семей в значительной мере способствует также наблюдаемый в последнее десятилетие непропорциональный рост смертности мужчин в трудоспособном возрасте от неестественных причин (отравление, производственные травмы, военные действия). Лишь около 56% мужчин трудоспособного возраста доживают до 60 лет [3].

Среди проблем неполных семей особенно острой предстает проблема ее функционирования как института *воспитания и социализации детей*. Сегодня в каждой пятой российской семье с несовершеннолетними детьми отсутствует один из родителей. Как отмечает социолог И. Е. Калабахина, преобладающее большинство неполных семей имеют характеристики «бедных» и «зависимых от пособий». Поясним эти сугубо экономические термины. «Бедными» считаются семьи, в которых доход на одного члена ниже стоимости потребительской корзины. «Зависимыми от пособий» являются семьи, где социальные пособия составляют более 25% семейного бюджета. В среднем по регионам России среди неполных семей доля «бедных» составляет 60,9%, а доля «зависимых от пособий» – 18,9% от их числа.

Неполные семьи имеют серьезные материальные проблемы и «лидируют» по зависимости от социальной поддержки государства. Так, подростки из неполных семей в сравнении с ровесниками из нормативных семей отметили серьезные материальные трудности, испытываемые семьей: соответственно 30 и 15%. Кроме того, в этих семьях высок риск попадания в малообеспеченные группы населения в связи с единственным кор-

милльцем. Учитывая, что неполные семьи – преимущественно материнские (мать и ребенок), дополнительную угрозу им представляет нынешняя политика занятости в стране. Сегодня идет активное вытеснение женщин с рабочих мест на биржу труда или в сферу низкооплачиваемых бюджетных учреждений.

Следующая социальная характеристика, которая требует внимания общества к неполной семье с несовершеннолетними детьми, связана с качеством их здоровья. Дети из данной категории семей чаще подвержены острым и хроническим заболеваниям, протекающим в более тяжелой форме. При этом неблагоприятные показатели здоровья детей из неполных семей специалисты связывают не столько с влиянием стрессов развода, сколько с низкой медицинской активностью матери. Специфический образ жизни семьи с одним родителем ощутимо отражается на воспитательном процессе. Американские психологи, анализируя особенности возникающих проблем воспитания в неполной семье, предостерегают от их прямого увязывания с отсутствием отца. По их мнению, издержки воспитания в неполной семье являются следствием ограниченных материальных ресурсов и низкого социального статуса такой семьи. В рамках воспитательной деятельности матерям не удается осуществлять полноценный контроль за детьми и влиять на их поведение. Главная причина – чрезмерная занятость матери на работе, не позволяющая уделять детям достаточно внимания [4].

Опросы старшеклассников из разных типов семей подтверждают этот тезис, а результаты опроса позволили сделать определенные выводы. Во-первых, авторитет отца остается неизменным и стабильно невысоким (16%). Во-вторых, значительно изменилось отношение подростков к матери как образцу для идентификации. Это связано с изменением ее трудового ста-

туса. Большая доля работающих женщин сегодня занята не вполне престижной работой либо домашним хозяйством (15%). В-третьих, достаточно стабильна установка старшеклассников на свою идентичность с обоими родителями (31%).

Установлен весьма тревожный факт – нежелание значительной части подростков соотносить себя как личность ни с отцом, ни с матерью. При этом прослеживается четкая тенденция к увеличению сторонников такой позиции, что свидетельствует о нарастании так называемого «социального одиночества» среди российских детей. Абсолютно логичным выглядит разброс в оценках роли отца в этих двух группах детей: его уход из семьи ведет к отчуждению ребенка, формированию негативного, порой враждебного отношения к покинувшему семью родителю. Столь же логично в подобных условиях возрастание авторитета матери как единственного оставшегося в семье взрослого и кормильца. Более четверти детей из неполных семей продолжают рассматривать в качестве образца для подражания в равной мере отца и мать, сохраняя доброе отношение к родителю, причинившему ему, ребенку, страдания и боль. Наиболее драматичным свидетельством действия фактора развода на ребенка представляется преобладающее количество детей из неполных семей, категорически не желающих быть похожими на кого-либо из родителей (39%). Другой показатель уровня близости отношений ребенка со своими родителями – обращаемость к матери или отцу за советом и помощью. При этом взаимодействие родителей с детьми строится на основе добровольного признания последними права родителя на роль старшего друга, советчика в трудные моменты жизни.

В табл. 6 наглядно показано, что происходит деформация воспитательного действия в неполной семье. Чаще всего подростки из разных типов семей выбирают советчиком мать (соответственно 36% и 37%). Менее значим в неполной семье по сравне-

Таблица 5

Самоидентификация подростков с родителями, в процентах

Желание быть похожим	Дети из полных семей	Дети из неполных семей
На отца	23	7
На мать	19	31
На обоих родителей в равной степени	47	25
Ни на отца, ни на мать	11	37

Таблица 6

Выбор подростком советчика по важным проблемам, в процентах

Советчик подростка	Из полных семей	Из неполных семей
Мать	36	37
Отец	22	13
Старший брат (сестра)	18	15
Друг	14	28
Ни с кем не советуюсь	10	7

нию с полной семьей авторитет старших братьев (сестер) (соответственно 18% и 15%). Вместе с тем дети развода значительно чаще пользуются советами своих друзей и подруг. Весьма тревожным следует считать факт, что подростки отвергают все возможные варианты советчиков и принимают важные для себя решения самостоятельно. Таким образом, подтверждается феномен массового социального одиночества детей из неполных семей, их невысокая способность строить конструктивное межличностное взаимодействие.

Далее рассмотрена тема *психологического дискомфорта* подростков в двух плоскостях: во-первых, тревожность детей как реакция на объективные трудности функционирования неполной семьи и, во-вторых, личные проблемы детей как следствие семейного неблагополучия. *Первый срез* включал такие показатели, как тревога подростка в связи с финансовыми трудностями семьи (в неполной – 39%, в полной – 22%), беспокойство за здоровье родных (46% и 35%), конфликты в семье (6% и 19%). Полученные процентные распределения свидетельствуют о значительном отставании материальных возможностей неполной семьи по сравнению с полной семьей. Обостренное беспокойство детей развода о здоровье близких объясняется их опасениями потерять единственного оставшегося с ними родителя. Это тревожное чувство формируется у детей развода на первом этапе распада семьи и сопровождает их до обретения полной социальной и материальной самостоятельности. *Вторая группа причин* тревожности детей связана с их личностными проблемами. Детские страхи выявлялись через переживания разногласий с родителями (29% в неполной семье и 19% – в полной семье), а также через трудности усвоения школьной программы (24% и 15%). Как обнаружилось, развод в семье значительно повышает частоту конфликтов ребенка с родителями. Формируется высокая тревожность, связанная с необходимостью построения отношений с каждым родителем отдельно. Иногда развод родителей порождает в душе ребенка враждебность к отцу и матери, которой вменяется вина за уход отца. В связи с отсутствием в неполной семье мужского эталона идентификации одинокая мать пытается компенсировать сыну этот недостаток изменением своей родительской роли [5]. Однако эта смена стратегии отношений с сыном приводит к драматическим результатам: женщина не в состоянии совмещать материнскую функцию любви, терпимости и теплоты с отцовской, основанной на мужской строгости, требовательности и авторитарности. В результате мальчик лишается не только отца, но и частично матери. Таким образом, необходимо принимать активные меры по повышению адаптации всех типов семей к условиям проживания в современном обществе.

Примечания

1. Гурко Т. А. Трансформация института семьи: постановка проблемы // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 81.
2. Fong M. S. The Role of Women in Rebuilding the Russian Economy. The World Bank. Washington. D.S.P.29
3. Аристова Н. Г. Влияние структуры семьи на успешность выполнения воспитательных функций // Семья как объект социальной политики. М.: ИСИ АН СССР, 1986.
4. Гурко Т. А. Особенности развития личности подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 2011. № 3. С. 99–101.
5. Дементьева И. Ф. Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 109–111.

УДК 316.034

Е. В. Митягина

РАБОЧИЕ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Цель статьи – выяснить степень готовности рабочих выступить ключевыми субъектами прогрессивного развития страны. За основу анализа взята классификация, предложенная сотрудниками Института социологии РАН, согласно которой всех рабочих можно разделить на «модернистов», «традиционалистов» и «промежуточный тип». Выяснено, что эти типы рабочих демонстрируют значительное количество различий по целому ряду показателей. Российских рабочих, способных выступить актором модернизации, следует искать, прежде всего, в группе обладающих модернистским типом мышления.

The purpose of the article is to find out if there are people among the workers who could become the key persons of the country's progressive development. The basis of the analysis is a classification offered by the Institute of Sociology of the RAS staff members. According to the classification all workers could be divided into the groups of "modernists", "traditionalists" and "intermediate type". It was figured out that these types of workers demonstrate a significant number of differences in many aspects. If among Russian workers there are people who can become the actors of modernization, they should be uppermost searched for among the workers having the modernist type of thinking.

Ключевые слова: рабочие, модернизация, акторы модернизации, стадии модернизации, модернисты и традиционалисты.

Keywords: workers, modernization, modernization actors, modernization stages, modernist and traditionalists.

Тема модернизации активно обсуждается в общероссийском социологическом дискурсе. Как это бывало неоднократно, тема возникла с подачи высшей власти, заявившей о том, что пришло

время ускоренной модернизации, от которой зависит эффективность взаимодействия России с другими странами. Идея была подхвачена учеными, политиками, представителями бизнеса. Концепция «модернизации» постоянно обсуждается на страницах газет, в Интернете, на телевидении и радио, однако до сих пор не сложилось единого понимания этого понятия, «...не выделены основные направления желаемых перемен, за исключением обновления технологий. Нет общепринятого представления о том, что нужно и можно модернизировать в первую очередь, кто, как и на какие средства должен это делать, и какие результаты это должно принести» [1].

Одним из главных вопросов остается вопрос о том, кто выступит в роли актора модернизационных процессов. Российское общество, в сознании которого ещё живы мифы об особой миссии рабочего класса, возлагает ответственность за проведение модернизации на рабочих, в то время как именно рабочие оказались наиболее пострадавшими от попытки ускоренного перехода России к рыночным отношениям.

При концептуализации понятия «модернизация» мы придерживаемся точки зрения Н. И. Лапина, который (вслед за китайским профессором, автором концепции вторичной модернизации Хэ Чуаньци [2]) считает, что «в большинстве развитых стран одновременно осуществляются две стадии модернизации» [3] – *первичная*, знаменующая переход к индустриальному обществу, и *вторичная*, начавшаяся в период зарождения информационного общества. Проблемой противоречиво развивающегося российского общества стала попытка перехода на вторичный уровень модернизации при незавершенном первичном. Возникает эффект «двойной» модернизации, когда инвестиции в одну из стадий производятся за счет эксплуатации и недофинансирования другой, в то время как оптимальным является движение к интегрированной модернизации с равномерным распределением ресурсов внутри неё.

Обращение к интегрированной модернизации ставит вопрос о её акторах, то есть о тех действующих субъектах, которые будут ответственны за модернизацию. На протяжении почти всего прошлого столетия гегемоном общественного прогресса в нашей стране считался рабочий класс. Большинство современных российских исследователей не видят сегодняшних рабочих в этой роли. Акторами модернизации в глазах российских ученых становятся бизнес-группы (Т. И. Заславская [4]), высокообразованные слои населения (Л. А. Беляева [5]), средний класс (Е. М. Аврамова, М. С. Токсанбаева [6], Т. М. Малева, Л. Н. Овчарова [7], С. В. Мареева [8]), ученые-профессионалы, представители активистской социологии (О. Н. Яницкий [9]). Некоторые ав-

торы полагают, что акторы модернизации «распылены» сегодня по разнообразным социальным группам [10]. Ряд исследователей говорят о неоднородности и рассредоточении акторов модернизации в пределах территории страны, когда они представлены как некоторые региональные «точки» роста на карте России (О. Н. Яницкий [11]). То есть кто угодно, но только не рабочие.

В глазах же российского населения, согласно данным общероссийского опроса «Готово ли российское общество к модернизации?», «бесспорные лидеры среди социальных групп, способствующих развитию России... – это рабочие и крестьяне. Заметно отстают от них, но все же отчетливо выглядят... опорой прогрессивного развития России также интеллигенция, молодежь, предприниматели и средний класс» [12]. Рабочие, согласно данным опроса, занимают первое место в списке ключевых субъектов прогрессивного развития страны. Однако именно рабочие, оказавшиеся зажатými «жерновыми «двойной» модернизации», в большей степени, чем другие группы в структуре социума, оказались не готовыми, с одной стороны, к стагнации индустриального общества, с другой – к изменениям, которые диктуются обществом информационным.

В 2012–2013 гг. на базе кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и Научной социологической лаборатории Вятского государственного гуманитарного университета было проведено исследование на тему «Ресурсность рабочих на региональном рынке труда в условиях российской модернизации» (далее – *Исследование 2012–2013 гг.*). Методом глубинного интервью были опрошены 35 руководителей предприятий различных сфер хозяйственной деятельности и методом раздаточного анкетирования – 1220 рабочих. Исследование проводилось в Нижегородской и Кировской областях. Одним из основных тезисов стала зависимость завершенности процесса первичной модернизации от региона. Для сравнения результатов был осуществлен пилотный проект, где в качестве изучения организованного кейса был избран завод по производству электротехнического оборудования в Московской области.

Для вторичного компаративного анализа использовались результаты исследований, проведенных в 2006 и 2010 гг. Институтом социологии РАН, «Готово ли российское общество к модернизации?» [13] (далее – *Исследование института социологии РАН*). Согласно предложенной в них классификации, рабочие, как, впрочем, и всё население страны, делится на «модернистов» (тех, кто при определенных условиях может выступить актором модернизации) и «традиционалистов» (тех, кто акторами модернизации в боль-

шинстве своём стать не может). В основу подобного деления положен индекс модернизованности сознания, который учитывает, во-первых, специфику представлений об оптимальной модели общества, во-вторых, ценности, нормы и мировоззрение. Деление на «модернистов» и «традиционалистов» наиболее удачно, так как в их составе оказываются принципиально разные группы рабочих. Хотя некоторым недостатком является невозможность отнесения большинства населения ни к одному из данных типов, они не могут быть ни среди «modern man», ни среди представителей традиционалистского типа. Авторы доклада относят эту группу к промежуточному типу, «само существование которой отражает переходный этап социокультурной модернизации, который переживает сегодня российское общество» [14].

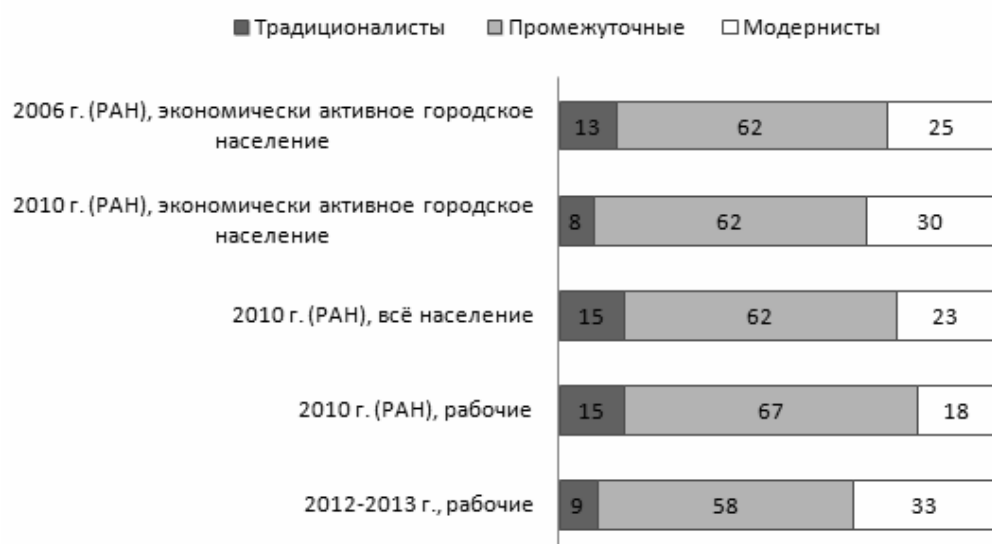
Н. Е. Тихонова предлагает внутреннюю дифференциацию этих трех мировоззренческих групп: *традиционалисты* («Последовательные традиционалисты», «Традиционалисты-этакраты» и «Разочаровавшиеся традиционалисты»), *промежуточный тип* (Немодернисты и «Протомодернисты») и *модернисты* («Российские постмодернисты» и «Российские модернисты») [15]. В основу подобной классификации исследователь закладывает различные мировоззренческие позиции, касающиеся нормативно-ценностных систем в отношении поведения отдельной личности и моделей развития общества.

Взяв за основу классификацию, предложенную сотрудниками Института социологии РАН, а также общераспространенное мнение о том, что

базис современного общества составляют знания, информация и инновации, наше деление рабочих на «модернистов», «промежуточный тип» и «традиционалистов» было осуществлено при помощи ряда факторов. В первую очередь, способность к освоению нового; способности к новаторской и инновационной деятельности; степень осведомленности о деятельности предприятия; о выпускаемых продуктах и о предоставляемых услугах. За индикаторы, свидетельствующие в пользу инновационности и модернизованности мировоззрения, респонденту начислялся 1 балл; и вычитался 1 балл, если они придерживались традиционалистских взглядов.

Согласно данным исследований 2012–2013 гг., модернистами среди рабочих являются 33%, традиционалистами – 9%, промежуточный тип составляют 58% рабочих. Данные Института социологии РАН чуть более пессимистичны. Модернисты составляют среди рабочих – 18%, традиционалисты – 15%, промежуточный тип – 67%. Подобные расхождения возможны, так как за основу мы брали иные критерии классификации (см. рисунок).

Модернисты и традиционалисты в среде рабочих демонстрируют значимые отличия по целому ряду показателей, начиная с социально-демографических характеристик. Среди модернистов больше мужчин в возрасте от 18 до 35 лет. Промежуточный тип в большей степени представлен женщинами от 36 лет и старше. Традиционалисты представлены как мужчинами, так и женщинами в возрасте от 31 года. Особенно высок процент традиционалистов в старших возраст-

Доля представителей различных типов мировоззрения в составе населения и социально-профессиональной группы рабочих, %

(по данным исследований Института социологии РАН (2006, 2010 гг.) и Исследования 2012–2013 гг.)

ных группах, хотя как среди старших возрастных групп есть модернисты, так и среди рабочей молодежи – традиционалисты.

Наиболее ярко выраженные и статистически значимые различия между выделенными группами сконцентрированы в сфере образования и уровне квалификации. Они выражаются как объективно – в наличии тех или иных дипломов, аттестатов, свидетельств или разрядов рабочих, так и субъективно – в степени удовлетворенности соответствием уровня своего образования и квалификации выполняемой работы и желании продолжать образование. Что касается общего образования, то в большинстве своем рабочие окончили среднюю общеобразовательную школу (84,8%). Статистически значимые различия проявляются в том, что среди модернистов наиболее высокий процент окончивших школы с углубленным или профильным преподаванием отдельных предметов (8,6% – модернисты, 2,1% – традиционалисты) и общеобразовательные колледжи и лицеи (6,1% против 3,2%). Среди традиционалистов высокий процент закончивших вечерние школы (7,4% против 1% у модернистов).

Исследование не выявило статистически значимых различий в профессиональном образовании. Современные рабочие имеют достаточно высокий уровень образования, который в большинстве случаев выше, чем того требует выполняемая работа. По результатам исследования, ПТУ со средним образованием, техническое училище закончили 27,5% рабочих; техникум, медицинское, музыкальное, педагогическое или художественное училище – 22,5%; высшее образование имеют 16,2%. Около 16,3% (в основном среди старших возрастных когорт рабочих) имеют в качестве самого высокого уровня образования аттестат полной средней школы.

Различия обнаруживаются в желании учиться, повышать квалификацию и в степени удовлетворенности соответствием уровня образования выполняемой работе. Традиционалисты не планируют повышать квалификацию и учиться в 95,3% случаев (модернисты – 79,1%). Модернисты в 9% случаев учатся в данный момент (1,2% – традиционалисты) и в 12% случаев планируют учиться в ближайшие 3 года (3,5% – традиционалисты). Модернисты в большей степени удовлетворены соответствием уровня образования уровню квалификации и выполняемой работе.

Важнейшей характеристикой модернизации является возможность и желание инновационного развития, стремление к освоению нового, к инновациям. Ускорение темпов развития экономики, появление наукоемкого производства требует и «нового» типа работника с инновационным мышлением, владеющего навыками освоения крупного автоматизированного производства и высоких технологий. Рабочие-модернисты в большей степени, чем традиционалисты, готовы к самостоятельному «освоению новых информационных продуктов» (54,6% – «уверенный навык», 15,5% – «владею в совершенстве» против 29,9% и 6,9% у традиционалистов). О том, что данный навык выражен у них слабо, заявили 42,5% традиционалистов. В том, что он отсутствует, признался каждый пятый из них (20,7%). У модернистов данные проценты значительно ниже (18,9 и 11% соответственно). Подобным образом обстоит дело с «поиском необходимой информации» и «готовности к освоению нового» (табл. 1). В данном случае мы имеем дело с принципиально разным отношением модернистов и традиционалистов к ключевым инновациям – инновациям в сфере информационных технологий. Без освоения этих инноваций невозможно рассмат-

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Владеете ли вы следующими навыками?» (в зависимости от типа мировоззрения), %

Варианты ответа	Модернист	Промежуточный	Традиционалист	Итого
Навык самостоятельного освоения новых информационных продуктов				
Отсутствует	11	14,5	20,7	13,9
Выражен слабо	18,9	29,9	42,5	27,2
Уверенный навык	54,6	48,5	29,9	49
Владею в совершенстве	15,5	7,1	6,9	9,9
Навык поиска необходимой информации				
Отсутствует	7	7,5	12,8	7,8
Выражен слабо	13	25,8	24,4	21,5
Уверенный навык	56,8	55,2	51,2	55,4
Владею в совершенстве	23,2	11,4	11,6	15,3
Навык освоения нового				
Отсутствует	5,1	7	14,6	7
Выражен слабо	9,1	26,9	31,5	21,3
Уверенный навык	63,5	57,3	40,4	57,9
Владею в совершенстве	22,4	8,8	13,5	13,7

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как изменилось и изменится материальное положение вашей семьи?» (в зависимости от типа мировоззрения), %

Варианты ответа	Модернист	Промежуточный	Традиционалист	Итого
Как ИЗМЕНИЛОСЬ материальное положение вашей семьи за последние три года благодаря вашему личному вкладу?				
Значительно улучшилось	15,3	8,4	8,4	10,7
Незначительно улучшилось	31,7	31	28,4	31
Осталось без изменений	38,9	49	46,3	45,4
Незначительно ухудшилось	8,2	7,2	8,4	7,6
Значительно ухудшилось	5,9	4,4	8,4	5,2
По-вашему, как ИЗМЕНИТСЯ материальное положение вашей семьи в последующие три года благодаря вашему вкладу?				
Значительно улучшится	21,8	11,6	9,9	14,9
Незначительно улучшится	25,7	25	19,8	24,8
Останется без изменений	39,5	49	57,1	46,4
Незначительно ухудшится	5,5	8,7	5,5	7,3
Значительно ухудшится	7,5	5,8	7,7	6,5

ривать данных работников как эффективных субъектов модернизации страны, поскольку модернизация экономики предполагает на основной массе рабочих мест использовать соответствующие технологии».

Дальнейшие статистические различия между модернистами и традиционалистами обнаруживаются по целому ряду показателей. Модернисты более мобильны, гибки, способны приспосабливаться к постоянным изменениям, переходить с одного места работы на другое. Они считают, что им будет легко в случае необходимости найти новое место работы (36% модернистов против 20,4% традиционалистов). В 27,3% случаев модернисты считают, что могут повлиять на принятие решений в масштабах своего подразделения (11,2% – традиционалисты), в 6,8% случаев могут повлиять на принятие решения в масштабах всего предприятия (2,5% – традиционалисты). Полагают, что от их мнения практически ничего не зависит, 61,2% традиционалистов и 48% – модернистов. Модернисты в 26,7% считают, что их совокупный доход выше уровня средней заработной платы рабочего их квалификации (против 14,3% традиционалистов). Модернисты чаще уверены в том, что материальное положение их семьи будет улучшаться благодаря их личному вкладу. Каждый пятый модернист (21,8%) считает, что оно «значительно улучшится» в последующее время, среди традиционалистов подобной точки зрения придерживается лишь каждый десятый (9,9%) (табл. 2).

По мнению большинства ученых, рабочие не могут быть названы сегодня акторами модернизации. Однако было бы ошибочно полностью исключать эту группу из модернизационных процессов. В то время как российская экономика стоит перед проблемой завершения индустриальной стадии, рабочие могут получить свой новый социальный статус. С этой точки зрения всех акторов модернизации можно разделить на ак-

туальных и потенциальных с отнесением рабочих ко второй группе. Среди рабочих имеется определенный процент модернистов, людей, имеющих высокий уровень квалификации, готовых к обучению, к восприятию инноваций и новаторской деятельности. Исследования показали статистически значимые различия между ними и теми, кто придерживается традиционалистских взглядов. Ресурс социальной инновации в среде российских рабочих отнюдь не исчерпан, и дальнейшее движение по пути реформ вполне может быть ими поддержано. Именно модернисты могут выступить активными участниками модернизационных процессов.

Примечания

1. Заславская Т. И. О социальных акторах модернизации России // *Общественные науки и современность*. 2011. № 3. С. 13–14.
2. Чуаньци Х. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / [пер. с англ. Н. И. Лапина]. М.: Изд-во «Весь мир», 2011.
3. Лапин Н. И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы её стратегии // *СОЦИС*. 2012. № 9. С. 5.
4. Заславская Т. И. Указ. соч.
5. Беляева А. А. Образование в России и модернизация экономики (по результатам Европейского социального исследования) // *СОЦИС*. 2011. № 12. С. 13–24.
6. Аврамова Е. М., Токсанбаева М. С. Особенности занятости в России // *Вестник Института социологии*. 2011. № 3. С. 106–119.
7. Малеева Т. М., Обчарова А. Н. Модернизация: что модернизировать и кто модернизаторы // *Sperg*. 2010. № 13. С. 21–34.
8. Мареева С. В. Практики инвестирования среднего класса в свой человеческий капитал // *TERRA ECONOMICUS*. 2012. Т. 10. № 1. С. 165–173.
9. Яницкий О. Н. Профессионал как социальный актор: случай или правило? // *Вестник Института социологии*. 2012. № 5. С. 44–60.
10. Юршков М. К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиции социологической науки // *СОЦИС*. 2010. № 12. С. 28–41.

11. Яницкий О. Н. Модернизация в России и вокруг: конспект // СОЦИС. 2011. № 5. С. 136–145.

12. Готово ли российское общество к модернизации? / [под ред. М. К. Горшкова, Р. Кумма, Н. Е. Тихоновой]. М.: Изд-во «Весь мир», 2010. С. 231–232.

13. Там же.

14. Там же. С. 32.

15. Тихонова Н. Е. Человеческий потенциал российских модернистов и перспективы модернизации в России // TERRA ECONOMICUS. 2012. Т. 10. № 1. С. 138.

УДК 930.1(450):1(091)(470)

О. И. Кусенко

ИТАЛЬЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ*

В статье представлена одна из наиболее развитых в Европе национальных школ изучения русской мысли, а именно, итальянская историография русской философии. Рассматриваются ее важнейшие направления, персоналии и их деятельность.

The article presents one of the most developed in Europe of national schools of the Russian thought, namely, the Italian historiography of Russian philosophy. Considers its most important trends, personalities and their activities.

Ключевые слова: итальянская историография, русская философия, направления исследований истории русской философии в Италии.

Keywords: Italian historiography, Russian philosophy, the directions of the studies of the history of Russian philosophy in Italy.

История итальянской историографии русской философской мысли – интересный и богатый предмет для исследования. Являясь одной из наиболее развитых в Европе национальных школ изучения русской мысли, итальянская историография русской философии остается слабоизученной в российской научной литературе. На основе материалов, полученных автором во время научной стажировки в ряде итальянских университетов в 2013 г., выделим четыре основные направления в истории итальянской школы изучения русской философии и представляющие эти направления ключевые персоналии. Данные направления суть следующие: литературное, религиозное, университетское, марксистское.

* Работа выполнена по гранту, проект № 12-03-00029 «Философское осмысление за рубежом во второй половине XX – начале XXI в.: школы, направления, центры»

Эти направления не являются замкнутыми, зачастую творчество крупнейших итальянских ученых объемлет собой сразу несколько направлений. Но, так или иначе, какое-то одно из них преобладает.

Знакомство с русскими философами начал выдающийся ориенталист и теолог Аурелио Пальмьери (Aurelio Palmieri). Проявив колоссальный интерес к русской религиозной философии и к духовным основам русской культуры, он передал этот интерес и любовь к своему предмету сквозь весь XX в. исследователям века XXI, изучающим русскую религиозную философию, в рамках как религиозных учебных заведений, так и светских. Аурелио Пальмьери перевел на итальянский язык «Духовные основы жизни» [1] Вл. Соловьева и дал общее изложение его мировоззрения в своей книге «Кризис западной философии согласно Вл. Соловьеву» [2]. По его стопам пошел другой выдающийся исследователь и создатель школы славистов в Италии – Этторе Ло Гатто (Ettore Lo Gatto). Он осуществил переводы обобщающих работ, принадлежащих перу Т. Масарика, например, «Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России» и Е. Л. Радлова «История русской философии», а также «Оправдание добра» В. С. Соловьева.

Данное направление исследования, мы его называем *литературным*, ученых-славистов русской философии не прерывается. Популяризатором русской культуры в целом являлся Витторио Страда (Vittorio Strada) – итальянский литературовед и переводчик-славист, историк русской литературы и общественной мысли. Под его редакцией в Италии были опубликованы произведения русских политических мыслителей (А. И. Герцена, В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, А. А. Богданова, Ю. О. Мартова). Он является автором сборника «Традиция и революция в русской литературе» [3] и других произведений, которые важны в целом для понимания истории идей в России.

Сегодня литературное направление продолжают такие специалисты в области русской литературы и русской культуры, как Марчелло Гарзанини, Стефано Гарзонио, Донателла Феррари-Браво, Даниэле Серретти и др. Выделим особо творчество Донателлы Феррари Браво (Donatella Ferrari-Bravo) – слависта, преподавателя Пизанского университета. Основной сферой её интересов является семиотика, она исследует в том числе и русский философский язык: язык П. А. Флоренского, Г. Г. Шпета, А. Ф. Loseva, М. М. Бахтина и др. Даниэле Серретти (Daniele Serretti) – славист, преподаватель литературы в школе. Сфера его интересов: русская литература XIX–XX вв. и русская культура в целом, также русская религиозная философия. Публикует статьи и исследования, в том числе и

на русском языке в журнале «Соловьевские исследования», с которым сотрудничает с 2004 г. В 2010 г. вышла книга Д. Серретти «Логос-София. Метафизика и эстетика Вл. Соловьева» [4]. Названные ученые читают произведения русских авторов в оригинале и публикуют свои статьи также и на русском языке.

Второе направление итальянской историографии русской философии – *религиозное*, получило свое развитие благодаря активной деятельности уже названного ученого и теолога Аурелио Пальмери. В середине XX в. это направление углубилось работами таких исследователей, как Джино Пиовесана, Томаш Шпидлик, Итало Манчини, Романо Скальфи (Gino Piovesana, Tomáš Špidlík, Italo Mancini, Romano Scalfi) и др. Италия обладает высокоразвитой богословской традицией, поэтому работы крупных специалистов по восточной церкви в области русской религиозной философии поднимают её на высочайший уровень, вводя её в контекст мировой религиозной философской мысли и богословия.

Так, Д. Пиовесана был членом иезуитского ордена, доктором философских наук, специалистом по русской и японской философии. Он работал в Японии при иезуитском университете, создал там отдельный факультет по изучению русского языка и культуры. Работал также в Нью-Йорке, где основал Центр по изучению русской культуры при Фордамском католическом университете. Он является автором важной хрестоматийной работы для развития итальянской историографии русской философии, книги по истории русской мысли от истоков до современности «История русской философской мысли: 988–1988» [5].

Особо стоит подчеркнуть значение трудов недавно ушедшего из жизни Томаша Шпидлика, кардинала католической церкви, крупного специалиста по русской философско-богословской мысли, его работы переведены на ряд европейских языков, в том числе на русский. Особенную известность во многих странах получила его книга «Русская идея. Иное видение человека» [6]. Его работы явились благодатным источником развития интереса к русской религиозной философии не только в Италии, но и в целом в Европе.

Другой исследователь – Наталино Валентини (Natalino Valentini) – является автором диссертации «Этические формы дружбы в русской религиозной мысли XX века» [7], а также монографий «Понятия *память* и *Воскресение* в творчестве С. Н. Булгакова и П. А. Флоренского», «П. А. Флоренский. Разум и диалектика», «Искусство жизни. Шесть лекций о П. А. Флоренском», «Лики русской души. Культурная и духовная идентичность ортодоксального христианства». Ученый также является автором работ

компаративистского характера, например «Итальянская философия и русская религиозная мысль» [8]. В настоящее время он – директор Института религиозных наук в г. Римини.

В рамках религиозного направления произошло важное событие – создание центра «Христианская Россия» (Russia Christiana). Этот центр, основанный итальянским католическим священником и крупным исследователем русской культуры, религии и философии Романо Скальфи (Romano Scalfi), с 1957 г. по сей день вносит значительный вклад в развитие итальянской историографии русской философии. Сегодня центр выпускает журнал «Lanuova Europa» (Новая Европа), публикующий статьи, посвященные Н. А. Бердяеву, С. Л. Франку, С. Н. Булгакову, Вл. Соловьеву, П. А. Флоренскому, Г. П. Федотову и др. В работе центра «Христианская Россия» принимает участие Адольфо Аснаги (Adolfo Asnaghi) – теолог и философ, автор знаменитой книги «История и эсхатология русской мысли». Его перу принадлежат также книги «Поклонник Софии: жизнь и учение Вл. Соловьева», «Птица-феникс: история русской философии» [9]. Работы А. Аснаги систематизировали накопленный итальянской историографией русской философии материал, структурировали его. В результате русская философия была представлена как цельное явление со своей внутренней логикой развития, центральными идеями и смыслами.

Учеником Романо Скальфи является Адриано Дель'Аста (Adriano Dell'Asta), профессор Католического университета Милана, переводчик Н. А. Бердяева, Вл. Соловьева, П. А. Флоренского, большой знаток русской литературы и философии. В настоящее время он – директор Института итальянской культуры в Москве. Адриано Дель'Аста активно сотрудничает с центром «Христианская Россия». Он автор монографии «Творчество. Начиная с Н. А. Бердяева» [10], подготовил много переводов текстов русских мыслителей, написал такие статьи, как «Русская религиозная философия и её распространение в Италии. Опыт центра «Христианская Россия»; «Революция русской философско-религиозной мысли в начале XX века»; «От «лёгкого» нигилизма к Апокалипсису. Актуальность сборника «Вехи» в канун 100-летия русской революции 1905 г.» [11]

Назовем также Любомира Жака (Lubomir Zak), исследователя чехословацкого происхождения, получившего образование и проживающего в Италии. Сейчас он является профессором Папского Латеранского университета и известнейшим специалистом по изучению наследия Флоренского, руководит изданием книг, посвященных П. А. Флоренскому, пишет монографии и статьи, посвященные творчеству этого философа

фа, среди них «Истина как этический ориентир. Тринитарная теодицея П. А. Флоренского», «Символ как теологический путь. Размышления над символизмом П. А. Флоренского» [12].

Университетская историография русской философии – наиболее молодое направление, однако мощное и перспективное, привлекающее к изучению русской философии как светских, так и религиозных мыслителей. К этому направлению стоит отнести историка Франко Вентури (Franco Venturi), его монография «Русское народничество» [13] получила всемирную известность после перевода на английский язык. Другим важным представителем университетского направления является итальянский философ, академик, член Международного института философии, профессор философского факультета Туринского университета Луиджи Парейсон (Luigi Pareyson). Он заложил основы школы изучения русской философии в Туринском университете, который на настоящий момент занимает лидирующее место в развитии историографии русской философии. Л. Парейсону принадлежит книга «Ф. М. Достоевский: философия, роман и религиозный опыт» [14].

Туринскую школу итальянской историографии русской философии представляет также Грациано Лингва (Graziano Lingua), закончивший с отличием теологический факультет Северной Италии в Милане, а затем учившийся в Туринском университете. Во время обучения проходил стажировки в Москве, Санкт-Петербурге, Минске. В настоящее время преподает курс теоретической философии в Туринском университете. Г. Лингва перевел множество работ русских мыслителей на итальянский язык. Он автор монографий «Кенозис и святость материи. Софиология С. Н. Булгакова», «По ту сторону иллюзий Запада: П. А. Флоренский и основы русской философии» [15]. За последнюю работу получил философскую литературную премию.

Назовем также Даниэлу Стейла (Daniela Steila), защитившую диссертацию «Восприятие эмпириокритицизма в русской культуре 1877–1910 гг.». Исследователь считает, что нельзя игнорировать наследие русских нерелигиозных философов, его историческую и теоретическую значимость. Назовем ее монографии: «Генезис и развитие теории познания Г. В. Плеханова. Марксист между антропологическим материализмом и физиологией» и «Наука и революция. Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910)» [16]. Согласно Д. Стейла русская философия является неотъемлемой и самобытной частью развития философии в целом, которая может дискутировать на равных с западной философией. Эта тема развивается в ее статьях «Между Востоком и Западом: русская философия»; «Рус-

ская философия между родиной и диаспорой» [17]. Д. Стейла является автором перевода книги М. К. Мамардашвили «Кантианские вариации». Она давно занимается изучением творчества М. Мамардашвили, но относительно недавно стала заниматься философией в России в советское время в целом.

Д. Стейла часто приезжает в Москву и в Санкт-Петербург, подготовила выступления на русском языке «Проблема ответственности и человеческой личности: А. А. Зиновьев и М. К. Мамардашвили» [18] и «Реализм versus материализма: онтологические вопросы в дореволюционном марксизме в России» на международной научной конференции «Современная онтология – VI: Два взгляда – Россия и Италия» [19]. Можно по праву сказать, что Д. Стейла расширяет границы русской философии, открывает её стороны, неизвестные и не столь популярные в кругу устоявшихся тем итальянской историографии русской философии. На сегодня она одна из самых ярких представительниц университетского направления развития русской философии в Италии.

Роберто Салицциони (Roberto Salizzoni) также является представителем Туринской школы университетского направления изучения русской философии. Он исследует эстетические концепции различных философов, в том числе и русских, преподает, пишет книги и статьи по конкретным философским проблемам. Одна из его наиболее известных книг – «Русская идея эстетики. София и космос в искусстве и философии». Им написана также книга «Михаил Бахтин – автор и герой» [20]. Разбирая эстетические концепции русских философов, он проводит мысль об альтернативных путях развития цивилизации, заданных в трудах русских мыслителей. Его интересует, в частности, софиология как эстетическая платформа, тема Софии в философских трудах, литературе, творчестве художников и музыкантов.

В других итальянских университетах профессора также вносят свой вклад в изучение концепций русских мыслителей. Серджио Дживоне (Sergio Givone) – преподаватель эстетики во Флорентийском университете – изучает творчество Ф. М. Достоевского, его эстетическую концепцию. Ему принадлежат статьи «Русская мысль и Апокалипсис», «Почему ты вернулся? Достоевский и Легенда о Великом Инквизиторе» [21]. Кьяра Кантелли также является специалистом в области эстетики, ее интересует софиологическая компонента в русской эстетике. Она автор книги «Красота спасет мир. Исследование творчества Вл. Соловьева», статей «Искусство и творчество в символической метафизике П. А. Флоренского», «Материальность идеи в русской софиологии». Исследователь стремится показать,

как русская религиозная философия повлияла на символизм и авангардизм. Этому посвящена её монография «Символ и икона. Эстетика и практическая философия Вяч. Иванова» [22].

Что касается четвертого, марксистского, направления изучения русской философии в Италии, то следует отметить, что в период существования коммунистической партии в Италии вышло множество переводов работ В. И. Ленина, И. В. Сталина, Н. И. Бухарина, Л. Д. Троцкого и т. д., множество монографий, посвященных различным аспектам марксизма-ленинизма и социализма как такового, разбирались работы советских авторов. Но эти работы были в основном конъюнктурными, писались по заказу Коммунистической партии и самими членами партии. Никола Бомбаччи (Nicola Bombacci), итальянский политический деятель [23], написал несколько работ, посвященных истории социалистической мысли, например «Куда идет Россия?: от коммунизма до панславизма» [24].

Среди исследователей русского марксизма выделяется Сильвано Таглиагамбе (Silvano Tagliagambe), профессор кафедры философии науки в университете г. Сассари (Сардиния). С. Таглиагамбе в 1969–1970 гг. проходил стажировку в МГУ им. Ломоносова на физическом факультете, тогда и заинтересовался русской философией, в частности философией советского периода. Он является настоящим экспертом в истории русской философии и автором монографий «Материализм и диалектика в советской философии»; «Наука и марксизм в СССР»; «Судьба марксизма в России: от идолопоклонства до забвения» [25], последняя работа написана в соавторстве с членом-корреспондентом РАН, деканом философского факультета МГУ им. Ломоносова В. В. Мироновым. В то же время С. Таглиагамбе опубликовал множество статей, касающихся концепций различных представителей русской философии (В. И. Вернадского, А. А. Ухтомского, М. М. Бахтина, Ф. М. Достоевского, А. А. Богданова, Н. И. Бухарина, М. В. Ломоносова и др.). Исследователь перевел работу В. И. Вернадского «Философские мысли натуралиста». А в 2006 г. С. Таглиагамбе пишет основательный труд по П. А. Флоренскому «Как читать П. А. Флоренского» [26]. Это ещё одно подтверждение того, что выделение четырех направлений исследования русской философии в Италии достаточно условно.

Итак, не стоит говорить о строгой принадлежности того или иного исследователя к определенному направлению и строгому следованию учеников своим учителям. К примеру, Пьеро Кода, являясь учеником Нинфы Боско (профессора Туринского университета), после окончания Туринского университета продолжил своё

обучение в Папском Латеранском университете в Риме и, став, теологом и богословом, прочно занял свою позицию в религиозной линии исследования русской философии. Исследования Витторио Страда можно расположить на стыке литературной и университетской линии, вернее он принадлежит к обеим. Грациано Лингва, закончивший с отличием теологический факультет Северной Италии в Милане, продолжил заниматься русской религиозной философией, но в более академическом, светском, ключе. Не все исследователи русской философии в одинаковой степени вовлечены в данный предмет: для кого-то он составляет основной интерес, для кого-то – дополнительный в рамках общей масштабной темы.

И все же выделение направлений изучения русской философской мысли в Италии важно для понимания самого явления итальянской историографии русской философии. Так или иначе, но специалисты разных предметных областей, взаимно обогащая друг друга, складывают результаты исследований в единую картину – образ русской философии в Италии. Этот образ не является целостным, в нем присутствует множество лагун, но, тем не менее, благодаря ему можно составить себе представление о русской философии, её многообразии и особенностях.

Выделим основные проблемы и пути итальянской историографии русской философии. Первая проблема состоит в недостаточном внимании светских мыслителей и светских учебных заведений к русской философии во многом из-за убежденности в ее не институциональном и не системном характере. Современная итальянская философия ориентирована все же главным образом на англосаксонскую и североамериканскую культуру, и для нее не является органичной метафизическая проблематика русской философии. Именно поэтому подавляющее большинство работ по русской философской мысли возможно лишь в стенах католических высших образовательных учреждений на теологических факультетах, таких как Римский Латеранский университет, Институт религиозных наук г. Урбино, Папский восточный институт в Риме.

Вторая проблема заключается в дисперсном характере итальянской школы изучения русской философии: часто мыслители не знают друг друга, нет единой платформы для сотрудничества, обмена идеями.

Третья проблема – это все же поверхностность знаний отдельных исследователей. Немногие имеют достаточные знания и подготовку. Особенно это касается русского языка, так как далеко не все сочинения, необходимые для овладения темой на высоком уровне, переведены на итальянский язык.

Четвертая проблема – исторически адаптируемый интерес. Существует определенная мода на предмет изучения. Например, в 40–60-е гг. широко изучались философы-материалисты, затем с середины 70-х самым популярным философом стал Н. А. Бердяев, затем – М. М. Бахтин, а с середины 90-х это место прочно занял П. А. Флоренский. На сегодняшний день большинство работ итальянских исследователей русской философии посвящено его творчеству. Также «фигурами моды» являются Вл. Соловьев и С. Н. Булгаков. Переводы работ русских мыслителей на итальянский язык тоже следуют определенной моде. Если в эпоху господства коммунистической партии итальянские ученые переводили русских философов-материалистов, то сейчас переводят философов русского религиозного ренессанса. А вот, например, шелленгианские, кантовские и гегельянские кружки в России никто не исследует, и о них в Италии не знают.

Отметим, однако, что, несмотря на различные исторические перипетии, итальянская школа изучения русской философии расширяет свои предметные границы: защищаются диссертации, преподаются курсы, пишутся статьи, выпускаются книги, формируется новое поколение мыслителей, занимающихся вопросами русской философии. В последние два десятилетия было переведено на итальянский язык много текстов различных русских философов. Постепенно интерес к изучению русской философии растет и в светских университетах, начинают изучаться концепции современных русских философов, например С. С. Хоружего и В. В. Бибихина.

Можно, конечно, выделить общие черты между итальянской историографией русской философии и общеевропейской и англо-американской традицией изучения русской мысли. Однако коренное отличие итальянцев в том, что исследования по русской философии не сращены с русофобией в Италии, в то время как в других национальных школах этот феномен очень распространен.

Интерес к русской философии в Италии существует, но он не структурирован даже в рамках отношений самих итальянских исследователей русской философии. Необходима внутренняя единая платформа для циркуляции идей и совместного сотрудничества, обмена, узнавания друг друга. Итальянская историография русской философии – мост между нашими культурами и в то же время – своеобразное зеркало, в которое нужно взглянуть, чтобы лучше разглядеть свои сущностные черты.

Примечания

1. *Soloviev V. S.* I fondamenti spirituali della vita. Bologna: Zanichelli, 1922.

2. *Palmièri A.* La crisi della filosofia occidentale secondo Vladimir Soloviev. Milan: Vita e Pensiero, 1918.

3. Tradizione e rivoluzione nella letterature russa. Torino: Einaudi, 1969.

4. Logos-Sofia La metafisica e l'estetica di Vladimir Soloviev. Roma: Edizioni Studium, 2010.

5. Storia del pensiero filosofico russo: 988–1988. Milano: Paoline, 1992.

6. *Špidlík T.* L'idea russa: un'altravisione dell'uomo, Roma 1995. Рус. издание. СПб., 2006.

7. Forme etiche dell'amicizia nel pensiero religioso russo del Novecento, 2000.

8. Memoria e Risurrezione in Florenskij e Bulgakov (Intr. di P. Coda), Pazzini ed., Verucchio (RN) 1997. Pavel A. Florenskij. Ragionee dialettica. Brescia: Morcelliana, 2004; L'artedivivere. Seilezionisu P. A. Florenskij. Firenze: Santa Brigida, 2009; Voltidell'animarussa. Identità culturale e spirituale del cristianesimo slavo. Milano: Paoline, 2012; La filosofia italiana di fronte al pensiero religioso russo. Religione, secolarizzazione, politica (в журнале «Религия, секуляризация, политика»). Brescia, Morcelliana, 2009. P. 171–192.

9. Storia ed escatologia del pensiero russo. Lanterna: Genova, 1973; L'amante della sofia: vita e pensiero di Vladimir Sergeevic Solov'ev. Servitium, 1990; L'uccello di fuoco: Storia della filosofia russa. Servitium, 2003.

10. La creatività. A partire da Berdjaev. Milano: Jaca Book, 1977.

11. La filosofia religiosa russa e la sua diffusione in Italia. L'esperienza di "Russia Cristiana". Italia-Russia. Incontri culturali e religiosi fra "700 e '900 (В журнале Италия – Россия. Культурно-религиозные встречи 1700–1900 гг.). Napoli: Istituto Italiano per gli Studi Filosofici, 2009; La «rivoluzione» del pensiero filosofico-religioso russo all'inizio del XX secolo. La Nuova Europa. 2008. Vol. 1 (в журнале «Новая Европа», вып. 1); Dal nichilismo "delicato" all'apocalisse. L'attualità di Vechi a cento anni dalla rivoluzione del 1905. La Nuova Europa, 2006. P. 9–22.

12. Verità come ethos. La teodicea trinitaria di P. A. Florenskij. Roma, 1998. Il simbolo come viateologica. Spunti di riflessione sul simbolismo di P. A. Florenskij // Humanitas. 2003. № 4.

13. Il populismo russo. Torino: Einaudi, 1952.

14. Dostoevskij. Filosofia, romanzo ed esperienza religiosa. Torino, 1999.

15. Kénosis di Dio e santità della materia. La sofiologia di S. N. Bulgakov. Napoli, 2000; Oltre l'illusione dell'Occidente. P. A. Florenskij e i fondamenti della filosofia russa. Torino, 1999.

16. Genesis and Development of Plekhanov's Theory of Knowledge. A Marxist Between Anthropological Materialism and Physiology. Sovietica. Vol. 55. Dordrecht&Boston, 1991; Scienza e rivoluzione. La recezione dell'empiricriticismismo nella cultura russa (1877–1910). Firenze: Le Lettere, 1996.

17. Tra Oriente e Occidente: la filosofia russa // Rossi P., Viano C. A. Storia della filosofia. Bari: Laterza, 1997. Vol. V. P. 236–259; La filosofia russa tra patria e diaspora // Rossi P., Viano C. A. Storia della filosofia. Vol. VI. T. I. P. 172–195.

18. Доклад был прочитан на международной конференции «Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд» в Москве в Институте РАН в 2012 г.

19. Конференция проходила с 25 по 29 июня 2013 г. в Санкт-Петербургском национальном исследовательском университете информационных технологий, механики и оптики.

20. L'idea russa di estetica, Sofia e Cosmo nell'arte e nella filosofia. Torino, 1992; Michail Bachtin autore ed eroe. Torino, 2003.

21. Pensiero russo e Apocalisse. Convegna di S. Spirito. 1992. № 8. P. 67–74; Perchè sei tornato? Dostoevskij e la Leggenda del grande Inquisitore. Convegna di S. Spirito. 1987. № 3. P. 61–66.

22. Arte e creazione nella metafisica simbolica di Florenskij. Paradosso, 1997. Vol. 1; Corporeità dell'idea nella sofiologia russa // Le provocazioni dell'estetica (G. Marchianò e E. Franzini). Torino, 2000; La bellezza salverà il mondo. Saggio su Vladimir S. Soloviev. Milano, 1996; Simbolo e icona. Estetica e filosofia pratica nel pensiero di Vjačeslav I. Ivanov. Bologna, 2000.

23. Н. Бомбаччи в 1921 г. вступил в итальянскую Компартию, с 1936 г. примкнул к Муссолини.

24. Dove va la Russia?: dal comunismo al panslavismo. Padova: Minerva, 1944.

25. Materialismo e dialettica nella filosofia sovietica. Torino, 1979; Scienza e marxismo in URSS. Torino, 1979; Il destino del marxismo in Russia: dall'idolatria al rifiuto. Roma, 2001.

26. *Tagliagambe* S. Come leggere Florenskij. Milano: Bompiani, 2006.

УДК 165.191

Д. В. Смирнов

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ОСОБАЯ СИСТЕМА КУЛЬТУРЫ

В данной статье наука представлена в качестве специфического культурного образования. Такая репрезентация осуществлена в рамках методологии социальной эпистемологии, где социокультурный подход сопряжен с основными идеями гносеологии.

In this article science is presented as a specific cultural formation. Such representation is carried out in the framework of the methodology of social epistemology. Socio-cultural approach is coupled with the basic ideas of gnoseology.

Ключевые слова: культурная система, субъект науки, деятельностная структура исследования, научная проблема, научный метод, социальные институты науки, язык науки, внутринаучные ценности, идеалы науки, этос и этика науки.

Keywords: cultural system, the subject of science, activity-structure research, scientific problem, the scientific method, science social institutions, scientific and cognitive values, ideals of science, ethos and ethics of science.

В советский период ряд философских монографий и коллективных сборников статей, посвящённых науке, получал название «Наука и культура». Здесь предполагалось их сущностное различие. В современной российской философии многое поменялось, в том числе и взгляды на соотношение науки и культуры. Мы предлагаем

вариант обоснования тезиса о сущностном единстве науки и социальной культуры.

Современная наука есть сложный общественный феномен, имеющий системный характер. В нем можно выделить четыре основных измерения: 1) познавательная деятельность ученых, в которой возникают новые и специализированные знания, здесь реализуется ряд типичных актов и процедур; 2) система научных знаний, начинающихся с чувственных фактов и заканчивающихся научными картинками, здесь наука представлена многообразием результатов исследовательского поиска; 3) система научных ценностей, задающих нормы и идеалы познания; 4) особая система социальных институтов, интегрирующих учёных и их объединения в научное сообщество.

Деятельностная структура науки. Триадная схема активности ума, присущая всякому познавательному типу (метод → предмет = результат), действует и в науке. Специфические особенности обретает лишь содержание «предмета», «метода» и «результата». Структурирование интеллекта на предмет и метод состоит в том, что к содержанию знания учёный добавляет деятельностные функции. По большому счету их две: 1) быть предметом воздействия (знание «что») и 2) выступать орудием преобразования предмета (знание «как»). Во времени сначала формируется предмет, и в соответствии с его признаками интеллект мобилизует идеи, принципы, правила и операции в качестве метода. Он трансформирует предметное знание в нормативный результат [1].

В научной деятельности выделяются два основных уровня: эмпирический опыт и теоретическое мышление. Научный опыт представлен наблюдением и экспериментом, технология интеллекта срабатывает здесь одномоментно. К объекту, представленному определённой группой чувственных модальностей, применяется соответствующий метод, в результате чего возникают специализированные перцепты. Как единство чувственных впечатлений с рациональными значениями они становятся научными фактами. Научное наблюдение предполагает три обязательные процедуры: описание, сравнение и измерение. Основное достоинство эксперимента сводится к его способности органично связываться с теориями. За счет теории реализуется программа, где есть: а) цель и задачи; б) рабочая гипотеза; в) проект опыта; г) методика реализации проекта. Совпадение реальных данных с фактуальными предсказаниями подтверждает гипотезу, значительное расхождение ставит на ней крест [2].

Научная эмпирия дополняется теоретическим мышлением, реализующимся в четырёх актах: 1) постановка исследовательской проблемы; 2) формирование научного метода; 3) применение

ние метода к проблеме и трансформация её содержания в искомый результат; 4) оценка ответа на истинность.

В науке существует ряд ценностных процедур постановки научных проблем. Когда проблема сложилась, наступает этап создания метода. В своем полном составе он включает в себя теоретические компоненты, правила применения и интеллектуальные операции. Первые представлены идеей и/или принципом, т. е. краткими утверждениями об общих свойствах объекта. Нахождение таких предпосылок крайне сложно, и это делает формирование теоретического метода процессом гипотезирования. Применение метода к проблеме производит ее решение. Это означает, что за счет инструментального действия метода дефектная структурность заменена совершенной структурой. Это ученый устанавливает в ходе оценки своего результата на истинность. Существуют два основных способа удостоверения истинности: логическое доказательство и эмпирическая проверка. Если первый вполне достаточен для логики и математики, то эмпирические науки сочетают оба способа [3].

Основные результаты научного поиска. Продуктами исследовательской эмпирии являются научные факты, они воспроизводят относительно внешние явления реальности. Для научных фактов характерна устойчивость по отношению к теориям. Их рациональная интерпретация может обходиться эмпирическими представлениями. Отсюда вытекает высокая сохраняемость научных фактов. «Научная ценность точных опытов независима от их теоретических предпосылок» [4].

Кроме отдельных научных фактов существуют продукты их обобщения: идеальные объекты, модели и эмпирические законы.

В ходе исследовательской теоретизации эмпирические абстракции преобразуются в теоретические понятия. Связь нескольких понятий конституирует теоретический закон. Понятийная реконструкция превращает эмпирические идеальные объекты в теоретические объекты: «идеальный товар» (он не испытывает колебаний реальных рыночных цен), «идеальная популяция» (неограниченно большое количество особей скрещивается без естественного отбора) и т. п. Из них конструируется теоретическая модель.

Весьма значимыми результатами выступают научная теория и ее формы. Ученые и философы подразумевают под теорией некую когнитивную сеть, образующую систему понятий и законов. В науке выделяют замкнутые и открытые теории. Первые имеют строгую дедуктивную структуру (аксиомы – постулаты – теоремы) и распространены в физико-математических науках. Для открытых теорий характерна менее строгая связь

ность, список общих утверждений неполон и предполагает различные варианты дополнений. Такого рода теории создаются в социальных науках (экономика, социология и т. д.). Также существует деление теорий по уровню абстрактности и концептуальности. Высший слой образуют фундаментальные теории (специальная и общая теория относительности, квантовая концепция и др.), ниже расположены теории среднего уровня (электродинамика) и замыкают иерархию теории, граничащие с эмпирическими законами (механика Галилея – Ньютона). Эти уровни характеризуют теоретическое естествознание. Выше теорий располагаются дисциплинарные и общие картины науки.

Ценности науки. Речь идет об образцах, которые ориентируют ученых в их деятельности. Правомерно их сразу разделить на два вида: 1) нормы, способствующие производству научных знаний; 2) этос науки, или идеалы коммуникативного общения ученых.

Познавательные нормы в свою очередь делятся на идеалы знаний и познавательных действий, а также на философские принципы. Общественные идеалы складывались исторически, первые из них были выдвинуты еще античными философами. Они сформулировали главную целевую ориентацию науки: знание ради знания, эта установка отделила исследование от практического познания, где знание подчинено прагматическим благам. В качестве ведущего и сквозного выделяется идеал когнитивной связности: «любые результаты науки должны иметь рациональное единство». У этой нормы существует множество форм, и одна из типичных – норма логической непротиворечивости. В науке её действие универсально и особенно значимо для логики и математики.

В эмпирических науках сложилась группа норм, ориентирующих на взаимосвязи фактов и теорий. Если сложились чисто описательные факты, то одна из норм рекомендует объяснить их теорией путём особой дедуктивной процедуры. Для достижения внутреннего совершенства теорий используются идеалы когерентности и простоты.

Философские принципы науки. Философские основания делятся на онтологические и методологические принципы, которые направляют ход научного поиска.

Онтологические принципы науки. В качестве первого принципа здесь выступает онтологический реализм, признающий независимый от нашего сознания мир, элементы которого могут стать предметом научного исследования. Эту предпосылку уточняет онтологический натурализм, утверждающий естественное происхождение всех единиц реальности (отрицание сверхъестествен-

ной чудесности сущего). Далее следует принцип закономерности объективного мира, придающей ему регулярный порядок статистического характера. Эта идея дополняется принципом причинного детерминизма: причины предшествуют своим следствиям, настоящее определяется прошлым.

Методологические принципы. Исходным здесь выступает эпистемологический реализм: реальный мир может быть познан только приблизительно и частично. Основные крайности – абсолютный оптимизм и агностицизм – разоружают ученых. Все ученые признают принцип экономии, известный как «брита Оккама». Он призывает не умножать изучаемые сущности без надобности, в особенности теоретические. Принцип фаллибилизма. Еще Р. Декарт утверждал, что все наше знание о реальности подвержено ошибкам, К. Поппер развил этот тезис до того, что научное познание носит частичный и предположительный характер. Оно может быть подвергнуто критике, усовершенствованию и переработке. Также можно указать на принцип относительной истины: научное знание истинно, если оно так или иначе соответствует изучаемому объекту (корреспондентская теория Аристотеля). Существует ряд и других принципов.

Этос науки и этика науки. Американский социолог науки Р. Мертон сформулировал четыре главных нормы поведения учёного или этоса: 1) коммунитаризм (результаты исследования должны быть общественным достоянием и доступными для всех); 2) универсализм, объективность (на исследование не должны влиять экстранаучные интересы, и учёный должен быть эмоционально отделен от предмета); 3) общность (наука должна быть единой и интернациональной); 4) организованный скептицизм (ученые должны быть критически настроены к своей работе, указывать на свои слабые места или проблематичные пункты).

Наука – это своеобразное микрообщество, где наряду с общечеловеческой моралью действует профессиональная этика ученых. Этот «кодекс чести» состоит из совокупности норм, конкретизирующих общие правила нравственности применительно к жизни ученых. Укажем основные: 1. Не навреди человечеству: здесь предполагается комплекс разных установок: а) не экспериментировать на людях; б) исследования не должны обернуться новыми болезнями, новым оружием и любой формой антигуманности. 2. Не лги: не искажай результаты исследования в своих публикациях. 3. Уважай чужую интеллектуальную собственность: указывай достижения и ошибки других ученых в виде ссылок и сносок (аппарат цитирования). 4. Критику в свой адрес принимай корректно. 5. Отделяй знание от личности: личность уважай всегда, идеи критикуй, если для

этого есть основания. Это лишь малая часть моральных ценностей науки.

Социальный институт науки. Главным субъектом науки является учёный, его становление протекает в разных формах социализации, где выделяется обучение – общее (школа, университет) и специальное (аспирантура, докторантура). Решающее формирование учёного происходит в рамках научной школы. В историческом плане шло развитие от исследователя-любителя к профессиональному учёному.

В современной науке ученые объединены в научное сообщество. При всей значимости личности ученого оптимальная интеграция поисковых усилий достигается в коллективе. Наука развивалась в направлении создания собственных объединений. В XVII в. началось образование национальных научных академий, уставы которых утверждали их самостоятельный статус. В середине XIX в. на основе возникших научных лабораторий создаются научно-исследовательские институты (НИИ) с дисциплинарной спецификой, финансируемые государством либо частными организациями и лицами.

Науке присущи особые коммуникации: 1) прямые контакты учёных и 2) косвенное общение через восприятие текстовых публикаций. Союз этих двух форм действует на протяжении всей жизни исследователя. Допустим, если он вошел в коллектив лаборатории, то к постоянным контактам с коллегами добавляются те связи, которые возникают при его участии в различных научных конференциях: выступление с докладом, ответы на вопросы, участие в дискуссиях и т. п.

Формы научных текстов разнообразны: научная книга, письма ученых, журнальная или электронная статья. Исторически первой состоялась научная книга: «Начала» Евклида (III в. до н. э.) и «Великое построение» Кл. Птолемея (II в.). Письма на научные темы практиковались в Средние века, и их «бум» выпал на XVII в. Все письма фиксировались нотариусом, что делало письмо официальным документом. В середине XVII в. появились первые научные журналы, печатные издания от 80 до 150 страниц, их тираж – несколько десятков экземпляров. Основной публикацией была авторская статья объемом до 15 страниц, в которой содержалось изложение решения некоторой научной проблемы. Со временем журналы стали узкодисциплинарными. Выходили они с разной частотой: от двух раз в год до одного раза в квартал. Некоторые современные журналы выходят ежемесячно, отбором статей занимаются редактор и редакторский коллектив. Достоинства научного журнала сделали его типичной формой научных публикаций. Если в XVII в. выходило несколько журналов, то в 1900 г. их было около 10 тысяч, а ныне – не-

сколько сотен тысяч, предлагающих каждый месяц более 6 млн научных статей.

У истоков науки учёные поначалу использовали только достоинства естественного языка в его этнических формах. Вместе с тем у него обнаружились и недостатки: а) несколько значений у одних и тех же слов; б) отсутствие явных правил и господство интуитивных догадок; в) игровая грамматика, где много исключений из неявных правил; г) непрерывный диалог скрытых вопросов и ответов; д) терпимость к логическим парадоксам.

Самой главной угрозой для науки стала стихия смысловой нечеткости. Выход из затруднительного положения ученые нашли в стратегии ограничения игровой стихии языка: 1) использование «мертвых» языков (древнегреческий, латинский); 2) формализация как введение искусственных знаков; 3) логическое определение по-

нятий; 3) различие объектного языка и мета-языка; 4) конструирование визуальных схем [5].

Итак, современная наука является особой системой культуры, отличаясь от других типов познавательной культуры – практического познания и мировоззрения.

Примечания

1. Юлов В. Ф. Мышление в контексте сознания. М.: Академ. Проект, 2005. С. 218–221.

2. Хакинг Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. М.: Логос, 1998. С. 161–196.

3. Юлов В. Ф. Научное мышление. Киров: Изд-во СПбГУП, 2008. С. 34–51.

4. Уайтхед Н. А. Приключения идей // Уайтхед Н. А. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. С. 592.

5. Юлов В. Ф. История и философия науки: учеб. пособие. Киров: Изд-во ООО «Радуга-Пресс», 2012. С. 45–47.

ИСТОРИЯ

УДК [651+930.25]::001.4"19/20"

В. А. Бондарь

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕРМИНОВ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАУКАХ О ДОКУМЕНТЕ в 60-е – нач. 90-х гг. XX в.

В статье представлен обзор развития концептуальных подходов к понятию «документ», обозначающему его термину и документной терминосистеме в целом в 60-е – начале 90-х гг. XX в. На основании анализа значимых концепций сделан вывод, что в рассматриваемый период была заложена основа для существующих в настоящее время взглядов и возможности для дальнейших теоретических исследований.

The article represents a review of development of conceptual approaches to the concept "document", term which identifies it and document term system as a whole in 60th – beginning of the 90th years of XX century. Based on analysis of significant conceptions it is concluded that conceptions of the period under study lay the foundation for contemporary opinions and resources for further theoretical research.

Ключевые слова: документоведение, терминосистема, документ, понятие, определение, трактовка, подход, концепция.

Keywords: scientific discipline of documentation, term system, document, concept, definition, interpretation, approach, conception.

Поскольку любые идеи, в том числе научные концепции, выражаются средствами языка, особую роль в науке играет специальная лексика. Из нее следует выделить термины, поскольку именно с их помощью становится возможным формировать теоретические концепции, систему понятий и оперировать ими. Ситуация осложняется, если теорий несколько, в этом случае определение одних и тех же терминов может не совпадать, и в результате множатся смыслы обозначаемого понятия. Это особенно актуально для таких терминов, как, например, «архив», «документ», «слово». По поводу их дефиниций зачастую идут оживленные дискуссии, так как существующая неопределенность осложняет не только научную, но и практическую деятельность.

В России документ как объект исследования находится в поле зрения многих дисциплин, сре-

ди них – источниковедение, дипломатика, информатика, документалистика, библиотековедение, книговедение и др. Для них термин «документ» если не главный, то один из важнейших, базовых. От его понимания зависят трактовки других терминов, связанных с ним.

Наиболее системный подход к теории документа обнаруживается в рамках документоведения. Однако и здесь нет единства мнений: больше всего споров вызывает само определение документа. Его изучение как теоретического понятия началось еще в середине XX в. и прошло достаточно длительный путь, что позволяет выделить ряд этапов, различавшихся своими методологическими подходами. В 50–60-е гг. XX в. понятие «документ» было признано ключевым для рассматриваемой сферы деятельности и началось осмысление его сущности и функций (сущностно-функциональный подход). Именно в это время появляются так называемые «широкая» и «узкая» трактовки понятия «документ». В 60-х – первой половине 70-х гг. XX в. (второй этап) складывается информационно-генетический подход к изучению документа, согласно которому он рассматривался как результат информационного процесса – документирования. В рамках данного подхода первоочередное внимание уделяется определению того, что такое документирование, и изучению его способов. Третий этап (вторая половина 70-х – 90-е гг. XX в.) характеризуется повышенным вниманием к изучению понятий информации и материального носителя, их соотношению, что связано с реализацией информационно-структурного подхода.

Тем не менее выделенные выше этапы развития теории документа получили развитие в советской науке и были связаны между собой парадигмальным единством. Большинство современных подходов к терминам рассматриваемой сферы деятельности вообще и к термину «документ» в частности, если не являются дальнейшим развитием взглядов, выработанных в 60-е – начале 90-х гг. XX в., то базируются на достижениях советского архивоведения и документоведения. Поэтому знание истории изучения понятия «документ» критически важно для интерпретации современных взглядов на него и дальнейшего развития теоретической составляющей отечественных наук о документе. В задачи данной статьи входит рассмотрение основных научных на-

правлений в сфере документоведения и оценка роли каждого из них в качестве предпосылок для формирования современной терминосистемы.

Начало разработки понятия «документ».

Информационно-генетический подход

В 50–60-е гг. XX в. понятие «документ» начинает активно разрабатываться в отечественном архивоведении, тогда же появилось документоведение как научная и учебная дисциплина. Одновременно в рамках информационных дисциплин были предложены свои трактовки понятия «документ». В результате сформировались два основных подхода к определению термина, сохранившие свою актуальность вплоть до настоящего времени. «Широкое» толкование термина рассматривает документ как материальный носитель с закрепленной на них информацией [1]. Другой подход («узкий») ограничивает дефиницию понятия управленческим документом, для которого свойственны реквизиты и определенный порядок составления и удостоверения [2]. Последняя версия получила распространение как в научной, так и в практической деятельности, тогда как «широкая» трактовка осталась достоянием ученых-теоретиков, работающих на междисциплинарном поле. Тем не менее в ее адрес было высказано сравнительно немного критики. В отечественном документоведении наиболее значимо замечание К. И. Рудельсон о том, что приравнивать документ в его «широкой» трактовке к источнику информации ошибочно [3]. Понятие «источник информации» шире по объему, чем документ, так как обозначает в том числе недокументированные (например, устные) источники.

На современном этапе исследований появилось мнение, что подобное разделение было выдвинуто в качестве временного научного компромисса между трактовками этого понятия у специалистов по информатике и документоведов [4]. Тем не менее автор приведенной выше точки зрения говорит о том, что трактовка понятия «документ» как в широком, так и узком смыслах уже в новейший период связана с методами исследования. В тех случаях, когда документ рассматривается как явление, оно дается в узком или прикладном аспекте; при исследовании теоретических вопросов с использованием моделирования – употребляется в широком, упрощенном контексте [5].

Целенаправленная разработка понятия «документ» была начата одним из основоположников документоведения К. Г. Митяевым в рамках предложенного им информационного подхода. Он рассматривал документ как результат документирования [6]. В определении акцент сделан именно на информации, хотя важность для документа материального носителя сомнению не подвергалась.

Эта парадигма легла в основу информационно-генетического подхода к трактовке понятия «документ», преобладавшего в отечественной науке в 60-е – первой половине 70-х гг. XX в. Сторонники этого подхода рассматривали его как результат процедуры документирования. Базовая трактовка этого понятия содержалась в вышеупомянутом определении К. Г. Митяева, дальнейшие дискуссии были посвящены уточнению дефиниции, в частности способам документирования (создания документа), например текстовому, техническому, фотодокументированию. Были заложены теоретические основы документоведения, в первую очередь, в работах самого К. Г. Митяева [7]. Трактовка документирования как особого вида информационной деятельности, направленного на выделение и запечатление информации, позволила впоследствии перейти к анализу структуры документа. В рамках этого подхода определение понятия «документ» стало распространяться на смежные сферы, например архивное дело.

На данном подходе основано первое в СССР нормативное определение документа, вошедшее в ГОСТ 16487–70 [8]. Стоит отметить, что оно вскоре подверглось критике, так как документ понимался как средство закрепления информации, то есть был фактически приравнен к способу документирования (письму, звукозаписи и другим его видам) [9].

В это время также получила развитие документная систематика, что выразилось в разработке определений для терминов «система документации», «вид документа», но только в рамках системы управленческой документации. Впервые термин «вид документа» был употреблен в 1959 г. К. Г. Митяевым [10]. Вскоре официальное закрепление получило определение, в рамках которого «вид документа» понимался как классификационное понятие, употребляемое для обозначения группы документов одного наименования [11]. В том же духе были сформулированы дефиниции, данные В. И. Кокоревым и авторами «Методических указаний по внедрению государственных стандартов на организационно-распорядительную документацию» [12]. С другой точки зрения вид документа рассматривался как форма-образец (или их совокупность), предназначенный для заполнения определенной информацией [13].

А. Н. Сокова, которой принадлежит разработка стройной схемы документной систематики [14], трактует вид документа как систему документов, объединенных единством номинала и функции, которую они обслуживают [15]. Система документации трактуется как комплекс взаимосвязанных документов с устойчивыми критериями возникновения каждого из них, обеспечи-

вающий достижение определенной цели и выделяется исходя из видов документов [16]. Эти исследования продолжились и в постсоветский период с учетом поправок на изменившиеся условия и подходы к документу [17].

Начавшиеся с работ К. Г. Митяева исследования понятия «документ» вскоре пошли по пути изучения документирования и его способов, что позже стало известно под именем информационно-генетического подхода. Термин «документ» вошел в употребление и в смежных сферах деятельности, в частности в архивном деле было выработано первое нормативное его определение, впрочем скоро подвергшееся заслуженной критике. Думается, что в это время был заложен фундамент всех последующих дискуссий по поводу трактовки важнейших понятий данной сферы, поскольку, благодаря двум основным трактовкам понятия «документ», была создана возможность построения различных концепций на их основе. К тому же стандартизированное определение обладало существенным недостатком, не позволяющим использовать его в качестве основного. Эти причины препятствовали формированию терминосистемы на основе ключевого термина «документ».

Информационно-структурный подход к изучению документа

На смену информационно-генетическому подходу в середине 70-х гг. XX в. пришел информационно-структурный подход, сторонники которого рассматривали документ как структурированную информацию [18]. В рамках данного подхода получила дальнейшее развитие дискуссия о соотношении в представлениях о документе носителя и закрепленной на нем информации. Так, была выдвинута идея, что в любом документе есть свободная информация, т. е. собственно сообщение со смыслом, и связанная информация, которая зависит от окружающих факторов, прежде всего, от системы, в которую включен документ [19]. Причем документальный статус приобретают только те носители, в которых присутствует свободная информация. Само документирование продолжало трактоваться как особая форма информационной деятельности [20]. В 1984 г. Б. С. Илизаровым было предложено слово «документология» для обозначения области исследований, в которой формируется общая теория документа [21]. Эта концепция позднее оказалась востребована среди сторонников «новой» версии документоведения.

В 80-е гг. XX в. были продолжены начатые еще в 70-е гг. исследования систем документации, уточнялись представления о структуре и оформлении документов, а также было разработано положение о двуединстве носителя и ин-

формации в документе. Оно стало основой для нормативных определений документа в стандартах 1983 [22] и 1998 [23] гг., причем вариант дефиниции 1983 г. исследователи в настоящее время считают наиболее удачным из существующих.

Несмотря на достигнутые успехи в разработке теории документа, в это время в сфере документоведения и архивоведения произошло сужение объема понятия практически до пределов официального документа. Так, в статье М. П. Илюшенко, посвященной рассматриваемому понятию, был сделан вывод, что предмет документоведения не всякий документ, а документ сферы управления, и именно его имеют в виду трактовки государственных стандартов [24]. Этот вывод не потерял своей актуальности и по сей день.

Тогда же впервые было уделено внимание терминам, производным от категории «документ», предложена формулировка «документный» и описано семь значений термина «документальный» [25]. Терминоэлементы «документный» и «документальный» зачастую рассматривались как синонимы, единого мнения об их содержании в рассматриваемый период не сложилось. Один из наиболее авторитетных архивистов-терминоведов того времени Э. И. Ханпира предлагает следующее размежевание: документальный – «представляющий собой документ», «основанный на документах», «свойственный документу»; документный – «содержащийся в документах», «предназначенный для документов» [26]. Важен сделанный им вывод о перегруженности значениями терминоэлемента «документальный», что привело к появлению новых терминоэлементов в профессиональной речи. Именно на эти слова впоследствии распределяются избыточные для родового понятия смыслы [27]. Логическим продолжением этих дискуссий уже в постсоветский период стала разработка системы терминов, производных от базового, связанных с появлением «новой» теории документоведения.

В архивоведении, помимо дискуссий по содержанию понятия «документ» и обозначающего его термина, проводились теоретические исследования таких понятий, как архив, архивный фонд, экспертиза ценности документов. Сам термин «документ» окончательно заменил ранее применявшийся термин «документальные материалы» лишь в 1970 г. [28] Документный подход в архивоведении разрабатывался В. Н. Автократовым и Б. С. Илизаровым. В. Н. Автократов понимал документ как структурированную информацию, а архивоведение полагал дисциплиной по содержанию [29]. Б. С. Илизаров трактовал документ как результат целенаправленного запечатления (документирования) информации для ее передачи во времени и пространстве [30]. Под

документированием же понималась особая форма информационной деятельности, результатом которой и является документ [31]. Кроме того, Б. С. Илизаров одним из первых предложил слово «документология» для обозначения области исследований, в которой формируется общая теория документа [32]. Эта концепция в последнее время оказалась востребована среди сторонников «новой» версии документоведения.

Также изучались и другие понятия и соответствующие им термины. В частности, В. Н. Автократовым в результате исследования соотношения понятий «документальный памятник» и «особо ценные документы» был сделан вывод, что они не тождественны друг другу и есть проблема выделения первого понятия из объема второго [33]. В новейший период к этой проблеме вернулся М. В. Маценко [34], но поставленная В. Н. Автократовым проблема не была разрешена, осложнившись неясностями соотношения объемов понятий «особо ценный документ» и «уникальный документ».

Значимость терминологии для архивоведения подчеркивает тот факт, что в начале 80-х гг. XX в. появилось направление «архивоведческое терминоведение» (тогда же был предложен сам термин «архивоведческое терминоведение», включенный в словарь стандартизированных терминов архивного дела [35]). В его рамках провели большую часть теоретических разработок в русле архивоведения 80-х гг. Одной из самых известных работ, выполненных в рамках данного направления, по сей день остается учебное пособие Э. И. Ханпиры «Архивоведческое терминоведение», изданное в 1990 г. [36] В нем была предложена целостная система терминов архивного дела с толкованиями важнейших понятий, которые во многом сохраняют свою актуальность.

В русле информационно-структурного подхода было выработано положение о двуединстве носителя и информации, закрепленной на нем, на основе которого были даны нормативные определения документа в стандартах, включая действующий ГОСТ Р 51141–98. Теоретические исследования коснулись производных от термина «документ» категорий, вида документа и документных систем, был выработан документный подход в архивоведении, что означало значительный шаг вперед в сфере наук о документе. Было создано специализированное направление, занимающееся терминами в рассматриваемой области деятельности, а многие идеи, высказанные исследователями в этот период, оказались востребованы впоследствии.

Тем не менее общепринятого определения документа даже в «узком» его понимании не было создано. В практическом документоведении объем основного понятия сузился до рамок официаль-

ного или управленческого документа, а теоретические исследования зашли в методологический тупик, над выходом из которого следует размышлять уже современным исследователям.

Заключение

Теоретическая проработка понятий и соответствующих им терминов в сфере управления документами началась относительно недавно – в 60-е гг. XX в. Вплоть до начала 90-х гг. XX в. исследования велись в рамках трех последовательно сменяющих друг друга подходов, которые, тем не менее, существовали в рамках сходных представлений о документе. Именно документу уделялось наибольшее внимание, поскольку это понятие было признано ключевым для отечественных наук о документе.

Начав с разработки функций документа, исследователи перешли к изучению документирования и его способов к концу 60-х гг. XX в. в рамках информационно-генетического подхода. В 80-е гг. основные усилия теоретиков были направлены на углубление трактовки понятия «документ», исследование его структуры и родовых для него понятий «информация», «материальный носитель», что позднее стало характеризоваться как реализация информационно-структурного подхода. Также не были обойдены вниманием и терминологические элементы, производимые от данного ключевого понятия, начата разработка документной систематики. Фактически была заложена основа для создания терминосистемы и исследований по общей теории документа, охватывающей не только документоведение и архивоведение, но и все науки информационного цикла в целом.

Были предложены «широкая» и «узкая» трактовки документа, но развитие в большей степени получила вторая, став основой для определений в стандартах. Вместе с тем сколько-нибудь общепринятого определения для ключевого понятия «документ» выработано не было. Даже более того, объем соответствующего понятия в документоведении и отчасти в архивоведении сузился до представлений об официальном или управленческом документе, а теоретические исследования зашли в методологический тупик. Выход из него видится в попытках предложить новые концепции, что и стало основной тенденцией теоретических исследований уже в новейший период.

В целом терминоведение в сфере управления документами – сравнительно молодое направление, и вопросов поставлено пока значительно больше, чем дано ответов. Прослеживается тенденция сделать понятие «документ» междисциплинарным и даже глобальным, но в практической деятельности существует тяга к его сужению и отказу от чрезмерной универсальности.

Процесс разработки терминов еще далек от завершения и в будущем потребует немалых усилий как от исследователей, так и от практиков.

Примечания

1. См., напр.: Михайлов А. И. Основы информатики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1968; Михайлов А. И. Основы научной информации. М.: Наука, 1965; Воробьев Г. Г. Документ: информационный анализ. М.: Наука, 1973; Основные проблемы информатики и библиотечно-библиографическая работа: учеб. пособие для библиотеч. фак. Л., 1976; Соколов А. В. Метатеория социальной коммуникации. М.: Изд-во РНБ, 2001.

2. К. Г. Митяев понимал под документом в «узком смысле» письменные, отвечающие требованиям засвидетельствования, удостоверяющие факты, права, обязанности и служащие для их доказательства (например, удостоверения, дипломы, договоры, оправдательные документы и т. д.). Цит. по: Рудельсон К. И. Современные документные классификации. М.: Наука, 1973. С. 19.

3. Там же. С. 17.

4. Плешкевич Е. А. Знания о документе: к истории вопроса // Отечественные архивы. 2003. № 4. С. 26.

5. Плешкевич Е. А. Трактовка документоведения как научной дисциплины: историографический аспект // Отечественные архивы. 2006. № 5. С. 27.

6. Митяев К. Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопросы архивоведения. 1964. № 2. С. 29.

7. Митяев К. Г. Документы и их назначение // Вопросы архивоведения. 1960. № 5. С. 88–102; Митяев К. Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопросы архивоведения. 1964. № 2. С. 27–37.

8. ГОСТ 16487–70. Делопроизводство и архивное дело: Термины и определения. М.: Группа ТО 2, 1971. С. 2.

9. См., напр.: Елпатьевский А. В., Ханпира Э. И. О новом терминологическом стандарте по архивному делу // Советские архивы. 1984. № 5. С. 3–4; Елпатьевский А. В., Ханпира Э. И. Еще раз о термине «документ» // Советские архивы. 1987. № 1. С. 53.

10. Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР. М.: [б. и.], 1959. С. 124.

11. Краткий словарь архивной терминологии / гл. ред. И. С. Назин. М.; Л., 1968. С. 14.

12. Сокова А. Н. К вопросу о документной систематике // Советские архивы. 1976. № 4. С. 32.

13. Там же.

14. См.: Там же. С. 29–38; Сокова А. Н. Понятие вида в документоведении (документная систематика) // Делопроизводство. 2002. № 3. С. 7–12.

15. Сокова А. Н. К вопросу о документной систематике. С. 37.

16. Там же. С. 30–31.

17. Сокова А. Н. Понятие вида в документоведении (документная систематика). С. 7–12.

18. См., напр.: Автократов В. Н. Общая теория архивоведения // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 59.

19. Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения / сост. Т. И. Хорхордина; Рос. гос. гуманит. ун-т. М.: Изд-во РГГУ, 2001. С. 64–65.

20. Плешкевич Е. А. Формирование документной парадигмы // Научно-техническая информация. Сер. 1. Организация и методика информационной работы. 2005. № 10. С. 20.

21. Илизаров Б. С. Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения: учеб. пособие. М.: Изд-во МГИАИ, 1984. С. 34.

22. ГОСТ 16487–83. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения // «Помощь по ГОСТам»: сайт. URL: [http://www.gosthelp.ru/home/files/downloads/gost_stroy/ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО%20И%20АРХИВНОЕ%20ДЕЛО.%20ГОСТ%2016487-83%20\(НЕ%20ДЕЙСТВУЕТ\).rar](http://www.gosthelp.ru/home/files/downloads/gost_stroy/ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО%20И%20АРХИВНОЕ%20ДЕЛО.%20ГОСТ%2016487-83%20(НЕ%20ДЕЙСТВУЕТ).rar) (дата обращения: 29.09.2012).

23. ГОСТ Р 51141–98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/181655/> (дата обращения: 29.09.2011).

24. Илюшенко М. П. К понятию «документ» (эволюция термина и предмет документоведения) // Советские архивы. 1986. № 1. С. 31.

25. См., напр.: Елпатьевский А. В. К вопросу об определении понятия «документная информация» в свете ленинской теории отражения // Терминологические проблемы в области документоведения и архивоведения: тезисы сообщений к теоретическому семинару (январь 1974). М., 1973. С. 16–29; Ханпира Э. И. О терминологических элементах «документационный», «документный», «документальный» // Советские архивы. 1984. № 3. С. 23–24; Ханпира Э. И. О соотношении терминов «документная информация», «документальная информация», «недокументная информация» // Научно-техническая терминология: научно-технический реферативный сборник. 1986. № 9. С. 5–9.

26. Ханпира Э. И. О терминологических элементах «документационный», «документный», «документальный». С. 24.

27. Там же.

28. См.: Автократов В. Н. Некоторые аспекты исследования объекта и предмета архивоведения // Труды ВНИИДАД. М., 1976. Т. 6. Ч. 1. С. 33.

29. Автократов В. Н. Общая теория архивоведения. С. 59.

30. Цит. по: Плешкевич Е. А. Формирование документной парадигмы. С. 20.

31. См.: Там же. С. 20.

32. Илизаров Б. С. Актуальные теоретические и методологические проблемы современного архивоведения. С. 34.

33. Автократов В. Н. Документальные памятники (опыт анализа понятия) // Советские архивы. 1987. № 3. С. 54–55.

34. Маценко М. В. К уточнению смысла дефиниций «памятник (объект) культуры» и «документ» // Вестник архивиста. 1998. № 5(47). С. 80–83.

35. Словарь современной архивной терминологии социалистических стран: в 2 вып. Вып. 2. М., 1988. С. IX.

36. Ханпира Э. И. Архивоведческое терминоведение: учеб. пособие по спецкурсу. М., 1990.

Т. Н. Штарева

**РОЛЬ КНИГИ В ВОСПИТАНИИ ДВОРЯН
И ЖИЗНИ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РОССИИ XVII в.**

Статья посвящена исследованию проблемы формирования и развития книжной культуры служилого дворянства в XVII в. В статье освещены особенности книжного воспитания «государевых людей», а также определено влияние светской иностранной книги на мировоззрения зарождающегося дворянства в рамках процесса вестернизации России. Статья основана на архивных (в том числе и неопубликованных) документах и мемуарных исторических источниках.

This article is devoted to the problem of formation and development of the bookish culture of the military nobility in the XVII century. The article highlights the peculiarities of bookish education of “sovereign people”, and determines the influence of secular foreign books on ideology of the incipient nobility in the process of westernization of Russia. The article is based on archival (including unpublished) documents and autobiographical historical sources.

Ключевые слова: история, дворянство, светская книга, потешные книги, вестернизация.

Keywords: history, nobility, the secular book, comic books, Westernization.

XVII век, особенно его вторая половина, является крупной вехой в истории Русского государства. Несмотря на то что Россия сильно отставала в культурном отношении от стран Западной Европы, она уже сознавала свою отсталость и была готова перенять все полезное у более культурных народов Запада. Постепенно, в связи с потребностями экономического и культурного развития, в русском обществе усиливается понимание необходимости более широкого образования, чем то, которое давалось ранее. Круг образованных людей становится шире, чем в предшествующем столетии. Образование понижает в дворянскую и посадскую среду.

С XVII в. происходит установление более тесных взаимоотношений России со странами Запада: развивались торговые отношения, увеличивались культурные связи, расширялась культурно-просветительская деятельность, связанная с именами Дамаскина Птицкого, Епифания Славинского, Симеона Полоцкого. Особенно значительна фигура Симеона Полоцкого, переводчика, поэта и писателя, воспитателя царских детей, который приложил немало сил для развития просвещения в России. Следует отметить, что проникновение в Россию иностранной культуры шло именно через Белоруссию и Украину – погра-

ничные земли тогдашнего Русского государства, в которых приобщение к западной культуре шло значительно более быстрыми темпами, чем в центральных областях России. Книги, изданные в Белоруссии и на Украине, получали распространение и в Московской Руси, причем расходились не только в подлинниках, но и в многочисленных переводах и списках [1].

Большое культурное влияние на русских оказала иностранная научная и художественная литература, проникновение которой в Москву и другие города страны в XVII в. возросло. Произведения иностранных авторов распространялись в России как в оригиналах, так и в переводах, в печатных изданиях и в списках. И. А. Шляпкин [2] приводит большое число примеров переводов иностранных научных книг, сделанных в России в XVI и XVII вв. Список И. А. Шляпкина включал литературу буквально по всем известным тогда областям знания: история, филология, география, астрономия, биология, медицина, архитектура. Кроме того, в нем присутствовали книги по военному делу, а также художественная литература.

Судя по списку И. А. Шляпкина, особым интересом пользовалась литература по космографии: Космография Марциана Вельского, Космография Гергарда Меркатора. Из исторической литературы назovem переводы: извлечение из польской Хроники Гвагна, «О убийнии Карлуса I английского» и др. Из других областей знания назovem переводы «Анатомии» Андрея Везалия Брюссельского, «О свойствах человеческого тела», «Селенография» И. Гевелия, «О пушечных и иных разных ратных делах мастерствах» (1621 г.), «О случаях военных» Ю. Фронтини и т. д. [3] Новшеством для книжной культуры России XVII в. является появление учебной литературы и книг для чтения светского содержания. В области художественной литературы появляются повести, сказания, сатиры. Наиболее популярны были «Повесть о Еруслане Лазаревиче», «Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Шемякинском суде». Переводная литература представлена рыцарскими романами и плутовской новеллой: «Повесть о Бове королевиче», которая восходит к французскому рыцарскому роману, куртуазный роман «О Петре Златых Ключей», а также роман «Повесть увеселительная о славном короле Брунцвике». Однако доля религиозных книг по-прежнему была еще велика и пользовалась широким спросом среди российского населения.

Число сделанных в России переводов иностранных книг непрерывно возрастало: если за весь XVI в. известно только 26 переводов, а за первую половину XVII в. – 13, то за вторую половину XVII в. было сделано 114 переводов. Ха-

рактрно, что из всех переведенных произведений иностранных авторов только 37 были религиозно-нравственного содержания, все же остальные книги относились к светской литературе.

Переводы иностранных книг и оригинальные сочинения о строении Вселенной, книг по географии, философии, истории и другим наукам расширяли мировоззрение русских, пробуждали в них интерес к познанию мира. Книга «Луцидарис», краткий, написанный в форме вопросов и ответов курс географии была одной из любимых книг в России в XVI–XVII вв. [4] Капитальные труды по космографии Гергарда Меркатора (в русском переводе «Книга, глаголемая космография, сиречь всего света описание»), Луки де Линда (в русском переводе «Луки Делинда описание света»), распространенные в России, стояли еще на геоцентрической точке зрения, которой придерживались духовные власти [5]. Знакомство России с учением Коперника произошло с опозданием более чем на 100 лет, хотя можно отметить, что небольшой круг лиц уже в XVII в. был знаком с гелиоцентрической системой.

Такое же запоздание в ознакомлении с новейшими научными идеями наблюдалось и в других областях знания. Запад был уже знаком с философией Бэкона, Декарта, Спинозы, а в России распространялись переводы сочинений, излагавших труды Аристотеля и философов-схоластов.

Несмотря на то что русским приходилось знакомиться далеко не с самыми передовыми научными воззрениями Запада, распространение иностранных научных трудов в России имело положительное влияние на развитие культуры страны; разумеется, с научной литературой могла знакомиться лишь верхушка тогдашнего общества и немногочисленные ученые люди.

Следует заметить, что распространение светских знаний во второй половине XVII в. начиналось с детского возраста и в основном почерпнутых из «иноземных книг». Во всяком случае, этот факт можно констатировать применительно к царскому семейству. Это начиналось постепенно посредством так называемых «потешных книг».

«Потешные книги» или, правильнее, «потешные книжки» были одним из видов развлечений, которым заполнялся детский досуг. Они были двух видов: «потешные листы» (разрозненные или соединенные в своеобразную книжку) с небольшим пояснительным текстом и собственно «потешные книжки» (подобные современным детским книгам). Эти «потешные книги» носили и обучающую направленность, представляя собой нечто сходное с современной иллюстрированной энциклопедией для детей. Эти книги занимали первое место среди средств тогдашней педагогики. Это были своего рода учебные пособия для

первоначального обучения, для ознакомления детей с самыми обычными вещами и явлениями тогдашней жизни, разумеется, в меру образованности того времени. Из этих книг дети черпали простые, но весьма полезные сведения о самых простых вещах, повседневной жизни, социальных и хозяйственных традициях России. Они могли из них узнать, к примеру, как пашут, боронуют, сеют, жнут, как месят тесто, как его в печь сажаяют и выпекают хлеб. Но в этих же книжках они получали представления и о фантастических вещах, животных и явлениях, которые в то время считались вполне реальными. В книжках часто рассказывались разные басни и рассказы о чудесах, изображался, к примеру, «морской человек» или «морская девица». В такого рода «потешных книжках» давались общие, доступные для детского восприятия, но в духе и представлениях того времени, сведения по космологии и космографии.

«Потешные книги», как отмечено выше, либо покупались, либо делались в дворцовых мастерских. Так, 8 февраля 1632 г. пятилетней царевне Ирине Михайловне в Овощном ряду куплено двадцать листов бумаги немецкой писаной по копейке лист. 17 сентября того же года и там же еще куплено царевне такой же бумаги 10 листов по 1,1/2 копейки лист и 20 листов по копейке. 16 июня 1634 г. в том же Овощном ряду куплено на 60 копеек немецких печатных листов, часть которых взята в хоромы пятилетнему царевичу Алексею Михайловичу, а другая часть – в хоромы к царевнам. 29 ноября 1636 г. еще куплено девять листов потешных за 25 копеек. 8 июня 1644 г. куплен немецкий лист в наклейку к коробочке царевны Анны Михайловны, которой в это время было уже 14 лет. 27 февраля 1652 г. двухлетней царевне Евдокии Алексеевне куплено десять листов знаменных (рисованных), на них писаны звери, птицы, травы [6]. Тот факт, что «потешные листы» и потешные книжки» часто приобретались для царских нужд в торговых рядах, в частности в Овощном ряду, позволяет считать, что такая «литература» была доступна достаточно широкому кругу потенциальных покупателей. Круг покупателей мог быть ограничен лишь степенью грамотности, поскольку, судя по приведенным выше сведениям о ценах, эти «потешные листы» были сравнительно недорогими для лиц среднего достатка. Поэтому по материалам, относящимся к царскому семейству, можно сделать вывод относительно дворянских семей и знати в целом. Хотя, разумеется, «потешные книги» для царских детей делались более роскошными и дорогими.

Оригиналы таких книг до нашего времени не сохранились. Однако имеется весьма подробное описание одной такого рода «потешной книги»

для 11-летнего сына царя Алексея Михайловича – для царевича Алексея Алексеевича, относящееся к 1665 г., когда была изготовлена такая «потешная книга». Это описание представляет собой роспись тех предметов и явлений, изображение которых с пояснением должно было войти в эту «Потешную книгу». Изготовление ее было поручено нескольким иконописцам. Всеми ими руководил «государев иконописец» Степан Рязанец. Сохранившиеся записи свидетельствуют, что «Потешная Книга» была сделана к 13 декабря 1665 г., когда создатели ее, всего девять человек, получили за проделанную в течение 67 дней работу кормовые деньги – по 4 рубля 8 алтын и 2 деньги каждый в день. В дошедшем до нас описании этой «Потешной Книги» следует, что «173 (1664) декабря в 8-й день, по указу великого государя, велеть писать иконописцам «Потешную книгу», чтоб перед прежнею была больше вдвое, и писать в ней иным образом, иные прибылые статьи» [7]. Цитированная фраза позволяет узнать, что до этой «Потешной книги» уже была «прежняя», т. е. такого рода «потешные книги» делались и до 1664–1665 гг. Сохранился перечень изображений и пояснений к ним, содержавшимся в этой книге. На некоторых картинках было несколько однородных изображений, а всего в книге присутствовало 45 тематических «картинок», в том числе 10 – по военной тематике.

Основной поток книг в России издавался типографией при Московском Печатном дворе, созданном еще при Иване Грозном. Именно здесь стали печататься первые в России светские книги [8]. В XVII в. книги по-прежнему продавались в «книжных рядах». С последней четверти XVII в. в Москве книги можно было приобрести и в книжной лавке при Печатном дворе. Известно, что книги для царевича Алексея Михайловича покупались в Москве у сидельцев Строгановых (по-видимому, в 30-х гг. XVII в.) [9]. В XVII столетии существовала традиция рассылать бесплатно в принудительном порядке определенное количество экземпляров новых книг высокопоставленным лицам. Данная традиция будет благополучно сохраняться и в XVIII столетии.

Во второй половине XVII в., несомненно, увеличивается интерес к литературе светского содержания, главным образом к исторической, естественнонаучной и художественной, что входило в контекст «обмирщения» русской культуры. Однако следует, тем не менее, отметить, что первоначальный интерес к светской «книжности» западноевропейского происхождения носил преимущественно прикладной характер, практический смысл. Вторая половина XVII в. в России – это череда почти непрерывных войн, в ходе которых возникла острая необходимость в реорга-

низации русского старомосковского войска в регулярную армию, организованную и обученную по-европейски, на основе «книжного военного учения».

XVII в. знаменовал все более зримое присутствие западноевропейского влияния. Государство жило ожиданиями более тесных культурных контактов с Западом.

Происходит своеобразная, можно сказать, постепенная «вестернизация» русского языка. Как правило, эта словесная «вестернизация» имела профессиональное назначение, связана была с начавшимся появлением профессионально подготовленных «государственных», а точнее для того времени, – «государевых» людей. В силу специфики внутри- и внешнеполитических задач, стоявших перед Россией в XVII столетии, векторы развития страны непременно руководствовались учетом оборонного фактора. Профессионализация государственного, «служилого» человека в России начиналась и в дальнейшем в значительной мере оставалась военной профессионализацией. Речь идет о появлении «ученых» людей, точнее «ученых служилых людей», впервые начавших приобретать профессионально-прикладные навыки, именно в военной сфере. Это были «ученые служилые люди», обученные везжими «служилыми иноземцами» по «ученым» военным книгам. Формирование индивидуальности и личности в России второй половины XVII в. приобрело столь важное и новое качество, доселе в России отсутствовавшее, качество «профессионала», «ученого человека», «образованного». Профессионализм, а в то время лишь военный профессионализм, помещая русского «ученого служилого человека» в мир «книжной», во многом еще диковинной, «иноземной» профессиональной лексики, которая лишь примененная ими в боевой жизни обретала свой прикладной, а для них – жизненно необходимый смысл.

Проникновение «западничества» в мировосприятие русских «служилых людей» в «полках нового строя» проявлялось в появлении в их индивидуальной лексике слов из «иноземных» воинских уставов, а возможно, и из иных книг по военному делу, привезенных из Западной Европы. Распространяются названия новых видов оружия, которые прежде в русском войске не использовались, но которыми были вооружены солдаты и офицеры «полков нового строя», например «шпага», «мушкет», «карабин», «алебарда», «протазан» и др.

Награждая 23 февраля 1660 г. наиболее отличившихся командиров в сражении при Конотопе 28 июня 1659 г., царь, обращаясь к ним, употреблял в своей речи военно-фортификационный термин «шанцы» [10]. Данный термин,

заимствованный из военной лексики Западной Европы, устоялся в русской лексике.

В «Отписке Могилевского воеводы князя И. Репнина о приеме из полков князя Трубецкого наряда, зелья, пушечных запасов и солдатских снастей» от 16 декабря 1655 г., в частности, значилось: «Елисеева полку Цыклера принято: 5 пушек полковых, 150 ядер, да 30 ядер больших, 560 мушкетов, 35 мушкетов ломаных, 300 полушпик, 500 шпак целых с ножнями, 150 шпак ломаных, 700 банделеров, 40 лат, 30 шишаков, 43 пики долгих <...> Христофорова полку Юнкмана принято: 5 пищалей полковых, 16 мушкетов, 4 барабана, 2 топорка, 2 шпаги, 6 банделеров, трубка фитильная».

В отписке князя Алексея Трубецкого об отходе от Старого Быхова в Могилев от 4 августа 1655 г. указано, что «у Быхова оставили мы, к черкасом вприбавку, солдатского строю полковника Якова Ронорта с его полком... Да полковнику Якову Ронорту дали мы в его полк к 5-ти пищалем полковым по 50-и ядер к пищали, 5 пуд зелья пушечного, 15 пуд зелья ручного, 15 пуд свинцу, фитилю солдатом мушкетерам по 10-и сажень человеку, и окопные снасти». Примечательно появление в русской военной лексике и слова «мушкетер» [11].

19 декабря 1674 г. в Дворцовых разрядах было записано царское указание «столнику и енералу и полковнику Венедихту Андрееву сыну Змееву» [12]. К указанной дате этот высший «иноземный» воинский чин «генерала» был пожалован русскому дворянину В. А. Змееву.

Еще раньше в русской военной лексике иностранного происхождения появились слова «капитан», «поручик (порутчик)», «майор», «полковник», «полуполковник», «подполковник», «саржант» или «сержант», «капорал» (капрал), «салдат», «рейтар» или «райтар».

С появлением «регулярной» кавалерии в виде рейтарских и драгунских полков в военную лексику входят слова «пистоль», «пистолет», «ольстры» (кобуры для пистолетов). Так вошли в военный быт и в обыденную военную лексику «иноземные» слова: шанцы, шпага, ольстры, алебарда, мушкет, банделеры, пистоль, пистолет, пика, солдат, рейтар, мушкетер, генерал, генерал-май-

ор, генерал-поручик, капитан, майор, порутчик, прапорщик, полковник, подполковник, полуполковник и др. «Служилый» русский человек, оказавшийся в «полках нового строя», обученный для службы в этих частях, незаметно для себя оказывался в мире «новых», «иноземных», слов, которые, заняв «свободные» смысловые и предметные ниши в русской лексике, постепенно адаптировавшись к строю и фонетике русского языка, превратились в новые русские слова. Незаметно для себя русский «служилый человек» оказывался уже в переосмысливаемом «на западноевропейский манер» мире.

Так постепенно, подчас незаметно, менялось мировоззрение русского «ученого служилого человека», его сознание и его самосознание. «Книга» и «книжное учение» исподволь меняло его отношение к самому себе, выделяя из среды себе подобных, усиливая в его самосознании личностные свойства, формируя личное мнение, опирающееся на авторитет «книжной науки», продуктивно проявлявшей свои преимущества в жизненной, военно-профессиональной практике.

Примечания

1. Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времен до 1917 года. Л.: Наука, 1967. С. 98.
2. Шляткин И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651–1709). Исследование // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. 1891. Т. 24. С. 76–94.
3. Там же.
4. Немировский Е. А. Возникновение книгопечатания в Москве. М.: Книга, 1964. С. 74.
5. Луттов С. П. Книга в России в XVII в. Л.: Наука, 1970. С. 18.
6. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI–XVII вв.: в 3 ч. М.: Синодальная тип., 1915. Ч. 2. С. 608.
7. Забелин И. Е. Указ. соч. С. 645.
8. Соловьев А. Н. Государев Печатный двор и синодальная типография в Москве. Историческая справка. М.: Синодальная тип., 1903. С. 26–27.
9. Забелин И. Е. Указ. соч. С. 592–593.
10. Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа Тайных дел 7165 (1657)–7183 (1675). М.: Тип. Штаба Моск. воен. округа, 1905. С. 60.
11. Отписка кн. Алексея Трубецкого об отходе от Старого Быхова в Могилев // Акты Московского государства. Т. 2. С. 426.
12. Там же. С. 1142.

А. В. Тарасов

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с пребыванием военнопленных, подданных Германии и Австро-Венгрии в Пермской губернии, и деятельность органов государственного управления по отношению к ним.

The article discusses the issues associated with the presence of prisoners of war, subjects of Germany and Austria-Hungary in the Perm region and the activity of the governmental authorities in relation to them.

Ключевые слова: Первая мировая война, Пермская губерния, военнопленные, гуманитарная политика, принудительный труд.

Keywords: The First world war, Perm region, prisoners of war, humanitarian policy, the use of unpaid labour.

Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. гарантировали право военнопленных на достойное обращение, сохранность личного имущества и денег; свободу исповедания религии, получение медицинской помощи, продовольственное, вещевое и денежное довольствие соответственно их чину. В России основные принципы обращения с пленными были изложены в Высочайше утвержденном приложении к полемому Уставу – «Наказу Русской армии о законах и обычаях сухопутной войны». Дополнительно 7 октября 1914 г. было опубликовано «Положение о военнопленных», в котором было сказано, что «с военнопленными как законными защитниками своего отечества, надлежит обращаться человеколюбиво» [1].

Проработка конкретных вопросов, в том числе связанных с применением труда военнопленных, была возложена на соответствующие министерства: военное, внутренних дел, земледелия и т. д. Эти решения доводились до сведения заинтересованных лиц приказами командующих округами и обязательными постановлениями губернаторов.

В Пермскую губернию первые партии военнопленных стали прибывать с начала 1915 г. Военнопленные на территории Пермской губернии первоначально размещались в лагерях, подчиненных военному ведомству, которые были созданы во всех уездных городах.

Строительство специальных концлагерей в России не практиковалось, поэтому подыскать необходимые помещения губернатор обязал мест-

ные земства и городские управы. Для пленнх были арендованы различные общественные и жилые здания. Например, в г. Ирбите пленные офицеры были поселены в гостинице «Сибирское подворье», а нижние чины занимали москательный корпус, театр, городской музей и гостиный двор. В г. Осе пленные проживали в здании церковно-приходского училища и частных домах Вышеславцевой, Дудоровой, Медведева и Кудрявцева, а также в нескольких амбарах. Внутри жилые помещения наскоро оборудовали нарами и столами, причем Главное управление Генштаба обращалось к начальнику Пермской местной бригады с просьбой улучшить быт военнопленных, в первую очередь офицеров, и обеспечить их мебелью хотя бы самого простого образца, а также посудой и бельем [2].

В самой Перми как губернском центре, важном промышленном и транспортном узле, пленнх принимать не хотели. Лагерь был устроен в большом селе Верхние Муллы. Для проживания пленнх Пермской уездной земской управой были арендованы частные дома Балашовой, Костарева, Прозоровского и Рожнова, а также здание волостного правления [3].

В общем числе военнопленных, размещенных в Пермской губернии, австрийцы и немцы составляли примерно 20–22% (порядка 400–500 тыс. чел.), венгры – 24–25% (500–550 тыс.), румыны – 7–8% (120–150 тыс.), итальянцы – 1–2% (20–40 тыс.). На долю представителей славянских народов приходилось 40–47%, т. е. едва ли не половина общего числа пленнх. В эту долю входили чехи и словаки (13–18%, 250–350 тыс.), сербы, хорваты и словенцы (11–12%, 200–250 тыс.), поляки (8–9%, 150–200 тыс.) и украинцы (8%, 150–160 тыс.). В составе пленнх германской армии (170–180 тыс. чел.) находились кроме немцев поляки из западных польских областей и французы-эльзасцы, а в рядах пленнх из армии Турции (50–60 тыс. чел.) кроме турок были арабы, курды и армяне. Советские исследователи приблизительно установили и классовую структуру военнопленных, в какой-то степени соответствующую социальной. Было выяснено, что в группе пленнх австро-венгров доминировали средние и мелкие землевладельцы (крестьяне), сельскохозяйственные рабочие и поденщики (57%), в группе солдат и офицеров германской армии – так называемый промышленный и аграрный пролетариат, турецкой и болгарской – малоземельные и безземельные крестьяне [4].

В январе 1915 г. в Верхнемуллинском лагере были временно размещены турецкие военнопленные, следовавшие в Сибирь. Это была вынужденная мера, так как среди них началась эпидемия тифа и дизентерии. Из 532 человек больных было 104, 15 человек находились при смер-

ти, а 13 умерли в пути. После полуторамесячного пребывания в Верхних Муллах, где они получили необходимое лечение и питание, турки были отправлены дальше. Похожая история имела место в г. Камышлове, где из снятой в срочном порядке с поезда партии военнопленных не смогли спасти 40 человек [5].

В марте 1915 г. стали прибывать австрийские военнопленные, захваченные в Перемышле и Карпатах. Командующий Казанским военным округом уведомил пермского губернатора, что на территории губернии Военное министерство решило расквартировать не менее 10 тысяч человек. Пермские газеты регулярно сообщали о новых партиях пленных, направляемых в разные города губернии и за ее пределы. Например, 10 апреля 1915 г. в Пермь прибыли 931 человек австрийских пленных, из которых в Верхние Муллы отправлено 657 нижних чинов и 24 офицера. Среди них 125 человек были славяне, остальные – мадьяры. 15 апреля в Верхние Муллы поступила еще одна партия пленных – всего 454 человека (евреи и мадьяры). 18, 19, 20 апреля через Пермь проследовали еще несколько тысяч военнопленных. Часть из них попала в Верхемуллинский лагерь, где был устроен лечебно-приемный покой для раненых и больных. Заведовал покоем врач Голубев, а позднее эту должность исполнял доктор Зайдель, тоже из числа военнопленных [6].

Постоянный рост численности военнопленных создавал немало трудностей для местных и центральных властей. Главная проблема на местах – это острая нехватка жилья. В конце апреля 1915 г. в Верхних Муллах содержалось более 1,6 тыс. человек (1347 нижних чинов и 277 офицеров), тогда как по нормам полагалось не более 800. В Чердыни даже пленным офицерам не могли обеспечить проживание по нормам, установленным для нижних чинов русской армии (1,5 кубических сажени воздуха на человека). Не хватало простейшей мебели и посуды. Всего в ходе войны в русском плену оказалось от 2 до 2,3 млн военнослужащих вражеских армий [7].

С лета 1915 г. наблюдается резкий рост спроса на использование военнопленных в качестве рабочих, обусловленного острой нехваткой рабочих рук в связи с мобилизациями и развертыванием военного производства. По рекомендации военного министерства и министерства внутренних дел следовало направлять на работы, в той или иной мере связанные с обороной страны, только военнопленных-славян как более лояльных к России. Их же по решению совещания, прошедшего 17 февраля 1915 г. при Пермской уездной земской управе, желательнее было посылать и на сельские работы в мелкие крестьянские хозяйства, так как немцы и мадьяры совершенно не понимали русскую речь [8].

Для пленных, занятых на работах, был установлен следующий распорядок дня. Летом подъем в 4.30 утра, завтрак, работа с 5.30 до 11.00, отдых и обед, работа с 14.00 до 17.30, отдых, работа с 18.00 до 21.00, ужин, отбой в 22.00. Зимой на работу выходили на рассвете, заканчивали по приказу распорядителя. На обед давался один час. Продолжительность рабочего дня составляла в летнее время 12 часов, зимой – 10. За выполненную работу пленные получали жалованье по расценкам, установленным для местных рабочих, но на руки они могли получать не более 20–50 копеек в день. Остальные деньги, за вычетом стоимости содержания, перечислялись на их личные счета и могли быть выданы только после окончания плена. За нерадение и леность пленных подвергали денежным штрафам вплоть до лишения зарплаты. Губернатор М. А. Лозина-Лозинский циркуляром от 16 октября 1915 г. рекомендовал всем, кто пользовался трудом военнопленных, предварительно выяснять причины их отказа от работы. В случае если это было вызвано простой ленью и уверенностью в безнаказанности, передавать виновных местным полицейским властям для заключения их в арестном помещении на соответствующем пайке. После краткосрочного пребывания под стражей практически у всех наблюдался заметный рост трудолюбия. Те же, кто упорно отказывался от работы, возвращались воинскому начальнику для содержания на тюремном режиме до конца плена [9].

Архивные источники позволяют вполне однозначно определить ее причины и характер. Опираясь на данные о возрасте военнопленных, можно утверждать, что их смертность была ранней, преждевременной и обуславливалась главным образом так называемыми социальными болезнями (см. табл. 1). В числе последних выделялись тиф и цинга, ставшие причинами эпидемий в селе Верхние Муллы под Пермью, городах Камышлове (1915 г.), Невьянске, Верхотурье (1916 г.), Богословском горном округе (1915 г.), Архангело-Пашийском (1916 г.) и Коноваловском (Усть-Сылвицком) заводах (1917 г.) [10]. Стоит отметить, что преобладание среди причин гибели пленных эпидемических заболеваний отражало общую ситуацию в стране, 39 губерний которой уже к середине 1915 г. были отмечены вспышками всевозможных заболеваний [11].

На 1 мая 1916 г. на работах в Пермской губернии состояло 50 611 военнопленных. Из них на фабрично-заводских работах было занято 34 194 человека, на сельскохозяйственных – 5 060, на городских и земских – 913, на казенных – 5 731, на железнодорожных – 4 145 и на прочих – 568.

Практически все крупные заводы губернии использовали труд военнопленных. При этом

заводовладельцы далеко не всегда соблюдали установленные нормы питания, не говоря уже о технике безопасности. Несчастные случаи, особенно в лесу, были нередки, но главной причиной гибели пленных были различные болезни. Например, по сведениям, поступившим в управление Пермского уездного воинского начальника, из пленных, находившихся на работах в Лысьвенском лесничестве в 1915–1916 гг., умерли 15 человек (см. табл. 2).

В «Пермских губернских ведомостях» в начале 1916 г. регулярно помещались объявления о том, сколько свободных от всяких работ пленных имеется в распоряжении того или иного уездного воинского начальника и какими профессиями они владеют. Например, в Ирбите на 16 января 1916 г. имелось: слесарей – 47, кузнецов – 45, машинистов – 33, кочегаров – 8, столяров – 70, плотников – 43, бондарей – 9, сапожников – 155, портных – 67, литографов – 2, фабричных и заводских рабочих – 156, лакировщиков – 1, маляров – 17, парикмахеров – 23, поваров – 3, кучеров – 123, каменщиков – 48, кровельщиков – 5, мельников – 21, колесников – 32, хлебопексов – 95, электротехников – 10, шоферов – 5, механиков – 6, бетонщиков – 7, переплетчиков – 1, золотарей – 3, шорников – 4. Национальная принадлежность не указывалась, так как из-за дефицита рабочей силы в губернии пришлось доставить пленным из сибирских лагерей (немцев и мадьяр) и даже организовать вербовку китайцев и корейцев [12].

Довольствие пленных было установлено по нормам русской армии. В день на одного человека полагалось: хлеба – 3 фунта (1230 г.), крупы – 32 золотника (136 г.), сахара – 0,6 золотников (25 г.), чаю – 0,5 золотника. Кроме того, два раза в неделю выдавали мясо – 0,25 фунта (102 г.), вместо которого с октября 1916 г. стали давать 1,5 яйца или 18 золотников (75 г.) солевой рыбы. С 8 июня 1917 г. повсеместно выдача хлеба сокращена до 2 фунтов в день. Пленные офицеры получали от казны денежное содержание соответственно чину: обер-офицерам – 600 рублей в год, штаб-офицерам – 900 рублей, генералам – 1500 рублей. Офицерам разрешалось иметь денщиков из расчета один денщик на четыре офицера. В лагерях имелись свои пекарни, кухни и бани, а также были устроены изоляторы для больных, причем довольно часто врачебные должности занимали также военнопленные [13].

Численность военнопленных в лагерях могла колебаться от нескольких десятков до нескольких тысяч человек, так как лагеря были своеобразными биржами труда и транзитными центрами. Собственно в лагерях постоянно находились офицеры, больные и не способные к труду нижние чины, а также те, кто был занят обслужива-

нием нужд лагеря. Так, в апреле 1915 г. в Верхних Муллах содержалось 1347 нижних чинов и 277 офицеров, а в апреле 1916 г. в лагере осталось 359 человек, из которых 75 обслуживали нужды лагеря, 160 были нетрудоспособны и 39 находились в больнице [14].

Охрану лагерей несли солдаты местных команд, в Екатеринбурге и Верхних Муллах казаки 90-го и 96-го Донских сотен, а потом ратники дружин Государственного ополчения. Пленным запрещалось появляться в населенных пунктах без конвоя, принимать или передавать корреспонденцию и деньги, вступать в разговоры. Благодаря этому удалось предотвратить вспышку тифа весной 1915 г. среди жителей Пермской губернии, так как среди прибывающих с фронта пленным он был распространенным явлением. В Верхнемуллинском и Камышловском лагерях имели место и смертельные случаи [15].

Острая нехватка рабочих рук, вызванная массовыми мобилизациями, потребовала активного использования труда военнопленных. Труд был обязателен только для нижних чинов. Две трети пленных находились на заводских работах, остальные были заняты на строительстве железной дороги Казань – Екатеринбург, трудились в крестьянских хозяйствах, занимались благоустройством городов [16].

Пленные отпускались партиями из лагерей военного ведомства, ближе всего расположенных к месту работы. Под жилье для пленных подбирали пустующие помещения или строили балаганы (на лето) и землянки (на зиму). По рекомендации властей одна такая землянка должна была вмещать 100 человек. Для экономии предлагалось крышу покрыть дерном, в центре выкопать канаву, в которую ставилась заменяющая стол лавка, а возвышение грунта по сторонам канавы должно было служить нарами. Дверь должна была открываться в одну сторону и иметь засов с внешней стороны, над дверью делали окна. В холодное время в землянке устраивалась глинобитная печь [17].

Питание пленных должно было быть организовано работодателями. Категорически запрещалось выдавать пленным на руки деньги для самостоятельной закупки продовольствия, так как возникал соблазн совершить побег. Нормы питания сохранялись, но в ряде случаев допускалась замена одних продуктов другими. Например, работающим в лесу предлагалось сократить хлебную дачу до двух фунтов, но при этом кормить гречневой кашей с салом и настоящим маслом [18].

В феврале 1916 г. при посредничестве Папы Римского было достигнуто соглашение между воюющими сторонами о предоставлении пленным одного дня отдыха в неделю. Труд оплачивался сообразно местным расценкам на тот или иной вид работ. Половина заработной платы шла на

оплату расходов по охране и содержанию плен­ных, четверть перечислялась на особый счет в депозит министерства промышленности и торговли, остальные деньги выдавались на руки (но не более 50 коп. в день). Хотя были случаи, когда пленным удавалось скопить крупные суммы, но большинство получали гроши [19].

Тяжелый труд, недостаточное питание, жестокость охраны – вот основные причины побегов плен­ных. Чаще всего бежали с работ, так как охрана плен­ных нередко поручалась случайным лю­дям, к тому же плохо вооруженным. За побег на­казывали арестом в карцере сроком на месяц. Та­кое же наказание полагалось за саботаж и немотивированный (с точки зрения властей) отказ от работы. Из находившихся в 1915–1916 гг. на рабо­тах в Пермском имении Абамелек-Лазаревых 889 плен­ных 46 человек были отправлены соликам­скому воинскому начальнику как нетрудоспособ­ные, 11 человек умерли от болезней (туберкулез, паралич сердца) и один утонул. За тот же период в Лысьвенском лесничестве умерли 15 плен­ных [20].

Были зафиксированы случаи побегов. Боль­шинство плен­ных задерживались полицией или местными жителями в течение недели после по­бега. 19 мая 1916 г. с Куртымского рудника Ар­хангело-Пашийского завода бежали 10 австрий­ских военноплен­ных. 27 мая на железнодорожном перегоне ст. Сылва-Валежная были аресто­ваны последние два беглеца: Теодор Хало и Ро­ман Фурман. К побегу их побудило плохое пита­ние и жестокое обращение охраны. По той же причине пытался бежать 34-летний Дмитрий Па­сек, но случались побег и по более прихотли­вым поводам. Военнослужащий германской ар­мии Тирион Камиль, бежавший с Лысьвенского завода, совершил свой очередной побег для того, чтобы попасть в лагерь к эльзасцам.

Пойманные беглецы по закону могли быть на­казаны только арестом на срок до 30 дней. По приказу командующего Казанским военным округом смешанному аресту на месяц был подвергнут Пентикопа Трандарфир, бежавший 30 июля 1916 г., а также задержанные несколькими днями раньше Франц Воцишка, Стефан Сочинский и Марко Пе­ритч. После окончания срока заключения все они должны были вернуться к работе. Нерадивые ра­ботодатели, не сумевшие организовать надежную охрану вверенных им военноплен­ных, могли быть лишены права пользования их трудом. В качестве одной из мер по усилению охраны плен­ных реко­мендовалось привлекать к этому русских солдат, бежавших из вражеского плена.

Бывало, что причиной побега становились любовные отношения. В ночь на 13 марта 1917 г. с лесной дачи Кусье-Александровского завода бежал 25-летний Николай Войко. По предполо­жению властей он мог пробираться в д. Рычка-

лову Зайковской волости Ирбитского уезда, где ранее был на работе у некоей женщины, супруги одного из солдат, находящегося на фронте, и стремился попасть к ней вновь. Стоит отметить, что российское правительство категорически на­стаивало на максимальном ограничении каких-ли­бо отношений между пленными и населением, но полностью их пресечь было невозможно. В од­ном из циркуляров военного министерства было сказано, что в исключительных случаях, по со­ображениям морали, могут быть разрешены бра­ки между пленными и русскими подданными. В первую очередь это касалось славян, ибо им в силу языковой близости проще было наладить контакты с местными жителями [21]. Особое от­ношение к пленным чехословакам и полякам со стороны русского правительства сложилось еще в начале войны. Союз чехословацких обществ в России с Высочайшего соизволения приступил к формированию добровольческих дружин, а пер­вая чешская дружина численностью в 1000 чело­век выступила на фронт из Киева еще осенью 1914 г. Так как людей для этого не хватало, то с разрешения властей началась работа в лагерях военноплен­ных по вербовке добровольцев. К не­желающим записаться в национальные части при­менялись жесткие меры давления. При этом за­нимались этим сами чехи с ведома лагерной ад­министрации. В конечном счете в 1917 г. был сформирован чехословацкий корпус общей чис­ленностью 45 тыс. человек [22].

В течение 1917 г. происходит ухудшение ма­териального положения плен­ных в связи с об­щим кризисом, падает дисциплина и резко уве­личивается количество побегов. В это время плен­ные выдвигают требования предоставить им пра­во проживания на частных квартирах, свободы собраний и профессиональных и религиозно-просветительских союзов, но получают категоричес­кий отказ военного министра А. И. Гучкова. В на­чале 1918 г. большинство плен­ных концентриру­ются в лагерях военного ведомства, так как ра­боты повсеместно были остановлены. Выход Рос­сии из войны положил конец их пребыванию в плену, и началась репатриация [23].

Широкомасштабное использование труда во­енноплен­ных было характерно для всех воюю­щих сторон. Россия, пытаясь таким путем хотя бы частично решить проблему дефицита рабочей силы, а также возместить расходы по их содер­жанию, действовала в полном согласии с между­народ0народными законами. Необходимо отметить, что положение иностранных военноплен­ных в Рос­сии было несколько лучше, чем русских плен­ных в Германии или Австро-Венгрии. Центральные державы испытывали острый недостаток продо­вольствия, да и зарплата, которую платили рус­ским, была в 2–3 раза ниже [24].

Примечания

1. Государственный архив Пермского края, далее ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.
2. ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 592. Л. 96.
3. ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.
4. Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов. М., 1987.
5. ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 19. Л. 27–30.
6. Пермские губернские ведомости. 1915. № 11.
7. ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.
8. Там же. Оп. 3. Д. 67. Л. 82.
9. Там же. Д. 593. Л. 116–122.
10. Там же. Д. 592. Л. 161.
11. Ниманов Б. И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности во-

еннопленных в 1914–1917 годах в Поволжье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

12. Пермские губернские ведомости. 1915. № 18.
13. ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 116–122.
14. Там же. Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 62.
15. Там же. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 16.
16. Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
17. Там же. Ф. 65. Оп. 3. Д. 82. Л. 261.
18. Там же Л. 267.
19. Там же Л. 302.
20. Перм. вестник Временного правительства. 1917. 16 июня.
21. ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2648.
22. Гловин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001.
23. Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов. М., 1987. С. 370.
24. Там же.

Приложения

Таблица 1

Список военнопленных, захороненных в 1917 г.
на приходском кладбище Кизеловской Свято-Троицкой церкви Соликамского уезда

Дата смерти	Фамилия, имя	Возраст	Причина смерти
12.01.1917	Лазич Иванг	30	Кровавый понос
16.01.1917	Штихмент Генрих	38	Понос
02.02.1917	Мейер Франц	38	Язва желудка
16.02.1917	Лоогель Иоган	29	Чохотка
17.02.1917	Шебейштект Янош	23	Чохотка
11.02.1917	Буш Вильгельм	36	Воспаление легких
11.02.1917	Байчук Пауль	23	Оспа
12.02.1917	Уушн Николай	29	Воспаление головного мозга
01.03.1917	Музаль Эрнест	37	Цинга
08.03.1917	Фяткей Анреш	22	Чохотка
13.03.1917	Иааннов Брегант Марио	24	Тиф
16.03.1917	Миллер Юзеф	23	Чохотка
18.03.1917	Пирок Михаль	26	Хроническое воспаление брюшины
18.03.1917	Шенкеннер Энгельберт	23	Воспаление легких
20.03.1917	Януш Славик	24	Воспаление легких
16.03.1917	Клай Мартин	41	Чохотка
01.04.1917	Родкевич Гельмут	24	Крупозное воспаление легких
16.04.1917	Миллер Юлеф	23	Чохотка
23.04.1917	Штойки Пауль	29	Крупозное воспаление легких
29.04.1917	Рихкемер Вильгельм	32	Цинга
24.05.1917	Финк Фердинанд	36	Цинга
18.05.1917	Сокольца Илух	26	Цинга
18.06.1917	Кноп Вильгельм	34	Цинга
10.07.1917	Горбач Иван	36	Туберкулез
15.07.1917	Эрбли Юзеф	26	Цинга
22.07.1917	Кабарб Юзев	37	Кровавый понос
26.07.1917	Кирой Николай	25	Цинга
15.08.1917	Фигилинг Юган	42	Цинга
10.09.1917	Кларнецкий Мотиис	29	Цинга
11.09.1917	Ковач Каран	26	Воспаление легких
05.10.1917	Янош Петер	35	Брюшной тиф
10.10.1917	Лвитро Юзеф	38	Кровавый понос

Список умерших военнопленных, находившихся на работах в Лысьвенском лесничестве в 1915–1916 гг.

Дата смерти	Имя	Причина смерти
11.08.15	Николаус Шварц	Воспаление почек
12.10.15	Ким Логош	Брюшной тиф
30.12.15	Петер Бемба	Паралич сердца
09.01.16	Андреас Шебер	Цинга
02.04.16	Ян Наврут	Туберкулез
03.04.16	Венцель Шиллер	Туберкулез
07.04.16	Януш Яноб	Гнойный плеврит
28.04.16	Иоган Чупка	Туберкулез
01.05.16	Юзеф Лейб	Цинга
08.05.16	Рудольф Врба	Гангрена
17.05.16	Алайск Шатингер	Брюшной тиф
03.06.16	Циновский Людвиг	Общее истощение
04.06.16	Маньшим Стор	Острый гастроэнтерит
13.08.16	Вацлав Лебель	Болезнь сердца
29.12.16	Михаэль Бочо	Рожа

УДК 342

О. Ю. Пестова

**РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА
ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ
ЗАКЛЮЧЕННЫМ РОССИИ
(КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XX в.)**

Статья посвящена правовому регулированию и оказанию медицинской помощи лицам, находившимся в заключении в царский период (конец XVII – начало XX в.).

The article is devoted to the legal regulation and medical assistance for the prisoners in Russia at the end of XVII – the beginning of XX centuries.

Ключевые слова: тюрьма, медицинское обеспечение, здоровье заключенных, пенитенциарная система.

Keywords: prison, armamentarium, health of prisoners, penitentiary system.

С древнейших времен главным назначением тюрьмы было изолирование преступника. Историки отмечают, что состояние тюрем на протяжении многих веков было самое ужасное, в них наблюдалось смешение обвиняемых и осужденных, мужчин и женщин, детей и взрослых, здоровых и душевнобольных и т. п.

Ни о каком медицинском обеспечении заключенных не могло быть и речи. Организационные формы оказания медицинской помощи в Древней Руси включали в себя три принципиальных разновидности: монастырскую медицину; светскую (городскую) медицину; народную медицину [1]. Зачастую медицинская помощь заключенным оказывалась в монастырских больницах, а при наличии денежных средств – врачами.

Во второй половине XVII в. государство меняет свой подход к местам заключения и придает тюрьме более исправительную роль, а позорящее значение тюрьмы постепенно уходит. В царской России не было единого подхода к местам заключения, и их правовой статус не был определен. Еще во второй половине XVIII в. принимались попытки провести тюремную реформу для раздельного содержания лиц в зависимости от тяжести совершенного преступления [2], а также заключенных за неплатеж долгов от уголов-

ных преступников [3]. Однако она так и не была реализована, и обычно указанные категории лиц содержались совместно.

Особое внимание в указанной реформе уделялось устройству тюремных больниц, которые так и не были повсеместно созданы. Очевидна декларативность идеи создания тюремной больницы, штаты которой даже не были поставлены в зависимость от численности больных арестантов. По проекту, тюрьмы должны были делиться на три части: для подсудимых, для осужденных к срочной тюрьме и для осужденных пожизненно и каторжан, а при них – создаваться больницы [4]. Таким образом, общей проблемой практически всех тюрем в XVIII–XIX вв. в России было отсутствие тюремных больниц, на что в свое время обращал внимание известный русский ученый-тюрьмовед М. Н. Гернет [5].

Ужасные условия, в которых содержались арестанты в тюрьме России до начала XIX в., являются наглядным примером безудержного произвола и жестокости царского правления. Тюремные камеры оборудовались в подземных и полуподвальных помещениях. Узкие и маленькие, они напоминали «каменные мешки», где процветали антисанитария, сырость, инфекционные болезни. Пищей заключенные практически не обеспечивались, перебивались во многих случаях подаяниями или другими случайными источниками ее получения [6].

Первым законодательным актом, предусматривающим необходимость «лечения больных арестантов», явилось издание от 07 ноября 1775 г. «Учреждения об управлении губерниями Российской империи» (далее по тексту – «Учреждение...») [7].

Согласно «Учреждению...» 1775 г., в каждой губернии создавались приказы общественного призрения. Приказы общественного призрения ведали местными школами, госпиталями, больницами, богадельнями, сиротскими домами, домами для неизлечимых больных, домами для умиренных, а также большое внимание уделялось некоторым тюремным учреждениям – «работным» и «смирительным» домами [8].

До наших дней дошел весьма любопытный документ, составленный в 1787 г. собственноручно государыней Екатериной II: «Проект об устройстве тюрем». Основной причиной, послужившей толчком к разработке этого документа, явилось

посещение России Джоном Говардом в 1781 г. Побывав в тюрьмах, Говард столкнулся с ужасными условиями, в которых находились арестанты. Таким образом, ею и был разработан указанный проект для успокоения общественного мнения, нежели из желания действительно исправить положение в российских тюрьмах [9]. Проект так и остался проектом на бумаге, не будучи оформленным в указ, но интересен сам факт его разработки, так как идеи, заложенные в нем, не утрачивают своего значения и по сей день [10].

Екатерининский «Проект об устройстве тюрем» впервые предусматривал соблюдение правил санитарии и гигиены при выборе места для постройки тюрем – близ воды и «на вольном воздухе».

Основное внимание в проекте уделялось устройству тюремных больниц с койками, с тремя сменами белья на них, с больничными халатами и колпаками, ночными столиками при койках и колокольчиками при них для вызова медицинского персонала. Был даже разработан проект штатов тюремной больницы. Больницу должен был возглавлять доктор, которому даже устанавливался твердый оклад в размере 300 рублей в год. В штат больницы входили также смотритель (надзиратель), лекарь, подлекарь, лекарские ученики, стража, «сидельники», «сидельницы» и др. [11]

Однако таких условий, по мнению М. Н. Гернета, изучившего тюремное устройство указанного периода, заключенные не дождались ни от самой Екатерины, ни от всех ее преемников, но они тысячами умирали в сырых казематах от голода и холода, пыток и истязаний [12].

На протяжении всего XIX в. положение в российских тюрьмах продолжало оставаться крайне тяжелым. Болезни, вшивость и грязь, высокая смертность, чахотка и цинга прочно вошли в тюремный быт. Количество заключенных все возрастало.

История посещения иностранцами тюрем России восходит к началу XIX в., когда в 1817 г. из Лондонского общества попечения тюрем в России прибыл Вальтер Венинг, которому было позволено ознакомиться с условиями содержания московской, тверской и петербургской тюрем. Результаты его доклада впечатлили царя, так как они содержали истинное состояние тогдашних тюрем. Вальтер Венинг обратил внимание на то, что в тюрьмах России совершенно отсутствует дифференциация правонарушителей, большая скученность заключенных, где в одной камере одновременно содержалось по 100 человек, использование оков, кандалов, колодок, которые заключенные были вынуждены таскать за собой [13].

Антигуманное отношение тюремной администрации к арестантам вызывало возмущение российской общественности того времени, и следствием этого явилось учреждение в 1819 г. «Попечительства о тюрьмах».

Среди первых шагов Общества можно найти разработку «Правил для арестантов», наем священников для духовно-нравственных бесед, раздачу книг духовного содержания, снабжение работами, устройство лазарета и школы грамотности, оплату из средств общества еженедельных банных услуг, снабжение заключенных одеждой и обувью (с 1830 г. Комитетом Общества была введена форма для арестантов) [14].

В 1829 г. по Высочайшему повелению был создан Московский попечительный о тюрьмах комитет, который возглавил великий гуманист и филантроп Федор Петрович Гааз. Возглавляемый им тюремный комитет немало сделал для облегчения жизни и медицинской помощи заключенным [15].

Благодаря его настойчивости было отменено этапирование арестантов с приковыванием их по несколько человек, введены облегченные «гаазовские» кандалы, обшитые кожей или холстом, были отменены одиночные камеры, была построена больница для заключенных со школой для детей и мастерскими. Помимо всего Федор Петрович снабжал осужденных медикаментами, деньгами и даже бельем [16].

В инструкции для тюремных врачей, составленной Гаазом, было предусмотрено не только профессиональное медицинское участие тюремных врачей в жизни арестантов, но и забота, и сердечное участие и в случае надобности горячая защита – вот были его главные средства врачевания [17].

Все его усилия были вознаграждены, он добился многого: улучшения санитарных условий, питания и медицинского обслуживания.

Таким образом, благодаря деятельности «Попечительного о тюрьмах общества» в мае 1831 г. была принята «Общая тюремная инструкция», утвержденная Комитетом министров, в которой уже довольно подробно излагались основные правила тюремного распорядка. В частности, впервые вводился круглосуточный прием арестантов и обязательное их медицинское освидетельствование. В штаты пенитенциарных учреждений вводились должности врачей (как правило, один врач на учреждение), медицинских сестер (две-три медсестры), а также акушеров для оказания помощи осужденным женщинам [18].

Несомненно, это было определенным сдвигом в сторону упорядочения организации лечения больных арестантов, однако эти мероприятия царского правительства в большей степени оставались мертворожденными: не хватало больниц, было мало врачей, а там, где они и были, состояние больниц не укладывалось в какое-либо понятие о лечебном учреждении, даже тогдашнего времени.

Переуплотненность тюрем и отсутствие санитарного надзора порождало большое количество

больных, лечить которых было негде. Поэтому циркуляром от 5 ноября 1864 г. «Об устранении чрезмерной тесноты в тюрьмах» предлагалось переводить больных арестантов кроме тюремных больниц также и в городские [19]. Это был вынужденный акт со стороны тюремного ведомства, который возник из-за трудностей, связанных с лечением больных арестантов. Увеличение количества тюрем и арестантов вызвало необходимость создания центрального управления, где должно быть ведомство, отвечающее за содержание заключенных. Так, 27 февраля 1879 г. в составе Министерства внутренних дел было организовано Главное тюремное управление, которое имело на местах органы управления тюрьмами [20]. И уже в 1887 г. законом от 13 июля в Управлениях тюрьмами на местах кроме других служб были введены должности врачей и фельдшеров – то есть для медицинского обслуживания больных арестантов в тюрьмах имелся свой специальный аппарат.

Во второй половине XIX в. положение заключенных в тюрьмах улучшилось. Так, циркуляр Главного тюремного управления от 2 мая 1880 г. обращал внимание губернаторов на «неотделение заразных больных от здоровых в местах лишения свободы» [21]. Позднее в циркуляре от 8 июля 1910 г. «О борьбе с туберкулезом в тюрьмах» Главным тюремным управлением было рекомендовано не отправлять больных заключенных на этапы в холодную погоду; ввиду неудовлетворительного состояния карцеров помещать в них больных с крайней осторожностью с разрешения врача; отделять больных в особые камеры в зависимости от стадии чахотки; назначать их на работы, не сопряженные с выделением пыли и в соответствии с силами больного. Лишь в отношении наиболее слабых было рекомендовано разрешать снимать с них кандалы на определенное время или до их выздоровления [22]. Однако, по наблюдениям М. Н. Гернета, указанные рекомендации оставались только на бумаге: больные работали в пыли и умирали в кандалах [23].

В 1890 г. принимается Устав о содержащихся под стражей, который предусматривал лечение больных арестантов за счет казны. До революции при каждой тюрьме имелся врач. Он осматривал арестантов при приеме в тюрьму, оказывал помощь при болезни, определял возможность содержания арестанта в одиночной камере, освобождения от прогулки, следил за состоянием здоровья лиц, водворенных в карцер, за санитарным состоянием тюрем и т. д. В обязанности врача входило не реже одного раза в три месяца производить наружный телесный осмотр всех заключенных для удостоверения в том, не страдают ли они какими-либо серьезными болезнями, как, например туберкулез, цинга и т. п. При

крупных тюрьмах существовали тюремные больницы для арестантов.

Кроме того, допускалось приглашение к больным арестантам за их счет врачей-специалистов, не состоявших при местах заключения, и перевод больных в случае нужды в местные городские, земские и иные больницы. Для этого требовалось заключение тюремного врача, разрешение губернской тюремной инспекции, а в отношении подследственных и подсудимых – согласие прокурорского надзора [24].

Принятие указанных ведомственных актов мало изменило ситуацию с устройством специальных тюремных больниц в России, их по-прежнему было очень мало, о чем свидетельствует отчет по Главному тюремному управлению за 1893 г., в котором отмечалось: «...требования гигиены и санитарии не могли быть исполнены при тогдашнем состоянии тюремных зданий, неудовлетворение которых ставило все тюремное население в опасные для здоровья и даже жизни условия» [25].

Подводя итог понятию «тюремная медицина» конца XIX – начала XX в., можно говорить о явном нежелании администрации тюрем и департамента полиции переводить больных заключенных в тюремные больницы даже при наличии заключения тюремного врача, а также недоверчивое отношение к освидетельствованию больных врачами-специалистами [26]. Обращение заключенных за врачебной помощью часто было безнадежным делом, так как нередко тяжелобольные зачислялись в «симулянты» и попадали вместо больницы под розги и в карцер [27].

Таково было фактическое состояние тюремной системы России, но уже тогда появились прогрессивные идеи о необходимости создания специальных тюрем «для увечных, дряхлых и больных арестантов». Так, известный русский ученый-тюрмовед И. Я. Фойницкий полагал, что помещение последних вместе со здоровыми заключенными вредит «правильному ходу тюремной деятельности», а также интересам больных заключенных. Указывая на необходимость создания специальных тюрем для больных заключенных, И. Я. Фойницкий приводил не только медицинские противопоказания совместного содержания больных и здоровых арестантов, но и отмечал причиняемый вред интересам больных арестантов, причинами которого, по мнению ученого, могли являться, во-первых, неприспособленность общих тюрем к соответствующим условиям отбывания наказания больными заключенными; во-вторых, отсутствие должных санитарных условий [28].

Таким образом, для пенитенциарной системы второй половины XVIII – начала XX в. было характерно содержание больных заключенных, страдающих тяжелыми заболеваниями (туберкулез,

тиф, цинга, холера и пр.) совместно со здоровыми, а также отсутствие необходимого количества тюремных больниц, что в свою очередь влекло высокий уровень смертности среди заключенных [29]. Тюремная администрация не принимала мер к исправлению этого положения, да и не могла их принять, так как наряду с изданием многочисленных циркуляров и указаний по другим вопросам, особенно со времени учреждения Главного тюремного управления, очень мало издавалось циркуляров, касающихся санитарно-гигиенических условий жизни заключенных в тюрьмах и оказания им медицинской помощи того времени [30].

Примечания

1. Братановский С. Н., Кизилов В. В. Правовое регулирование организации и деятельности медицинских учреждений в России / под ред. С. Н. Братановского. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. С. 6.
2. Смыкалов А. От реформ Екатерины II к судебной реформе 1864 года // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 41.
3. Городинец Ф. М. Места содержания под стражей в Российской империи // История государства и права. 2003. № 4. С. 24.
4. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1960. С. 49.
5. Гернет М. Н. История царской тюрьмы (1762–1825 гг.). Т. 1. М.: Юрид. лит., 1951. С. 273–274.
6. Диденко А. В. Основы пенитенциарной социальной медицины. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2008. С. 16.
7. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). СПб., 1830. Т. 20. С. 229–304.
8. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 131–132.
9. См.: Диденко А. В. Указ. соч. С. 16–17.
10. Семке В. Я., Гусев С. И., Снигерева Г. Я. Пенитенциарная психология и психопатология: руководство: в 2 т. / под ред. Т. Б. Дмитриевой, В. Я. Семке, А. С. Кононца. М.; Томск; Кемерово, 2007. Т. 1. С. 42.
11. См.: Диденко А. В. Указ. соч. С. 17–18.
12. Гернет М. Н. История царской тюрьмы (1762–1825). Т. 1. С. 71.
13. Полищук Н. И., Баженов В. В. Попечение о лицах, отбывающих наказание. СПб., 2011. С. 39–40.
14. Об утверждении в г. Санкт-Петербурге Общества попечительного о тюрьмах. СПб., 1819. С. 10.
15. Сажин В. А., Юрьев В. К. Здоровье и болезни заключенных. Сер. «Мир медицины». СПб.: Лань, 1999. С. 9.
16. Лыков В. Кто вы, доктор Гааз? // Преступление и наказание. 2011. № 4. С. 49–50.
17. См.: Диденко А. В. Указ. соч. С. 19.
18. Титов Д. С. Организация стационарной и специализированной медицинской помощи в УИС: учеб. пособие. Томск: ТФ Академии ФСИН России, 2005. С. 7.
19. Гернет М. Н. История царской тюрьмы (1825–1870). Т. 2. С. 66.
20. См.: Семке В. Я. Указ. соч. С. 44.
21. Гернет М. Н. История царской тюрьмы (1870–1900). Т. 3. М.: Юрид. лит., 1952. С. 32.
22. Гернет М. Н. Указ. соч. С. 33.

23. Там же.

24. Андреев В. Н. Правовое положение подозреваемых и обвиняемых под стражей. М.: «Права человека», 2000. С. 40–41.

25. Югель С. Отчет по Главному тюремному управлению за 1893 год // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 10. С. 207.

26. См.: Алфимова О. А. Освобождение от наказания в связи с болезнью: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: дис. ... канд. юр. наук. Красноярск, 2006. С. 15.

27. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Петропавловская крепость (1900–1917). Т. 4. М.: Юрид. лит., 1962. С. 32, 36–37, 49, 52–53.

28. Фойницкий И. Я. Учение о наказаниях в связи с тюремоведением. М.: «Добросовест 2000. Городец», 2000. С. 401–403.

29. См.: Алфимова О. А. Там же. С. 16.

30. См.: Семке В. Я. Указ. соч. С. 44.

УДК 343.814+343.85

Н. С. Артемьев, А. М. Розуван

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ С ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ В БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ И РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

На основании толкования термина «взаимодействие» с точки зрения различных отраслей знания авторы формулируют понятие взаимодействия правоохранительных органов в сфере борьбы с организованной и рецидивной преступностью. Оптимальной формой взаимодействия правоохранительных органов в вопросе предупреждения организованной и рецидивной преступности должен стать институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

On bases of the term “collaboration” with the perspective of different disciplines, the authors formulate the concept of collaboration between law enforcement agencies, combating organized crime and recidivism. An institute of administrative supervision of persons released from prison should become an optimal form of collaboration between law enforcement agencies to prevent organized crime and recidivism.

Ключевые слова: борьба с организованной преступностью, правоохранительные органы, административный надзор, уголовно-исполнительная система.

Keywords: combating organized crime, law enforcement agencies, administrative supervision, correctional system.

Одним из серьезных недостатков, имеющих место в практике работы правоохранительных органов по борьбе с организованной и рецидивной преступностью, является слабое их взаимодействие. Само понятие «взаимодействие», с точ-

ки зрения различных отраслей знаний, имеет различное толкование.

Философы определяют взаимодействие как «процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и порождение одним объектом другого» [1].

Социологи рассматривают взаимодействие как форму «социальной коммуникации или общения по крайней мере двух лиц или общности, в которой систематически осуществляется их взаимодействие друг на друга, реализуется социальное действие каждого из партнеров, действия одного приспособляются к действиям другого, достигается общность в понимании ситуации, смысла действий и определенная степень солидарности или согласия между ними» [2].

В военной науке под взаимодействием понимается «согласованность по задачам (объектам), направлениям, рубежам (районам) и времени действия подразделений, частей, соединений и объединений различных видов вооруженных сил, родов войск в интересах достижения общей цели боя и операции» [3].

В науке управления взаимодействие изучается «в качестве одной из форм управления как направленного воздействия, осуществляемого для достижения конкретной цели» [4].

По нашему мнению, более широким определением понятия «взаимодействие» является философская категория взаимодействия.

Раскрытие её позволяет установить связь и преемственность между философским понятием взаимодействия и понятием взаимодействия, применяемым в деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с правоохранительными органами в борьбе с рецидивной преступностью.

Неслучайно, разрабатывая свои понятия и терминологию, каждая наука в качестве методической основы опирается на фундаментальные философские исследования. В философской науке подчеркивается, что «взаимодействие представляет собой вид непосредственного или опосредованного внешнего или внутреннего отношения, связи, свойства объекта могут проявляться и быть познанными только во взаимодействии с другими объектами» [5].

Известно, что любая социальная система состоит из элементов, взаимодействующих и связанных между собой. Без устойчивых связей и взаимодействия элементов система под влиянием внешних воздействий не смогла бы существовать как таковая.

В связи с этим взаимодействие элементов есть необходимое условие устойчивости функционирования социальных систем, одной из которых являются учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, а с другой – правоохранительные органы.

Эффективное и хорошо налаженное взаимодействие элементов внутри системы обеспечивает наиболее полное и всестороннее выполнение функций, возложенных на эту систему для решения стоящих перед ней задач. Такой важной задачей, решаемой учреждениями и органами УИС и правоохранительными органами, является эффективная борьба с рецидивной преступностью, в том числе её предупреждение.

Взаимодействие по своей природе объективно и универсально. Оно охватывает различные формы бытия и формы их отражения при осуществлении взаимной связи всех структурных уровней бытия и материального единства мира.

Таким образом, взаимодействие характеризуется наличием не менее двух систем (элементов), оно осуществляется одновременно, охватывает лишь реально действующие связи и реальное воздействие взаимодействующих элементов. Взаимодействие осуществляется в силу объективной необходимости (закономерности). Для него характерны универсальность направлений взаимодействия; взаимодействие явлений, имеющих между собой связь и обусловленность.

Анализируя сущность взаимодействия, необходимо разграничить такие понятия, как «взаимодействие», «организация взаимодействия», «координация».

Взаимодействие не осуществляется стихийно, оно не проявляется само собой, автоматически, а реализуется в процессе специальной деятельности – организации взаимодействия. Понимая в данном случае организацию взаимодействия как проявление координации, следует подчеркнуть, что координация, в отличие от взаимодействия, предполагает подчинение участников совместной деятельности воли координирующего субъекта.

Координация (организация) взаимодействия охватывает и целый ряд таких вопросов согласования, которые к взаимодействию непосредственного отношения не имеют. Например, она включает вопросы разделения труда между взаимодействующими субъектами, распределение их задач и функций осуществления единой стратегии и линии поведения отдельных участников совместной деятельности, установления системы определенных отношений между ними и др.

Рассматривая понятия «координации» и «взаимодействия», можно выделить их отличительные признаки:

1. Субъекты координации и взаимодействия различны, в первом случае субъектом является субъект управления, то есть элемент социальной системы, во втором – сами участники взаимодействия.

2. Согласованные совместные действия при взаимодействии осуществляют в интересах всех субъектов взаимодействия, тогда как при коор-

динации интересы участников могут и не совпадать, а согласованные действия могут осуществляться даже вопреки этим интересам.

3. В числе характерных признаков понятия «взаимодействие» отсутствуют властные полномочия, тогда как в «координации» властные полномочия наблюдаются.

Исходя из вышесказанного о понятии взаимодействия, можно его определить следующим образом: взаимодействие представляет собой многоуровневую, адекватную криминальной обстановке в определенном районе систему организационных, управленческих, оперативно-розыскных, уголовно-процессуальных, предупредительно-профилактических и иных мер, обеспечивающих в совокупности успешное решение задач борьбы с преступностью, в том числе наиболее криминальной её части – организованной и рецидивной преступности.

Организация и поддержание взаимодействия предполагает согласованность усилий и действий по целям, времени и месту осуществления в интересах успешной борьбы с организованной и рецидивной преступностью. Это должно отражаться в постановке таких конкретных целей, достижение которых обеспечивало бы последовательное решение общих задач в борьбе с организованной и рецидивной преступностью. К сожалению, в последние годы отмечается устойчивая тенденция к росту рецидивной преступности в стране, удельный вес которой в структуре преступности превысил 40%, а в отдельных регионах он составляет 50–60%. В предупреждении организованной и рецидивной преступности в стране важную роль может сыграть институт административного надзора, который в новой редакции закона введен в действие на всей территории Российской Федерации с 1 июля 2011 г. Эффективность административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в значительной мере зависит от тесного, делового взаимодействия исправительных учреждений с органами внутренних дел (полиции) и от квалифицированного его осуществления участковыми уполномоченными полиции, на территорию обслуживания которых прибывают освобожденные из мест лишения свободы лица.

Содержание и эффективность административного надзора в целом зависит от того, насколько профессионально будет осуществлена работа полиции во взаимодействии с исправительными учреждениями по следующим направлениям деятельности:

– установление административного надзора;

– организация работы по осуществлению административного надзора;

– осуществление воспитательной функции административного надзора;

– организация контроля за образом жизни поднадзорных.

Как подчеркнул на заседании Совета безопасности Российской Федерации в 2011 г. министр внутренних дел РФ, «уже очевидно, что одного лишь закона об административном надзоре за бывшими осужденными явно недостаточно. Необходимо продуманная, хорошо отлаженная система профилактики, без консолидации усилий правоохранительных органов, органов государственной власти решить проблему рецидивов преступности невозможно. Бывшим заключенным нужна медицинская, социальная, психологическая помощь. Поэтому целенаправленная социальная опека – одно из главных условий профилактики повторной преступности» [6].

Что же касается лиц, судимых за педофилию, то эта категория нуждается в пожизненном административном надзоре, устанавливаемом судом, поэтому необходимы соответствующие изменения в законодательстве.

По нашему мнению, вместо ведения дел административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, или приложением к ним необходимо предусмотреть введение информационно-профилактического дела, в котором должна быть сосредоточена необходимая информация о судимом лице, что значительно повысит эффективность института административного надзора и улучшит взаимодействие сотрудников исправительных учреждений с работниками полиции, и в первую очередь с участковыми уполномоченными полиции [7].

Примечания

1. Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. М., 1987. С. 216.
2. Краткий словарь по социологии. М., 1984. С. 123.
3. Советская военная энциклопедия. М., 1984. С. 123.
4. Туманов Г. А. Организация управления в сфере охраны общественного порядка. М., 1972. С. 98.
5. Коршунов С. А., Канкина О. А. Взаимодействие служб криминальной милиции с частными детективными (охранными) предприятиями в решении отдельных задач ОРД. М., 1998. С. 30.
6. Фалалеев М. Зона невозврата // Рос. газ. 2011. 30 марта.
7. Артемьев Н. С. Роль административного надзора в предупреждении рецидивной преступности // Материалы выездного заседания региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов». Рязань, 15 апреля 2011 г. Рязань, 2011.

Д. Г. Домрачев

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

При применении норм административного законодательства в сфере охраны окружающей среды и природопользования контрольно-надзорными органами в ходе реализации их полномочий возникает ряд специфических проблем, связанных как с процедурой осуществления проверок, так и с непосредственным рассмотрением административных дел, требующих правового урегулирования.

Application of the norms of administrative law in the sphere of environment protection and nature management control and Supervisory bodies in the exercise of its powers there are a number of specific problems related to the procedure for implementation of audits and direct the consideration of administrative cases requiring legal regulation.

Ключевые слова: природопользование, административное законодательство, государственный надзор, правоприменение, правовое регулирование, судебная практика.

Keywords: nature management, administrative law, state supervision, enforcement, regulation, judicial practice.

Основная функция современного экологического права России, согласно ст. 42 Конституции РФ, состоит в обеспечении конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду, получение достоверной информации о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного их здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Сферу природопользования и охраны окружающей среды ст. 72 Конституции относит к совместному регулированию Российской Федерации и ее субъектов, а развитие общественных отношений в области взаимодействия человека и природы объективно вызвало потребность в совершенствовании правовых норм, регулирующих данные отношения и развитие законодательства, определяющего полномочия и структуру федеральных и региональных органов управления, местного самоуправления и устанавливающего разграничение этих полномочий между различными уровнями исполнительной власти. Наиболее важную роль в решении этой проблемы занимает экологическое законодательство: земельный, водный, лесной кодексы РФ, законы о недрах, о животном мире, об особо охраняемых природных территориях и т. д.

В России создана обширная нормативно-правовая база, регулирующая вопросы рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды. Законом урегулированы важные общественные отношения в области использования и охраны шести основных природных ресурсов: земли (Земельный кодекс), недр (Закон РФ «О недрах»), вод (Водный кодекс РФ), лесов (Лесной кодекс РФ), животного мира (Федеральный закон «О животном мире»), атмосферного воздуха (Федеральный закон «Об охране атмосферного воздуха») и др.

Вместе с тем единственным нормативно-правовым актом, позволяющим осуществлять правовое воздействие на субъекты, допускающие нарушения норм экологического законодательства, является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

При этом анализ правоприменительной практики показывает, что качество правового регулирования в экологической сфере, предусмотренного КоАП РФ, требует совершенствования, а в ряде случаев – и пересмотра.

Задачи совершенствования административного законодательства и эффективности его реализации вызывают необходимость обновления концепции регулирования указанных правоотношений, переосмысления накопленного опыта работы контролирующих органов, судебных решений и прецедентов, учета традиционных и новых факторов, оказывающих влияние на его содержание.

Проблемы, возникающие при применении административного законодательства в сфере экологии и природопользования контрольно-надзорными органами, можно разделить на две большие группы.

Первая касается применения норм КоАП РФ при непосредственном осуществлении уполномоченными государственными органами проверок деятельности природопользователей, то есть контрольно-надзорных мероприятий.

Вторая группа относится к порядку рассмотрения конкретных административных дел, возбужденных государственными инспекторами.

Среди основных проблем, с которыми сталкиваются государственные инспекторы Управления Росприроднадзора по Кировской области при осуществлении государственного надзора в сфере обращения с отходами производства и потребления и в вопросах защиты атмосферного воздуха, необходимо рассмотреть следующие.

В соответствии с федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», административным регламентом исполнения

Росприроднадзором государственной функции по осуществлению федерального государственного экологического надзора, утвержденного приказом Минприроды РФ от 29.06.2012 № 191, должностные лица, осуществляющие надзор, не вправе отбирать образцы продукции, пробы обследования объектов окружающей среды и объектов производственной среды для проведения их исследований, испытаний, измерений без оформления протоколов об отборе указанных образцов, проб по установленной форме. Отбор проб и составление протокола, согласно с КоАП РФ, осуществляется в присутствии понятых. В то же время хозяйствующие субъекты не всегда обеспечивают доступ понятых на предприятие, кроме того, запрещен доступ на особо режимные объекты без соответствующего доступа секретности, в связи с чем протокол об административном правонарушении не составляется либо составляется в отсутствие понятых. При обжаловании таких административных дел в судебном порядке возможно их прекращение в связи с несоблюдением процессуальных норм.

Согласно Административному регламенту Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по исполнению государственной функции по контролю и надзору за соблюдением в пределах своей компетенции требований законодательства Российской Федерации в области охраны атмосферного воздуха», срок проведения внеплановой проверки по контролю исполнения предписания об устранении выявленного нарушения обязательных требований составляет 15 рабочих дней с момента истечения срока устранения нарушения требований законодательства в области нарушения правил охраны атмосферного воздуха, что не соответствует нормам федерального закона № 294-ФЗ и административному регламенту от 29.06.2012 № 191, по которым указанный срок составляет 20 рабочих дней.

В настоящее время нормативно не определены критерии (перечень) отнесения сведений, являющихся экологической информацией. При этом за непредоставление, сокрытие или искажение такой информации предусмотрена административная ответственность по ст. 8.5 КоАП РФ (сокрытие или искажение экологической информации). В связи с этим данная статья фактически не применяется надзорными органами.

Весьма сложным представляется доказывание состава административного правонарушения по ст. 8.1 КоАП РФ (несоблюдение экологических требований при планировании, технико-экономическом обосновании проектов, проектировании, размещении, строительстве, реконструкции, вводе в эксплуатацию, эксплуатации предприятий, сооружений или иных объектов), так как диспозиция данной статьи содержит лишь общие формулиров-

ки. Поэтому суды не всегда квалифицируют то или иное правонарушение, по внешним признакам подпадающее под действие этой нормы, по данной статье, в связи с чем административные дела прекращаются за отсутствием состава административного правонарушения (например, два административных дела по ЗАО «Красный якорь» в 2013 г.).

Нарушение требований ст. 8.2 КоАП РФ (несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления или иными опасными веществами) влечет наложение административного штрафа на юридических лиц – от ста тысяч до двухсот пятидесяти тысяч рублей.

Ввиду явной несоразмерности санкции статьи тяжести правонарушения в тех случаях, когда нарушение носит формальный характер (нарушения, связанные с порядком учета вредных отходов), суд при обжаловании таких постановлений должностными лицами часто вынужден ограничиваться устным замечанием.

Имеют место явные пробелы в законодательстве об административной ответственности.

Например, ст. 8.41 КоАП РФ не предусматривает административную ответственность за непредоставление расчетов платы за негативное воздействие на окружающую среду и представление недостоверных расчетов платы, а ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ – за выброс вредных веществ в атмосферный воздух или вредное физическое воздействие на него без специального разрешения.

Выброс вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух, по мнению Кировского областного суда, должен быть доказан инструментальными методами, а также обязательным является доказательство негативного воздействия выбросов на окружающую среду. Судом не принимается во внимание обстоятельство, что выбросы от неорганизованных источников определяются преимущественно расчетным методом, а методики инструментальных измерений от таких источников отсутствуют.

Кроме того, решения судов при рассмотрении жалоб на постановления о привлечении к административной ответственности порой носят субъективный характер. Так, Кировским областным судом при наличии одного и того же состава – выброс вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух от свалки отходов при отсутствии разрешения – в течение полугодия вынесены противоположные решения – в отношении ОАО «КЧУС» (Кирово-Чепецкое управление строительства) суд отменил постановление районного суда о назначении административного наказания по ч. 2 ст. 24.5 КоАП РФ (отсутствие состава административного правонарушения), в то же время в отношении ООО «Краснополянский Жилкомхоз» постановление районного суда

о назначении административного наказания по этой же статье оставлено без изменения.

При осуществлении Федеральной службы по надзору в сфере природопользования своих полномочий существуют также проблемы нормативно-правового регулирования контрольно-надзорной деятельности за сохранностью водных ресурсов.

Судебная практика показывает, что применение ст. 8.14 КоАП РФ «Нарушение правил водопользования» проблематично, так как отсутствует соответствующий нормативно-правовой акт, утверждающий эти самые правила водопользования.

В этой ситуации целесообразно в установленном порядке разработать и утвердить «Правила водопользования» либо внести соответствующие изменения в ст. 8.14 КоАП РФ.

В экономическом механизме природопользования, при квалификации административных правонарушений требуют изменения подходы к проблеме использования водных объектов без соответствующего права. Хозяйствующие субъекты не заинтересованы в приобретении данного права, так как затраты и организационные барьеры согласований документов зачастую несоизмеримы с административными штрафами, предусмотренными ст. 7.6 КоАП РФ и с платежами за сверхлимитные сбросы загрязняющих веществ.

Относительно низкие размеры административных штрафов, указанных в санкциях, предусмотренных статьями гл. 7 и 8 КоАП РФ в части нарушений водного законодательства, не позволяют в полной мере и эффективно осуществлять мероприятия по государственному водному контролю.

В связи с этим целесообразно внести изменения в соответствующие статьи КоАП РФ по увеличению размеров административных штрафов по указанным статьям.

В соответствии с ч. 2 ст. 39 Водного кодекса РФ выполнение требований, указанных в договорах на водопользование и в разрешительных документах на водопользование, не входит в обязанности водопользователей, что не позволяет в полной мере привлекать к административной и иной ответственности нарушителей водного законодательства (например, по ст. 7.6 КоАП РФ).

Соответственно требует корректировки ч. 2 ст. 39 Водного кодекса РФ.

Среди основных нарушений, выявляемых при проведении контрольных мероприятий в ходе осуществления государственного надзора за геологическим изучением, рациональным использованием и охраной недр, необходимо отметить следующие:

1) нарушения условий лицензионных соглашений к лицензиям на право пользования недрами;

2) невыполнение в установленный срок предписаний органа государственного контроля об устранении нарушений законодательства о недрах;

3) отсутствие у хозяйствующих субъектов лицензий на право пользования недрами в части добычи подземных вод;

4) недостаточное проведение текущих и капитальных ремонтов скважин (минимальное или полное отсутствие финансирования работ со стороны недропользователей по ремонту, эксплуатации артезианских скважин);

5) невыполнение работ по выводу из эксплуатации водозаборных скважин (ликвидационный тампонаж).

Ситуация осложняется тем, что в последние годы предприняты меры по либерализации законодательства в сфере недропользования путем внесения изменений в нормативно-правые акты, усложнившие осуществление государственного контроля за геологическим изучением, рациональным использованием и охраной недр.

Так, в Налоговый и Водный кодекс РФ внесены изменения, отменившие пятикратную плату за пользование подземными водными объектами без соответствующей лицензии.

В Закон РФ «Об экологической экспертизе» внесены поправки, исключающие из объектов государственной экологической экспертизы проекты на производство работ по поискам, оценке и добыче подземных вод.

Изменениями Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности от 8 августа 2001 г. № 184-ФЗ» из перечня лицензируемых видов деятельности исключены работы по бурению водозаборных скважин.

Федеральным законом от 28.12.2009 № 380-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» увеличены санкции за несоблюдение законодательства о недрах.

Но при этом в ст. 7.3 КоАП РФ включены практически все виды нарушений при пользовании недрами по всем видам добываемых полезных ископаемых (добыча нефти, газа, драгоценных металлов и подземных вод). Этим законодатель фактически поставил в одинаковые условия крупные нефтегазодобывающие компании, извлекающие существенные прибыли, и низкобюджетные сельские поселения, добывающие подземные воды для обеспечения населения водой и не имеющие дохода, что явно противоречит принципам справедливости, соразмерности и целесообразности применения мер административной ответственности.

В результате, по жалобам недропользователей, имеющих низкие доходы и неблагоприятное имущественное положение, суды вынуждены принимать решения об их освобождении от админи-

стративной ответственности в связи с малозначительностью в соответствии со ст. 2.9 КоАП РФ, что не способствует реализации принципа неотвратимости наказания за совершенные правонарушения.

Очевидно, что в этой ситуации необходимо законодательно предусмотреть большую дифференциацию административной ответственности за нарушения правил недропользования в зависимости от степени их общественной вредности, а также финансового положения допустивших эти правонарушения хозяйствующих субъектов

Осуществление государственного земельного надзора затрудняется сложной системой разграничения компетенции и полномочий между различными органами исполнительной власти в этой сфере и противоречиями, существующими в нормах административного законодательства.

Так, в соответствии с постановлением Правительства РФ от 15 ноября 2006 г. № 689 (в ред. Постановления Правительства РФ от 05.06.2013 № 476) контрольно-надзорные полномочия в сфере охраны и защиты земельных ресурсов возложены на три федеральных органа исполнительной власти:

- на Росреестр – в отношении всех видов и категорий земельных участков как объектов гражданских прав;
- на Росприроднадзор – за землей как природным объектом и природным ресурсом в установленной сфере деятельности, в том числе выполнением обязанностей по рекультивации земель;
- на Россельхознадзор – за землей как природным объектом и природным ресурсом в отношении земель сельскохозяйственного назначения и земельных участков сельскохозяйственно-

го использования в составе других категорий земель.

Статьей 8.7 КоАП предусмотрена ответственность за невыполнение обязанностей по рекультивации земель и обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв.

Но при этом рассмотрение указанных дел, в соответствии со ст. 23.31 КоАП РФ, отнесено к полномочиям органов, осуществляющих государственный контроль и надзор в сфере безопасного ведения работ, связанных с использованием недр, промышленной безопасности и безопасности гидротехнических сооружений (Ростехнадзор), который, как видно из анализа законодательства, вообще не является уполномоченным органом на осуществление земельного надзора.

В то же время Росприроднадзор, исполняя полномочия за выполнением обязанностей по рекультивации земель, рассматривать дела об административных правонарушениях по ст. 8.7 КоАП РФ (невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению) не уполномочен.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что решение задач обеспечения эффективного государственного контроля (надзора) в сфере охраны окружающей среды и природопользования требует, с одной стороны, совершенствования системы и структуры органов государственного экологического контроля (надзора), а с другой – совершенствования законодательства, в том числе пересмотра нормативно-правовых актов, устанавливающих соответствующие правила поведения субъектов природопользования и ответственность за их нарушение.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 378.016:81

И. А. Барина, А. О. Вайсман

О СТРУКТУРЕ СЛОВАРЯ ТЕЗАУРУСНОГО ТИПА

В статье обсуждается проблема эффективного обучения иностранным языкам и подготовки специалистов-переводчиков посредством составления и использования словаря-тезауруса. Рассматривается структура словаря-тезауруса, в качестве иллюстраций представлены разделы составленного авторами трехязычного словаря тезауруса по теме «Управление твердыми бытовыми отходами».

The article deals with the problem of the effective foreign language teaching and professional training of interpreters and translators by making and using a thesaurus dictionary. The structure of a thesaurus dictionary is investigated. Some units of the multilingual (Russian, English, French) thesaurus in Solid Waste Management are presented.

Ключевые слова: тезаурус, ключевые слова, логико-семантическая структура темы, экология, управление отходами.

Keywords: thesaurus, key words, logical and semantic theme structure, ecology, waste management.

В условиях глобализации возрастает необходимость в специалистах, владеющих иностранными языками для развития и поддержания международных связей. Поэтому актуальной становится проблема качественной подготовки специалистов-переводчиков.

На наш взгляд, тезаурусный подход к изучению языка является одним из наиболее эффективных методов изучения языка и профессиональной подготовки специалистов-переводчиков, работающих в различных областях.

Необходимо отметить, что понятие «тезаурус» имеет три значения:

1. Тезаурус – это некий семантический словарь как способ организации лексики, в явном виде фиксирующий все «семантические отношения между составляющими его единицами».

2. Тезаурус – это семантический словарь как издание, представляющее собой упорядоченный набор терминов, содержащее перечень понятий вместе с их интерпретацией и отношениями.

3. Тезаурус – это модель мира, отраженный и упорядоченный в сознании «лексикон», «идеальная картина мира» [1].

Говоря о словаре-тезаурусе, необходимо подчеркнуть, что он неслучайно используется как адекватный способ систематизации знаний. Г. А. Брутян указал на то, что «значение имеет языковой характер не только в том смысле, что язык выступает как способ осуществления знания, но и в том, что язык оставляет свой специфический след на знании» [2]. Именно в таком направлении Ю. Н. Караулов развивал свою мысль об известном отражении в идеографическом словаре (тезаурусе) «картины мира», «языковой модели мира» в своей работе «Общая и русская идеография». Сам термин «тезаурус» постепенно эволюционировал в современном научном употреблении, поэтому теперь можно встретить трактовку этого термина в расширенном понимании, которое, на взгляд многих исследователей, достаточно верно отражает существо дела и свидетельствует о развитии нового, третьего по счету, значения у термина «тезаурус» [3]. Такого понимания термина «тезаурус» придерживается Г. Г. Воробьев: «Стратегия общения определяется тезаурусами людей, которые по принципу разноаспектного сходства входят в разные социально-демографические группы и в своей совокупности образуют тезаурус человечества как глобальной информационной системы» [4]. Тезаурус может расти или сокращаться в объеме в процессе жизнедеятельности динамической системы, а также он может перемещаться в информационном пространстве. Исследователь обращает наше внимание на очень интересный феномен – вырождение тезауруса, он пишет, что это явление «проявляется в таких личностных свойствах человека, как нелюбознательность, рутинность мышления, педантизм, плохая приспособляемость к меняющимся условиям, ксенофобия, скептицизм, мнительность, повышенный самоконтроль. И тогда информативными чаще считаются сообщения, подтверждающие известные идеи, а не опровергающие их» [5].

Исходя из этого Ю. Н. Караулов делает заключение о том, что «тезаурус-словарь если и не моделирует лексикон человека (т. е. тезаурус в третьем значении), то в сильной степени коррелирует с ним» [6].

Рассмотрим структуру словаря тезауруса, в которой выделяют следующие части:

- 1) классификационная часть;
- 2) контекстная часть;
- 3) идеографическая часть;
- 4) алфавитный указатель слов [7].

В первой, классификационной, части тезауруса содержатся логико-семантические структуры тем (АССТ) как на иностранном, так и на родном языках. В них определены границы предметного содержания той или иной области знаний. В основу построения, прежде всего, кладутся характеристики классификации.

АССТ играет огромную роль в развитии зрительного смыслового вербального восприятия, особенно в формировании таких качеств, как предметность, целостность и константность, важных для изучения материалов по любой дисциплине. Она становится информационной основой для понимания и надежным внутренним ориентиром для вероятностного прогнозирования обучаемого.

Ключевые слова первой зоны выражают обычно наиболее широкие понятия исследуемой темы или проблемы. Слова второй зоны охватывают второй и третий уровни подтем и представляют собой уже более конкретные обозначения данной предметной области, детализируют предмет, его аспекты.

Во второй, контекстной, части тезауруса содержатся определения ведущих ключевых слов-понятий. В данном случае дефиниция играет роль микроконтекста для каждого ключевого слова, она позволяет представить его в речи с разной соотношенностью и в тесной взаимосвязи с другими словами.

Третья часть тезауруса – идеографическая. Она представляет собой набор словарно-понятийных статей, которые представлены в словаре

на иностранном и русском языках. Они являются центральной и самой важной частью словаря тезаурусного типа. В их основу положен принцип систематизации лексики вокруг ведущих ключевых слов, которые отражают основные понятия темы и являются заголовками словарно-понятийных статей. В словарно-понятийной статье лексика представляет собой определенное множество, содержательно характеризующее ключевое слово-заголовок на основе логико-семантических отношений, которые отражают реальные отношения между предметами и явлениями, существующими в объективной действительности. В процессе отбора и группировки лексики в словарно-понятийные статьи учитываются наиболее существенные отношения, обусловленные смысловым содержанием понятий, которые стоят за ведущим ключевым словом.

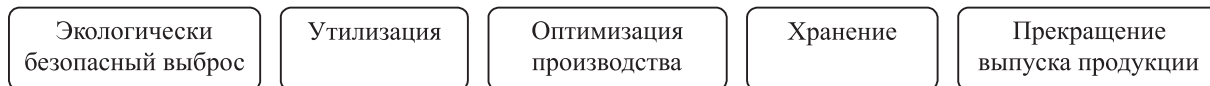
Четвертой частью словаря-тезауруса является алфавитный указатель слов, в который заносятся следующие группы:

- 1) все ведущие и подчиненные ключевые слова и словосочетания словарных понятийных статей, что составляет основную часть алфавитного списка;
- 2) устойчивые словосочетания;
- 3) предлоги, союзы, местоимения, местоименные наречия;
- 4) речевые клише и средства смысловой связи [8].

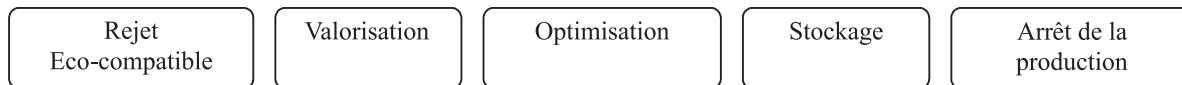
Практической целью нашего исследования является составление структурированного лексикона-тезауруса по специальности «Экология» на русском, английском и французских языках по теме «Управление твердыми бытовыми отходами». В качестве иллюстрации приведем некоторые разделы по теме «Стратегии управления отходами» составленного авторами тезауруса на французском и русском языках.

I. Классификационная часть с логико-семантическими структурами тем

Управление отходами

Gestion des déchets

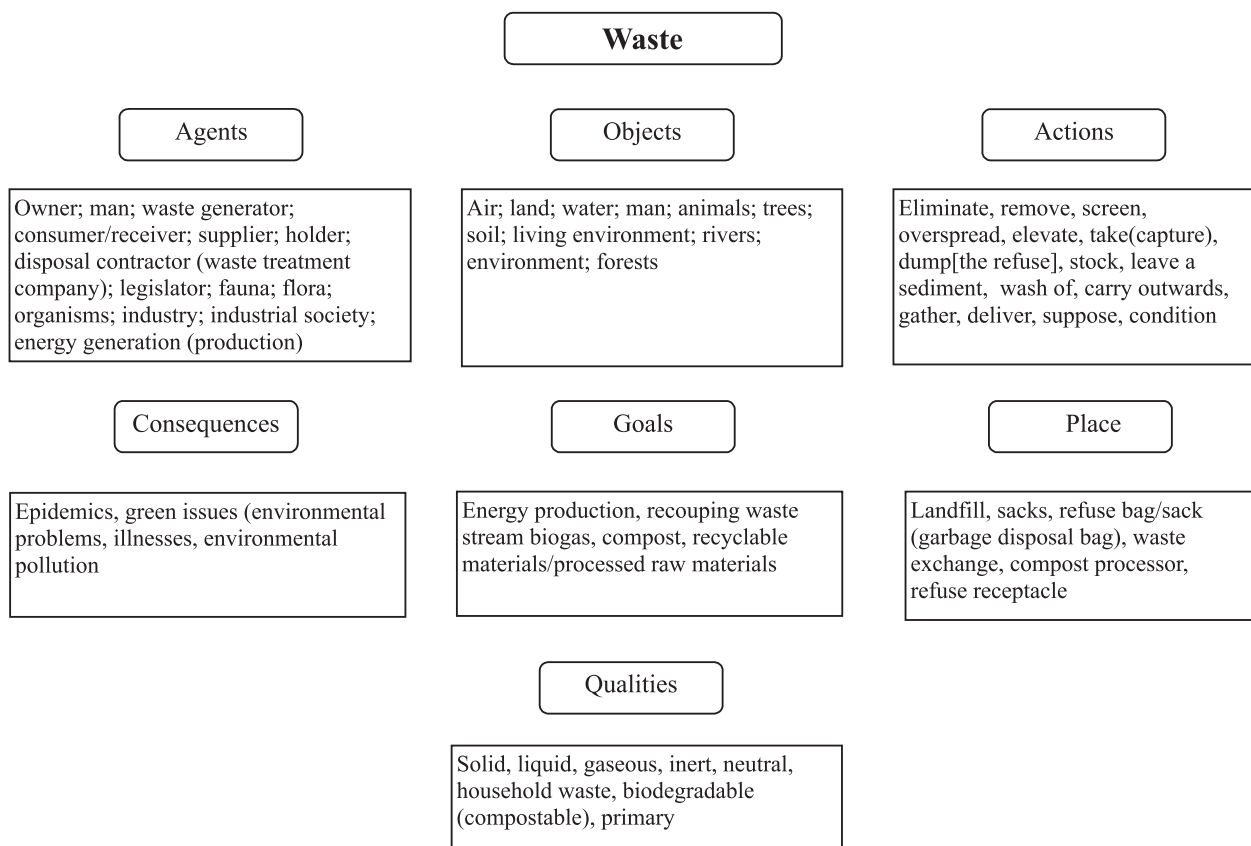

II. Контекстная часть с дефинициями ключевых понятий темы «Стратегии управления отходами»

Русский язык	Английский язык	Французский язык
Твердые бытовые отходы: отходы, образующиеся в результате жизнедеятельности населения (приготовление пищи, упаковка товаров, уборка и текущий ремонт жилых помещений, крупногабаритные предметы домашнего обихода, фекальные отходы нецентрализованной канализации и др.)	Municipal Solid Waste (MSW): "Regular" garbage from non-industrial sources, such as residential homes, restaurants, retail centers, and office buildings. Typical MSW includes paper, discarded food items, and other general discards. Green waste is considered MSW and includes yard clippings, leaves, trees, etc	Déchets solides municipaux: Ensemble des déchets solides dont l'élimination (au sens donné par les textes législatifs) relève de la compétence des communes
Управление твердыми бытовыми отходами: 1. Часть общего управления веществами, подчиняющаяся естественнонаучным закономерностям сохранения и вторичного использования любого вещества. 2. Методы и мероприятия по утилизации отходов	Waste management: The collection, transportation, and disposal of garbage, sewage, and other waste products. Waste management encompasses management of all processes and resources for proper handling of waste materials, from maintenance of waste transport trucks and dumping facilities to compliance with health codes and environmental regulations	La gestion des déchets ou rudologie: La collecte, le transport, le traitement (le traitement de rebut), la réutilisation ou l'élimination des déchets, habituellement ceux produits par l'activité humaine, afin de réduire leurs effets sur la santé humaine, l'environnement, l'esthétique ou l'agrément local

III. Идеографическая часть со словарно-понятийными статьями ведущих слов-понятий темы.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть преимущества словаря тезаурусного типа как формы подачи и способа запоминания лексики в процессе подготовки будущих специалистов как языковых, так и неязыковых вузов, поскольку, на наш взгляд, организация лексики в таком словаре существенно облегчает и ускоряет процесс запоминания новой терминологии на иностранном и родном языках.

Примечания

1. Серова Т. С., Шишкина Л. П. Экологический немецко-русский лексикон тезаурус: словарь. Пермь: Изд-во Перм. гос. тех. ун-та, 2009.
2. Брутян Г. А. Языковая картина мира и ее роль в познании // Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976. С. 57–58.
3. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981.
4. Воробьев Г. Г. Теория тезаурусов в анализе коммуникаций // Семантика и информатика. М., 1979. Вып. 11. С. 3.
5. Там же. С. 4, 33.
6. Караулов Ю. Н. Указ. соч. С. 190.
7. Серова Т. С., Шишкина Л. П. Указ. соч.
8. Там же.

УДК 821.111(410)-2

А. В. Балакова

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕРОИЧЕСКОЙ ДРАМЫ: ПЬЕСА Р. БОЙЛА, ГРАФА ОРРЕРИ, «ТРАГЕДИЯ МУСТАФЫ»

Статья посвящена неизвестной в отечественном литературоведении пьесе Р. Бойла, графа Оррери, «Трагедия Мустафы». Рассматриваются различные трактовки жанра английской героической пьесы периода Реставрации, определяется своеобразие жанровой природы произведения Оррери.

The article deals with the play "The Tragedy of Mustapha" by R. Boyle, Earl of Orrery. The play is unknown to Russian literary criticism. Various definitions of the genre of the heroic drama of the Restoration are considered, the genre peculiarities of the play in question are analysed.

Ключевые слова: английская героическая пьеса, период Реставрации, Р. Бойл, «Трагедия Мустафы».

Keywords: the English heroic drama, the Restoration, Orrery, «The Tragedy of Mustapha».

Творчество английского драматурга периода Реставрации Роджера Бойла, графа Оррери, до сих пор не попадало в поле внимания отечественного литературоведения и не получило должного освещения.

Для зарубежных исследователей работы Оррери являются предметом постоянного изучения, так как становление жанра английской героической пьесы периода Реставрации неотъемлемо связано с его именем. У. С. Кларк пишет: «В течение первого десятилетия правления Карла II «героические пьесы» Роджера Бойла, графа Оррери, были очень модны и высоко ценились, поэтому многие переписывали тексты до того, как пьесы появились в печати. Следовательно, сохранилось значительно больше рукописных копий произведений Оррери, чем любого другого драматурга Реставрации» [1]. А. Николл, признававший влияние Оррери на раннем этапе развития героической пьесы, называет его «первым, кто дал героической пьесе определенную форму», которую затем взял на вооружение Джон Драйден, создатель самых прославленных произведений этого жанра [2]. Далее жанр развивался по трем направлениям: одни драматурги (которых большинство) следовали за творчеством Драйдена, другие, как Дж. Карил и Т. Шипман, выбирали за образец исторические пьесы Оррери, третьи ориентировались в своих сочинениях на французские образцы [3].

Ирландский дворянин Роджер Бойл, барон Брэгхилл (1621–1679), получивший впоследствии

титул графа Оррери, был известен как выдающийся политик. Тот факт, что он служил и пользовался доверием при дворе Карла I, Кромвеля и Карла II, наложил отпечаток на его драматургическую деятельность, о чем свидетельствуют и сюжеты его пьес, и исследования зарубежных литературоведов.

Перу Оррери принадлежит пять героических пьес: «Генерал» (The General) или «Альтемира» (Altemira, 1661) [4], «Генрих V» (Henry V, 1664) [5], «Трагедия Мустафы» (Mustapha, 1665), «Черный принц» (The Black Prince, 1667), «Тритон» (Tryphon, 1668).

Большинство исследователей указывают на оригинальный характер сочинений Оррери. Все героические пьесы Оррери объединены фигурой Карла I, в котором драматург видел идеального монарха, принявшего мученическую смерть, и фигурой его сына, Карла II, в котором драматург надеялся увидеть черты идеального монарха. Произведения графа проникнуты духом патриотизма, гордости за нацию. Темы захвата трона, цареубийства, самоотверженной любви, верности в дружбе и любви, верности королю, повторяющиеся из пьесы в пьесу, составляют основу его произведений. По мнению Д. У. Джефферсона, в пьесах Оррери героизм всегда ассоциируется с моральным идеализмом. Основная тема его трагедий – это тема, в которой самопожертвование, верность и дружба одерживают верх над личными устремлениями героев. Отсутствие кровавых сцен и чудес героизма также присуще пьесам этого драматурга; действие происходит скорее в сфере нравственных, чем физических отношений героев. Подобная концепция героизма, как полагает Джефферсон, берет свое начало в романах мадемуазель де Скюдери [6].

Следует также обратить внимание на тот факт, что в своих сочинениях Оррери сознательно следовал образцам французской драматургии. Первая пьеса «Генерал» была написана им, так как король пожелал увидеть на английской сцене «пьесу во французской манере» [7]. В одном из своих писем граф упоминает о завершении работы над пьесой на французский лад (имеется в виду «Черный принц») и отмечает: «...моя бедная попытка не может доставить удовольствие его величеству, но мой пример может вдохновить тех, кто сможет сделать это» [8]. Большинство исследователей сходны во мнении, что Оррери в своих сочинениях ориентировался не столько на правила классицистической доктрины, сколько на драматургию Корнея.

Пьеса Оррери «Трагедия Мустафы, сына Сулеймана Великолепного» заслуживает отдельного внимания. Трагедию играли на протяжении целого десятилетия. Она была последняя, поставленная до закрытия театров перед надвигающей-

ся чумой, охватившей Лондон в 1665 г., и первой после открытия театров по завершении эпидемии, что говорит о ее большой популярности у зрителей того времени [9]. «Трагедия Мустафы» в ряду произведений Оррери стоит особняком. С одной стороны, наличие определенных особенностей, характерных для героической драмы, позволяет судить о ее принадлежности к этому жанру. И в то же время своеобразие сюжета и образов, а также гибель главного героя, что было совсем не свойственно для подобных сочинений, вызывают затруднения с определением жанровой природы произведения.

В связи с этим необходимо уточнить, какие произведения относятся к жанру героической пьесы. Заметим, что однозначного ответа на этот вопрос до сих пор нет.

Общеизвестно, что в течение первых двадцати лет Реставрации на театральной сцене царили героические пьесы [10]. Возникновение этого жанра обычно связывают с влиянием французской театральной моды того времени, которую привезли с собой из эмиграции подданные Карла Второго, а также с английской национальной традицией, нашедшей выражение в романтических пьесах Бомонта и Флетчера, или видят ее истоки в трагедиях Шекспира. «Героическую пьесу, – утверждает Николл, – с ее высокопарными чувствами и разного рода преувеличениями нужно воспринимать, с одной стороны, как героическую поэму в театральной постановке, а с другой – как литературную форму, которая пришла из Франции в середине семнадцатого века и стала популярной благодаря усилиям таких людей, как Чамберлен и Давенант» [11].

Идеологом нового направления в драматургии стал Драйден, который в предисловии к «Завоеванию Гранады» (1672 г.) представил теорию героической драмы. Такая пьеса, по мысли Драйдена, должна напоминать героическую поэму в миниатюре: основная тема ее – любовь и доблесть [12].

Зарубежные исследователи не раз пытались установить, что же делало героическую пьесу именно «героической»: доблестные характеры персонажей, гиперболизированный конфликт любви и чести, рифмованный стих, возвышенный стиль или захватывающий сюжет и т. д. Во времена Реставрации термин «героическая трагедия» использовался довольно свободно и, видимо, обозначал все пьесы, где какие-либо действующие лица погибали, причем для данного жанра смерть главных героев совсем не была обязательной. Напротив, в произведениях Драйдена основные персонажи всегда остаются в живых. По мнению Дж. Таппера, практически все героические пьесы были написаны по образцу трагедии Драйдена «Завоевание Гранады» и являются тра-

гедиями в той же степени, в какой является трагедией данная пьеса. Определенное исключение составляют произведения Оррери и Отвея, где финал был роковым именно для главных героев [13]. Чейз отмечает, что Раймер – единственный драматург, который написал на титульном листе своего произведения «героическая трагедия». У Драйдена мы видим название «героическая пьеса», а у Лангбайна – «трагедия, написанная героическим стихом» [14].

В. С. Кларк предпринял попытку сформулировать определение для героической пьесы, проанализировав высказывания по этому поводу самих драматургов периода Реставрации: У. Давенанта, Р. Флекно, Дж. Драйдена, Э. Хауэрда, Т. Отвея, Т. Раймера – и тем самым выяснить понимание героической пьесы непосредственно в период Реставрации. Кларк описывает героическую пьесу следующим образом: «...в целом серьезная пьеса, написанная рифмованным стихом, тоном своим напоминающая героическую поэзию и повествующая о возвышенных чувствах людей благородного происхождения». Исследователь также полагает, что для драматургов и зрителей того времени рифмованный стих являлся обязательной чертой этого жанра, так как с возвращением в трагедию белого стиха употребление термина «героическая пьеса» перестало встречаться в театральных обсуждениях того времени [15].

Интерес представляет точка зрения Р. Хьюма, который, несмотря на стремление многих литературоведов обобщить характер героических пьес и привести их создание к единой схеме, настаивает на их многообразии. Хьюм полагает, что героическую пьесу как жанр необходимо изучать в ее развитии. Произведения драматургов, стоящих у истоков героической драмы, Давенанта и Оррери, отличны и от произведений Драйдена, и от более поздних сочинений Ли, Бэнкса и Крауна. По мнению ученого, героические пьесы объединяет центральная идея, но во всех остальных отношениях существует много расхождений [16].

«Трагедия Мустафы» может служить убедительным подтверждением правомерности слов Хьюма. Она, как и все героические пьесы драматурга, за исключением «Ирода Великого», была написана до «Завоевания Гранады» (1672), исследователи не раз подчеркивали ее оригинальность и своеобразие. Поэтому представляется возможным говорить о раннем этапе развития героической драмы, имевшем место до постановки лучших пьес Драйдена и до появления его предисловия к «Завоеванию Гранады», и о более позднем, на который оказало влияние творчество драматурга.

Пьеса «Трагедия Мустафы, сына Сулеймана Великолепного» была поставлена в апреле 1665 г. в театре в районе Линколнз-Инн-Филдз, кото-

рым руководил У. Давенант. Фолио было опубликовано в 1668 г. Ко времени постановки трагедии стали складываться определенные черты героической пьесы. Зрителю Лондона уже были представлены «Осада Родоса» (1656, 1661) и «Жестокость испанцев в Перу» (1658) У. Давенанта, «Генерал» (1661 (в Дублине)), 1664 (в Лондоне)) и «История Генриха V» (1664) Оррери, и «Королева индейцев» (1664) Р. Хауэрда и Дж. Драйдена.

«Трагедия Мустафы» – самое успешное драматическое произведение Оррери, являющееся по своему идейному замыслу, художественному воплощению и построению более совершенной и законченной пьесой, чем две предыдущие. Н. Магуаэр пишет: «Поставленная труппой герцога пьеса «Мустафа» демонстрирует умение Оррери приспособиться к новым обстоятельствам и угодить вкусам более искушенной театральной публики, он отточил свое мастерство сочинителя и проявил себя как профессиональный драматург» [17]. Пьеса понравилась и королю, и он приказал Джону Уэббу, королевскому архитектору и ученику Иниго Джонса, сделать декорации для постановки пьесы в Уайтхолле.

Основой для сюжета послужили трагические события при дворе османского императора Сулеймана Великолепного в 1553 г. [18] Разумеется, драматург не преследовал цель изобразить исторические события как можно более достоверно. Дж. Таппер, характеризуя героические пьесы, отмечает следующее: «Драйден и его последователи использовали исторический материал, но они оставляли без внимания исторические факты и не старались представить данный период времени как последовательность связанных событий. Их пьесы касаются королевской власти, реальных исторических персонажей, но они не представляют само царствование, как это сделано в исторических хрониках Шекспира. Единственный интерес – это героическая любовь, а царствование служит фоном» [19]. Оррери в определенной степени поступал как большинство драматургов своего времени, но в его произведениях политический конфликт почти всегда (за исключением «Черного принца») обсуждается так же глубоко и горячо, как конфликт любви и чести, характерный для героических пьес. Через призму исторических событий драматург говорил о современных ему политических проблемах.

Источниками для сюжета «Мустафы» послужили роман М. Скюдери «Ибрагим, или Великий Паша» и трактат Р. Кнолла «Общая история турков» (The Generall Historie of the Turkes, 1603). Обращение драматурга к истории Османской империи объяснялось все более нарастающей модой на постановки с экзотической

фабулой, а также актуальными политическими проблемами в Европе: Турция претендовала на расширение своих территорий за счет Италии. События в пьесе и реальные исторические события мало связаны между собой. Достаточно упомянуть тот факт, что Сулейман завоевал Буду в 1541 г., а казнь Мустафы свершилась в 1553 г., Изабелла никогда не встречалась ни с Роксоланой, ни с Сулейманом, брат Мустафы погиб при других обстоятельствах и т. д. [20] Оррери использовал исторический материал, чтобы создать увлекательную и поучительную историю, как и другие современные ему драматурги.

Сюжет героических пьес строился по определенной схеме. «В каждой пьесе Драйдена, – пишет Николл, – присутствует герой сверхчеловеческой доблести и со сверхчеловеческими идеями, героиня непревзойденного постоянства и красоты, внутренний конфликт любви и чести в душах героев; волнующая история борьбы и военного энтузиазма, наполненная интенсивным драматическим интересом» [21]. Дж. Таппер в работе «Героическая пьеса», сравнивая героическую драму с романтическими пьесами Бомонта и Флетчера, излагает следующий обобщенный вариант сюжета для героических пьес: «Доблестный военный герой внезапно влюбляется в прекрасную и хорошо воспитанную героиню благородного происхождения. Обычно их любви препятствует соперник, который в конце концов погибает, даже если он благороден, а также главному герою противостоят силы в лице короля, родителей, норм морали, на соблюдении которых настаивает героиня, или любовь к героине или герою короля или королевы соответственно. Эти препятствия герой или другие добрые силы успешно преодолевают, так как соперники и злодей погибают, и счастливые влюбленные соединяются» [22]. Авторы не старались психологически обосновывать поступки героев, поэтому изображение характеров как таковое отсутствует. Сюжет пьесы не строился вокруг характера героя и не зависел от него, поэтому в героических пьесах отсутствует единство сюжетных линий. Для драматургов и зрителей интерес заключается в разнообразии интриги. Например, в «Завоевании Гранады» главный интерес представляет то, что случится в ближайшей сцене. Характеры – это типы, огромное значение придает величию героя или злодейству негодяя [23].

Действие пьесы Оррери развивается следующим образом. Армия султана Сулеймана Великолепного осаждает венгерский город Буда. Венгерская королева Изабелла по настоянию своих приближенных посылает своего юного сына вместе с сокровищами короны к Роксолане, жене султана, в надежде, что тот пощадит город, а

затем сама прибывает в турецкий лагерь и в знак благодарности за жизнь сына дарит город Роксолане. Зангер, сын султана и Роксоланы, и Мустафа, старший сын и наследник Сулеймана, влюбляются в королеву и становятся соперниками. Но соперничество в любви не может разрушить их дружбы. Тем временем визири Сулеймана по наущению Роксоланы сообщают ему, что любимый армией и народом, Мустафа готовится свергнуть отца. Разъяренный султан, после некоторых сомнений, отправляет сына на казнь. Узнав, что Мустафа погиб, Зангер, рассказывает Сулейману о предательстве визирей и невинности Мустафы, просит отца освободить венгерскую королеву и ее сына, а затем закалывает себя. Потрясенный Сулейман заставляет визирей под пытками выдать Роксолану. Султан выслушивает признание Роксоланы, прощает ее, но отправляет от себя навсегда.

Как мы видим, сюжет пьесы Оррери несколько отличается от предложенной Таппером схемы. Он гораздо более сложен и трагичен. Основные темы произведения – политический заговор против Мустафы и любовь Мустафы и Зангера к венгерской королеве.

Драматический интерес сосредоточен вокруг судьбы двух героев: Мустафы и венгерской королевы. В центре политического конфликта – борьба за престол Османской империи. Мир древних восточных традиций, в котором приход к власти путем кровавых преступлений считается нормой, представлен Сулейманом, Роксоланой и придворными визириями. Новый мир, в котором морально-нравственные законы являются высшим критерием в жизни каждого человека, в том числе и монарха, олицетворяют Мустафа, Зангер и венгерская королева Изабелла.

Заговор визирей направляет Роксолана. Умело играя на чувствах Сулеймана, они то разжигают, то гасят его подозрения. Постепенно советники и Роксолана склоняют султана к мысли об измене Мустафы и его казни. Драматург показывает коварство политических интриганов, их трусость и продажность. Визири действуют и против Мустафы, и против Роксоланы, и против друг друга, преследуя личные интересы.

Мустафу и Зангера с детства связывают узы дружбы. По древней традиции старший сын султана, заняв трон отца, должен казнить всех своих братьев, чтобы устранить соперников за власть. Братья отвергают древний обычай. Мустафа, наследник Сулеймана, поклялся, что если он когда-нибудь станет султаном, Зангер будет править империей вместе с ним. Зангер, в свою очередь, дал обещание умереть вместе с братом. Преданная дружба ценится молодыми людьми выше, чем императорская власть.

Sure, my dear Zanger, those who therefore
The envy'd Crown of this great Empire wore
Nere knew the charms which Friendship do
Or in a brother never had a Friend;
Since he who Friendships sacred power has
Rather than kill a friend, would lose a Throne
Your friendship at so just a rate I prize,
As I for that this Empire can despise. (Акт I)

Конфликт любви и чести или любви и добродетели, характерный для героического жанра, не представлен в пьесе так очевидно, как в произведениях Драйдена. Тем не менее тема любви двух братьев к венгерской королеве занимает значительное место в пьесе. Любовь является для Мустафы величайшей ценностью и властью. В беседе с Зангером Мустафа говорит о том, что любовь покоряет все сердца, и доводы разума перед ней бессильны.

If it be Love, and you against it strive,
Then greater strength you to your torment give
Love may all hearts under his Empire bring
Since to resist, and yield, is the same thing.
Ev'n Reasons power is useless against Love,
For when he enters, reason does remove;
And from your force of anger he is free,
Since none with what they love can angry be.
In vain you this unequal War abide,
When all your aids turn to your Conqu'roug. (Акт II)
[24]

Подобные возвышенные речи о любви, покоряющей сердце и рассудок человека, а также споры о любви и чести являлись обязательной составляющей героических пьес.

Мустафа и Зангер являются самыми лучшими главными героями в творчестве Оррери. Они оба демонстрируют высочайшие проявления доблести и верности, отвергают жестокие традиции предков и не принимают мысль о достижении императорской власти путем преступлений. Братья исповедуют нравственные идеалы и убеждения. Зангер предупреждает Мустафу о том, что его мать задумала избавиться от него и предлагает Мустафе скрыться. Но Мустафа предпочитает умереть с честью, чем бежать с позором. Сцена смерти Мустафы представляет собой кульминацию пьесы. Автор уделяет этому эпизоду большое внимание. Мустафу обманом увлекают в шатер султана, где он видит немых рабов отца и понимает, что участь его решена. Появляется султан, и Мустафа пытается говорить о своей невинности, но Сулейман непреклонен, он считает сына предателем. Тогда Мустафа просит разрешения умереть от рук собственных слуг, а не рабов отца. Султан соглашается, и Мустафа уходит на казнь. Дальнейшее зритель узнает из

рассказа Зармы, служанки Роксоланы. Она с плачем повествует о том, что слуги Мустафы сначала отказались убить своего господина, но затем один из них выполнил просьбу Мустафы, а затем заколол себя. Мустафу оплакивают не только его слуги, но и преданные ему войска, и Роксолана, и венгерская королева.

Мустафу при всей его доблести и благородстве нельзя назвать типичным героем героической пьесы. Наиболее ярким прообразом героев последующих героических пьес явился Монтесума в «Королеве индейцев» Хауэрда и Драйдена. Он способен преодолевать запреты и препятствия, пренебречь нравственным законом, рассчитывая на собственный ум, силы и волю. Мустафа – это идеальный монарх, который руководствуется в своей жизни прежде всего законами чести и верности.

Идеал героической любви и добродетели олицетворяет королева Изабелла. Она верна своему мужу и, несмотря на советы Роксоланы и своего советника принять предложение Мустафы или Зангера, в интересах государства и ради собственного счастья отказывается обоим братьям. Движимая желанием спасти своего сына и свой народ, она отвергает недостойные предложения, и ей удается сохранить свое достоинство и заслужить уважение и Сулеймана и Роксоланы.

Сулейман Великолепный и его жена не в первый раз являются перед зрителем периода реставрации. В 1656 г. У. Давенант поставил оперу «Осада Родоса», второстепенными персонажами которой были Сулейман и его ревнивая супруга [25]. В пьесе Оррери Сулейман и Роксолана одни из главных героев. Драматург представляет Сулеймана властителем могущественной империи, человеком умным, энергичным, волевым, жестоким. Дело его жизни – это его непобедимая армия, которую император создавал долгие годы. Мысль о том, что его солдаты, когда-то преданные ему, сейчас воздают почести его сыну, невыносима для султана. В ответ на слова визиря о том, что только страх заставляет людей подчиниться воле властителя, Сулейман утверждает, что это ошибочное мнение. Люди ненавидят тех, кого боятся, и идут за теми, кого любят. Истинный повелитель тот, кому люди служат, потому что любят его. Мустафа же отнял у него любовь армии.

This is in me and in my Subjects true:
For fearing Mustapha I hate him too.
And he, even in my Camp, my pow'r control
I ruling but their bodies, he their souls. (Акт IV)

Образ Роксоланы не столь однозначен, как у Давенанта. В пьесе Оррери Роксолана – волевая натура, охваченная желанием спасти сына. Императрица способна и на великодушные, благо-

родные поступки: она спасает сына королевы и пытается помочь ей самой. Роксолана преклоняется перед нравственной чистотой Мустафы. Она не знает о клятве братьев и уверена, что если Мустафа станет султаном, он расправится с Зангером. Ни Сулейман, ни Роксолана не являются абсолютно отрицательными героями. Сулейман действует под влиянием визирей и своей жены, а Роксоланой, движет желание спасти сына даже ценой преступления.

Основные герои трагедии – Мустафа, Сулейман, Роксолана, Зангер, королева – предстают как сильные, страстные личности, обладающие героическим характером. Каждый из них наделен большой силой духа. Им противопоставлены придворные: визири и советники, чьи интриги в конечном счете приводят к трагической развязке. А. Адан в своей статье «Театр Корнеля и Расина» отмечает следующее: «Начнем с того, что французская трагедия XVII в. – это трагедия героического действия. Приемлем мы это или нет – но это так. Она строжайшим образом изгоняет всякую лирику и всякого рода философские рассуждения. Герои трагедии – это люди, которые вольно или невольно вовлечены в действие. Им предстоит решить проблему героического действия. Они принимают решение и осуществляют его. Родриго должен сделать выбор между честью и любовью, Андромаха – между верностью памяти Гектора и жизнью своего ребенка» [26]. Как и персонажам пьес Корнеля, героям «Трагедии Мустафы» приходится сделать выбор: Мустафе – спасти свою жизнь или честь, королеве – спасти свою корону и город или спасти сына.

Успех пьесы у зрителя того времени определили не только сильные духом главные герои произведения, но и близость сюжета произведения к недавним историческим событиям страны.

Н. Магуаер находит в самом тексте пьесы много подтверждений тому, что данное произведение – это отражение и осознание исторических событий, перевернувших жизнь Англии в сороковые и пятидесятые годы: гражданские войны 1640–1642 гг., казнь Карла II, неопределенная позиция дворянства к гибели короля и протекторату Кромвеля, отношения Карла II и лорда-канцлера того времени Э. Кларендона. Исследовательница также полагает, что автор запечатлел в образе Мустафы казненного монарха Карла I. «Мужественная смерть Мустафы – это смерть мученика, – пишет Н. Магуаер, – и Оррери умышленно напоминает зрителям об их вине фразой о том, что тридцать тысяч всадников восстали, чтобы спасти Мустафу, но ни один англичанин не поднял руки, чтобы спасти Карла I» [27].

Дж. Хейден уверена, что Роксолана, представленная Оррери, воспринималась зрителями как

намек на влияние личной жизни Карла II на политику в стране, что делало пьесу также актуальной для публики. Более того, финалом пьесы, а именно, изгнанием Роксоланы Оррери указывает Карлу II на необходимость отказаться от советчиков в лице фавориток [28].

Темы «плохих советчиков» при дворе, узурпации трона, казни Карла I и реставрации Стюартов были затронуты во многих пьесах первого десятилетия драматургии Реставрации, но именно пьесе Оррери была уготована довольно долгая сценическая жизнь.

«Трагедия Мустафы» обладает всеми чертами, присущими жанру героической пьесы: она состоит из пяти актов, написана рифмованным стихом, насыщена возвышенными речами по поводу любви и чести, действие пьесы происходит на Востоке, ее героям приходится делать непростой нравственный выбор. Вместе с тем пьеса Оррери, благодаря острому политическому конфликту, актуальному для зрительской аудитории того времени и неоднозначности характеров героев, гораздо интереснее и богаче, чем та схема, которую предлагает Таппер. Английская героическая пьеса периода Реставрации формировалась как жанр на протяжении нескольких лет, следовательно, нельзя исключать многообразия сюжетов и характеров героической драмы как на начальном этапе ее развития, так и на последующем.

Примечания

1. Clark W. Lost Stage Directions in Orrery's Plays // Modern Language Notes. 1932. April. P. 240–243. URL: <http://Juster> 30.04.2013.
2. Nicoll A. A History of Restoration Drama 1660–1770. Cambridge: University press, 1928. P. 107.
3. Ibid. P. 106.
4. См.: Балакова А. В. Трагикомедия Роджера Бойла «Генерал» как первая пьеса героического жанра эпохи Реставрации // Вопросы романо-германской филологии. Вып. 7. Киров, 2011. С. 103–109.
5. См.: Балакова А. В. Политические мотивы в исторической пьесе Р. Бойла «Генрих V» // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: материалы международного конф., г. Киров, 18–19 апреля 2012 г. / отв. ред. В. Н. Оношко. Киров, 2012. С. 169–172.
6. Jefferson D. W. The significance of Dryden's heroic plays // Restoration Dramatists. Modern essays on criticism / ed. by J. Loftis. N. Y., 1966. P. 161.
7. Righter A. Heroic Tragedy // Restoration Theatre / ed. by Edward Arnold. Stradford upon Avon, 1965. P. 137.

8. Цит. по: *Bobn Wm. E. The Decline of the English Heroic Drama* // Modern Language Notes. 1909. Vol. 24. № 2. URL: <http://www.jstor.org> 77.72.141.174. (дата обращения: 30.04. 2013).

9. *Nelson Ch. Perception, Power, Plays, And Print: Charles II And The Restoration Theatre of Consensus: A Dissertation for the degree of Doctor o Philosophy.* URL: <http://www.etd.lsu/socs/available.etd> – 04262012-221519/unrestricted/NelsonDissertation CompletefullDraft. (дата обращения: 22.12.2012)

10. *Nicoll A. The British Drama XVII. N. Y.: Crowell, 1925. P. 225.*

11. Ibid. P. 225.

12. *Dryden J. Essays of John Dryden / ed. by W. P. Ker. Oxford, 1926. Vol. 1. P. 150.* См. также: *Решетов В. Г. История английской литературы: эпоха Возрождения – XVII век: учеб. пособие / Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. Рязань, 2006. С. 164–182.*

13. *Tupper J. W. The Relation of the Heroic Play of the Romances of Beaumont and Fletcher* // PMLA. 1905. Vol. 20. P. 588.

14. *Rymer T. The Critical Works of Thomas Rymer / ed. by Curt A. Zimansky. New Heaven, 1956. P. 223–224.*

15. *Clark W. S. The Definition of the «Heroic Play» In The Restoration Period R.E.S. 1932. № 32. Oct. Vol. 8. P. 444. Oxford University Press. URL: <http://www.Jstor.org/stable/508172>. (дата обращения: 30/04/2013)*

16. *Hume Robert D. Dryden's Criticism. L.: Cornell University Press // ITAAF, 1970. P. 199.*

17. *Maguire N. Regicide and Preparation: The Autobiographical Drama of Roger Boyle, Earl of Orrery* // English Literary Renaissance. 1991. № 2 (spring). P. 270.

18. Никол полагает, что сюжет произведения заимствован Оррери из пьесы Ж. Сюдери «L'Illustre Bassa». Указ. соч. С. 98.

19. *Tupper J. W. Op. cit. P. 599–600.*

20. *Hayden J. A. Roxolana in European Literature, History and Culture / ed. by Yermolenko G. I. eBook Academic Collection (Ebscohost). P. 75. URL: Ehis.ebscohost.com/ehost/ebookview.ebook. (дата обращения: 2.11.2013)*

21. *Nicoll A. Op. cit. P. 225–235.*

22. *Tupper J. W. Op. cit. P. 599–600.*

23. Ibid. P. 600.

24. *The Dramatic Works of Roger Boyle, Earl of Orrery / ed. by W. S. Clark, II. Cambridge, Mass: Harward University Press. 1937.*

25. См.: Балакова А. В. Новаторство У. Давенанта в пьесе «Осада Родоса» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2010. № 8. С. 7.

26. *Адан А. Театр Корнеля и Расина // Театр французского классицизма. Пьер Корнель. Жан Расин. М.: Худ. лит., 1970. С. 5.*

27. *Maguire N. Op. cit. P. 272.*

28. *Hayden J. A. Op. cit. P. 77.*

Д. А. Орлов, В. А. Безруков

**ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ САТИРЫ
И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА «YES, MINISTER!»)**

В статье рассматривается политическая сатира как один из уникальных жанров искусства, а также проблемы перевода, с ней связанные. Авторы делают обзор по дискуссионной проблеме переводческих трансформаций и подробно анализируют переводческие решения с использованием той или иной трансформации на примере британского телевизионного сериала «Да, господин министр!»

The article deals with the phenomenon of political satire as a unique type of art and also investigates the problems of translation and interpretation connected with it. The authors present a summary of the discussion upon the nature and types of transformations used in the translation and interpretation process and analyze the transformations used in the translation of the British TV series “Yes, Minister!”

Ключевые слова: политическая сатира, проблемы перевода, трансформация, типы трансформаций, сериал «Да, господин министр!».

Keywords: political satire, problems of translation and interpretation, transformation, types of transformations, TV series “Yes, Minister!”.

Сатира (лат. *satira*) – проявление комического в искусстве, представляющее собой обличение явлений при помощи различных комических приемов: сарказма, иронии, гиперболы, гротеска, аллегории, пародии. Сатирическими могут быть как целые произведения, так и отдельные образы, ситуации, эпизоды [1].

Изначально сатира – это литературный жанр, но она может проявляться в изобразительном и исполнительном искусстве. Хотя подразумевается, что сатирическое произведение должно быть смешным, целью автора и исполнителя не является главным образом юмористический эффект, в действительности сатира – это своего рода «нападение» на какое-либо явление. Осмеиваются те явления жизни, которые представляются автору порочными. Сатира использует различные приемы, но в отличие от, например, иронии и сарказма, которые нередко через комический эффект одобряют те или иные явления, сатира лишь атакует, являясь острым инструментом критики.

Неудивительно поэтому, что сатира используется как элемент политической борьбы, образуя особый жанр, который в англоязычных странах имеет долгую и богатую традицию – жанр политической сатиры. Одним из ярчайших представителей данного жанра в Великобритании в 80-е гг.

XX в. был телевизионный сериал “Yes, Minister!” и его продолжение “Yes, Prime-Minister!”.

В силу того что политика – явление универсальное и повсеместное, как, собственно, и бюрократия, сериал оказался близок не только британской аудитории, но и стал чрезвычайно популярен во всем мире. В одних странах он был показан с субтитрами, а в других для показа, помимо субтитров, было сделано и закадровое озвучивание. Это потребовало от переводчиков приложить большие усилия и затратить много времени на то, чтобы донести до конечного потребителя самую суть проблем, затронутых в сериале, не потерять при этом ни крохи смысла, сохранив оригинальный авторский стиль. Во время перевода им пришлось столкнуться с рядом трудностей, связанных с различными особенностями исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ). Кроме того, им приходилось ориентироваться и на то, что впоследствии их перевод ляжет в основу профессионального закадрового озвучивания, что лишь усложняло задачу, поскольку с переложением субтитров на звуковой ряд связан ряд проблем иного рода.

Как известно, при переводе текста с иностранного языка на родной крайне непросто сохранить оригинальную структуру предложения или передать идиомы, присущие ИЯ. Чаще всего, в угоду сохранению смысла, переводчику приходится жертвовать стилистическими особенностями оригинального произведения. Либо, наоборот, ради сохранения неповторимого авторского стиля, в случае с литературными или стихотворными произведениями, переводчик намеренно искажает смысл какого-нибудь фрагмента. В обоих случаях переводчик использует приемы, известные как переводческие трансформации.

Сам по себе термин «трансформация» метафоричен, поскольку он не подразумевает изменение самого объекта перевода, но замену в процессе перевода одной формы выражения на другую. Переводческая трансформация подразумевает сохранение смысла при изменении формы его выражения. В учебнике «Теория перевода» Н. К. Гарбовский отмечает, что «в процессе перевода не происходит никакого преобразования объекта, так как в строгом смысле слова любое преобразование влечет за собой уничтожение первичного состояния, формы объекта и т. п., их замену новыми состояниями, формами...» [2]. Рассуждая о природе трансформации в терминах «глубинного» и «поверхностного уровней» в речевой коммуникации, он отмечает, что сам текст представляет собой уровень поверхностный, который включает в себя определенную последовательность знаков конкретного языка и которая, в свою очередь, предполагает глубинный уровень как некую систему смыслов [3]. Разви-

вая данную мысль, он продолжает: «Переводчик через формы исходного текста проникает на глубинный уровень и строит собственный виртуальный объект, собственное представление о тексте как об определенной системе смыслов. Именно этот виртуальный объект, а вовсе не исходный текст, и подвергается преобразованию в переводе» [4].

В научном сообществе по сей день не существует общепринятой классификации переводческих трансформаций (ПТ). Так, например, один из классиков науки о переводе, Яков Иосифович Рецкер, выделяет лишь два типа ПТ:

- 1) грамматические,
- 2) лексические.

По мнению Я. И. Рецкера [5], грамматические трансформации заключаются в преобразовании структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами языка перевода. Трансформация может быть полной или частичной. Обычно, когда заменяются главные члены предложения, происходит полная трансформация, если же заменяются лишь второстепенные члены предложения, происходит частичная трансформация. Кроме замены членов предложения могут заменяться и части речи. В результате Я. И. Рецкер выделяет следующие подтипы грамматических трансформаций:

- а) изменение порядка слов,
- б) изменение структуры предложения (полное и частичное),
- в) замена частей речи и членов предложения,
- г) добавление слов,
- д) опущение слов.

Что же касается лексических трансформаций, то в книге «Теория перевода и переводческая практика» Яков Иосифович отмечает, что «хотя не всегда можно классифицировать каждый пример перевода из-за переплетения категорий, в общем можно выделить семь разновидностей лексических трансформаций:

- дифференциация значений;
- конкретизация значений;
- генерализация значений;
- смысловое развитие;
- антонимический перевод;
- целостное преобразование;
- компенсация потерь в процессе перевода» [6].

Схожей точки зрения придерживаются в своей классификации А. Б. Шевнин и Н. П. Серов [7]. Они также выделяют только грамматические и лексические ПТ, однако если в плане грамматических трансформаций их классификация аналогична классификации Я. И. Рецкера, то в плане лексических они совпадают лишь частично. Классификация Я. И. Рецкера шире и охватывает больше типов ПТ. Так, в классификации А. Б. Шевнина и Н. П. Серова не упоминается такой тип

ПТ, как дифференциация значений, а также не говорится о приеме целостного преобразования.

Одному из основоположников коммуникативного подхода к переводу Александру Давидовичу Швейцеру принадлежит идея делить трансформации на четыре группы, при этом в основу классификации им положены не собственно типы ПТ, но коммуникативные уровни. В результате на одном и том же уровне могут иметь место как грамматические, так и лексические трансформации (в понимании Я. И. Рецкера):

1. Трансформации на компонентном уровне семантической валентности

Данные ПТ подразумевают применение различного рода замен, например замена морфологических средств лексическими [8].

2. Трансформации на референциальном уровне

В данную группу ПТ входят следующие приемы: а) конкретизация (или гипонимическая трансформация), б) генерализация (гиперонимическая трансформация), в) замена реалий (интергипонимическая трансформация), г) метонимическая трансформация, д) реметафоризация (замена одной метафоры другой), и) деметафоризация (замена метафоры ее антиподом – неметафорой). Сюда же относится та или иная комбинация названных трансформаций и комплексные трансформации [9].

3. Трансформации на прагматическом уровне

Эти ПТ включают следующее: переводческие компенсации, замена аллюзий (реалий) на аналогичные, а также интерпретирующий, поясняющий перевод и переводческие компенсации [10].

4. Трансформации на стилистическом уровне

Сюда А. Д. Швейцер относит компрессию и расширение. Под компрессией подразумеваются эллипсис, семантическое стяжение, опущение избыточных элементов и лексическое свертывание [11].

Концепция другого видного деятеля в области науки о переводе, Вилена Наумовича Комиссарова, сводится к трем типам ПТ:

- 1) лексические,
- 2) грамматические,
- 3) комплексные.

Говоря о лексических трансформациях, он называет транскрибирование и транслитерацию, калькирование и лексико-семантические замены (конкретизацию, генерализацию, модуляцию). В качестве грамматических трансформаций выступают дословный перевод (или синтаксическое уподобление), грамматические замены (замены членов предложения, форм слова, частей речи) и членение предложения. Комплексные трансформации также можно именовать лексико-грамматическими. Сюда автор относит «экспликацию» или описательный перевод, антонимический перевод и компенсацию [12].

Похожей точки зрения придерживается и другой исследователь, Рюрик Константинович Миньяр-Белоручев. Его классификация переводческих трансформаций также выделяет три группы, которые включают в себя аналогичные приемы перевода [13]. Отличие заключается лишь в том, что третьим пунктом в его классификации идут не «комплексные», а «семантические» трансформации. Кроме того, в классификации Р. К. Миньяр-Белоручева отсутствуют такие переводческие приемы, как транслитерация и транскрибирование.

Анализ различных классификаций ПТ, а также материала исследования, в качестве которого выступили русское озвучивание сериала “Yes, Minister!”, выполненном по заказу телеканала РТР (в данный момент телеканал Россия 1), а также английский текст субтитров и скрипты серий данного сериала показал, что наиболее универсальной и практически ориентированной оказалась классификация Вилена Наумовича Комиссарова, которую мы применим для анализа и критики ПТ, использованных в переводе.

Лексические трансформации

Транскрибирование и транслитерация – это способы перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв ПЯ. При транскрипции воспроизводится звуковая форма иноязычного слова, а при транслитерации – его графическая форма (буквенный состав). Ведущим способом в современной переводческой практике является транскрипция с сохранением некоторых элементов транслитерации. Поскольку фонетические и графические системы языков значительно отличаются друг от друга, передача формы слова ИЯ на языке перевода всегда несколько условна и приближительна. Желательность применения транскрипции при передаче реалий обусловлена тем, что при удачном транскрибировании переводчик может добиться преодоления таких трудностей, как передача смыслового содержания и колорита.

Общеизвестно, что английский язык является источником пополнения терминологии, в том числе политической, для многих языков мира. Поскольку зачастую в конкретном языке не существует полного или даже частичного эквивалента данному слову или явлению, при переводе используются приемы транслитерирования и транскрибирования. Несмотря на все богатство русского языка, он нередко оказывается в аналогичной ситуации, и поэтому переводчики часто используют приемы транскрибирования или транслитерации, например (S01 E02):

Jim: No, it's brilliant : save the Queen from the pointless jorney, and there are three scottish by-elections coming soon, everyone of the marginal. We'll hold them straight after the visit.

Перевод

Джим: Нет, это блестяще: мы спасли королеву от бессмысленной поездки, а скоро в Шотландии пройдут три тура дополнительных выборов, все маргинальные. Мы проведем их после визита.

Из данной реплики можно понять, что эти выборы представляют интерес для Англии и что большая часть электората или избирателей – маргиналы. Согласно Краткому словарю-гlossарию по политологии, этот термин обозначает «совокупность людей, представителей тех или иных социальных групп или подгрупп, сознание, поведение и статус которых находятся на их стыке, в промежуточном положении и во многом определяются их длительным нежеланием или неумением по каким-либо причинам адаптироваться к одной из взаимодействующих социальных групп или культур» [14]. Иными словами, в данном контексте маргиналы – это группа избирателей, которые не примкнули к той или иной политической стороне и на которых можно оказать влияние. Этот социополитический термин был введен в русский язык путем транслитерации и уже успел в нем закрепиться.

Калькирование – это способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в ПЯ. Сущность калькирования заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания в ПЯ, копирующего структуру исходной лексической единицы.

Ярким примером применения данного приема может послужить следующий фрагмент диалога (S01 E01):

Sir Arnold: There's the Law of Inverse Relevance: the less you intend doing about something the more you have to keep talking about it.

Перевод

Сэр Арнольд: Есть Закон перевернутой важности: чем меньше вы хотите что-то сделать, тем больше надо об этом говорить.

Итак, как мы видим, Сэр Арнольд употребил в своей речи вымышленный термин: “Law of Inverse Relevance”. В политической терминологии такого термина не существует, он был придуман создателями сериала для придания ситуации большей иронии (серьезный термин – абсурдная расшифровка). В данном случае у переводчика не было иного выбора, кроме как использовать в переводе кальку, поскольку этот термин – авторский неологизм, не имеющий устоявшихся аналогов в русском языке.

Лексико-семантические замены – это способ перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц ПЯ, значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью определенного типа логических преобразований. Основными видами подобных замен являются конкретизация, генерализация и модуляция (смысловое развитие) значения исходной единицы.

Конкретизацией называется замена слова или словосочетания ИЯ с более широким предметно-логическим значением словом и словосочетанием ПЯ с более узким значением. В результате применения этой трансформации создаваемое соответствие и исходная лексическая единица оказываются в логических отношениях включения: единица ИЯ выражает родовое понятие, а единица ПЯ – входящее в нее видовое понятие (S01 E07):

Jim: Who else is in it?

Bernard: It's all in there, Minister: an employer and a trade unionist, as usual.

В этом фрагменте Джим и Бернард обсуждают состав участников предстоящего интервью на радио. Вот как это звучит в переводе:

Джим: Кто еще участвует?

Бернард: Все, министр, как обычно: наниматель и профсоюзный босс.

Говоря employer и trade unionist, Бернард действительно имел в виду крупного работодателя или нанимателя и генерального секретаря одного из профсоюзов, однако ни одно из сказанных им слов в буквальном смысле не обозначает какое-либо начальствующее лицо. В Большом англо-русском словаре первое слово переводится как «работодатель», «наниматель», «предприниматель» [15], а второе – «трейд-юнионист» или «член профсоюза» [16]. Из этого следует, что переводчик прибегнул к контекстуальному переводу и использовал прием конкретизации, обозначив члена профсоюза как «профсоюзного босса». К слову, назвав его «боссом», а не «главой», он сумел передать и сниженный стиль реплики. Таким образом, здесь этот прием позволяет переводчику дать адекватный и эквивалентный вариант перевода.

Генерализацией называется замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением, т. е. преобразование, обратное конкретизации. Создаваемое соответствие выражает родовое понятие, включающее исходное видовое. Существует множество стандартных примеров генерализации (типа

foot – нога), когда речь идет о частотности употребления той или иной лексической единицы и соответствии устоявшимся традициям. Однако в некоторых случаях употребление приема генерализации действительно влияет на передачу смысла исходного сообщения на ПЯ, например (S01 E07):

Bernard: But surely, you can't use the Official Secrets Act, not for something that everybody knows about.

Sir Humphrey: Bernard, the Official Secrets Act is not to protect secrets, it's to protect officials.

Перевод

Бернард: Но если это ни для кого не секрет, то закон «О государственной тайне» использовать нельзя.

Сэр Хамфри: Бернард, закон «О государственной тайне» охраняет не тайну, а государство.

В этом отрывке переводчик применил прием генерализации во второй фразе, переведя лексическую единицу officials как «государство». Решение спорное, однако не лишнее оснований. Очевидно, переводчик пытался сохранить каламбур, основанный на том, что в английском названии закона присутствует созвучное слову officials прилагательное official, подобрав в качестве эквивалента для officials лексическую единицу «государство», отсылающую нас к существующему в РФ закону «О государственной тайне». Однако часть смысла была все же утеряна. Сэр Хамфри – эгоист, и его заботят в первую очередь только личные интересы, а также интересы чиновников и собственного министерства, поскольку он еще и бюрократ. И в виду того что переводчик объединил всех чиновников одним словом «государство», намек на эти личностные качества сэра Хамфри был утрачен.

Модуляцией или смысловым развитием называется замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Также использование приема модуляции возможно при переводе английских слов или словосочетаний, несущих в себе идентичную смысловую нагрузку (S01 E05):

Sir Humphrey: Minister, I must ask you for a straight answer: on what day [...]?

Jim: In due cause, Humphrey, at the appropriate juncture, in the fullness of time, when the moment is right, when the necessary procedures have been completed, nothing precipitated, of course.

Перевод

Сэр Хамфри: Министр, я прошу прямого ответа, когда [...]?

Джим: В свое время, Хамфри, в положенный срок, в обозримом будущем, в подходящий момент, по окончании необходимых процедур – никакой спешки, разумеется.

Здесь мы видим, как министр начинает использовать словесный арсенал сэра Хамфри против него же самого. Переводчик прибегнул к модуляции во фрагменте «at the appropriate juncture, in the fullness of time, when the moment is right». Все эти словосочетания имеют идентичное значение – «в соответствующий/нужный момент». Однако если первое словосочетание можно перевести как «на соответствующем этапе», то второе полностью совпадает с переводом начального «Induecause» или же следующего за ним «when the moment is right». Именно поэтому переводчик во избежание тавтологии и в то же время стараясь придерживаться временных рамок при озвучивании, дал каждому из них максимально сжатый перевод. И хотя в случае с «in the fullness of time» смысл словосочетания был несколько искажен (в нем не говорится об обозримом будущем, речь идет о соответствующем моменте, который, однако, наступит неизвестно когда), это никак не отразилось на передаче основной идеи, которую заключает в себе данный фрагмент.

Грамматические трансформации

Грамматические трансформации включают в себя три основных приема: синтаксическое уподобление (дословный перевод), членение и объединение предложений и грамматические замены.

Синтаксическое уподобление – это способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру ПЯ. Этот прием также называют дословным переводом. Этот тип «нулевой» трансформации применяется в тех случаях, когда в ИЯ и ПЯ существуют параллельные синтаксические структуры. Синтаксическое уподобление может приводить к полному соответствию количества языковых единиц и порядка их расположения в оригинале и переводе. Как правило, однако, применение данного приема все же сопровождается некоторыми изменениями структурных компонентов. При переводе с английского языка на русский, например, могут опускаться артикли, глаголы-связки, иные служебные элементы, а также происходят изменения морфологических форм и некоторых лексических единиц.

К сожалению, найти примеров данной трансформации в выбранном нами материале не удалось. Переводчик продемонстрировал высокое умение сохранить дух оригинального произведения и авторский стиль, используя адекватные варианты перевода, присущие ПЯ, не прибегая вместе с тем к дословному копированию авторского текста.

Членение предложений – это способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры ПЯ. Трансформация членения приводит либо к преобразованию простого предложения ИЯ в сложное предложение ПЯ, либо к преобразованию простого или сложного предложения ИЯ в два или более самостоятельных предложения в ПЯ. *Объединение предложений* – это способ перевода, при котором синтаксическая структура в оригинале преобразуется путем соединения двух простых предложений в одно сложное, то есть эта трансформация прямо противоположна предыдущей, например (S01 E04):

Bob: Well, Minister, could we have the answer?

Jim: Well yes, of course, I was just about to give it to you, if I may. Yes, as I said, I'm glad you asked me that question because it's a question that a lot of people are asking, and, because a lot of people want to know the answer to it [...].

Перевод

Боб: Итак, Министр, мы можем получить ответ?

Джим: Да, конечно, я собирался ответить, если можно. Да, как я уже сказал, я рад, что вы мне задали этот вопрос, потому что этот вопрос задают многие. Почему? Потому что многие хотят знать ответ.

В этом фрагменте телевизионного интервью мы видим, как Джим Хакер делает первые шаги на поприще профессионального лгуна. Он старательно уходит от ответа на щекотливый вопрос и в своей речи использует свойственный для английской речи прием, стараясь вмести в рамки одного предложения максимальное количество информации (в данном случае не имеющей никакого значения) путем усложнения его структуры. Действительно, перед нами сложное предложение, включающее в себя вводные конструкции, несколько простых предложений и одно придаточное. Для разговорного русского языка, да и для стиля русской прессы в целом такая структура предложения нетрадиционна, поэтому переводчик решил разбить оригинальное предложение на несколько частей. Связкой между двумя основными предложениями в переводе служит вопрос «Почему?», позволяющий выявить причинно-следственную связь между ними. Такой вариант позволил не только вписаться во временные рамки при озвучивании, но еще и совпасть в некоторой степени с мимикой и ритмом речи говорившего. На наш взгляд, это вполне адекватный вариант, поскольку он никак не сказался на передаче смысла высказывания.

Грамматические замены – это способ перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу ПЯ с иным грамматическим значением. Замене может подвергаться грамматическая единица ИЯ любого уровня: словоформа, часть речи, член предложения, предложение определенного типа. Очевидно, что при переводе всегда происходит замена форм ИЯ на формы ПЯ. Грамматическая замена как особый способ перевода подразумевает не просто употребление в переводе форм ПЯ, а отказ от использования форм ИЯ, аналогичных исходным, замену таких форм на иные, отличающиеся от них по выражаемому содержанию (грамматическому значению).

К разряду грамматических трансформаций относится также и замена частей речи, которая приводит к изменению синтаксической структуры предложения. Для англо-русских переводов наиболее характерны замены существительного глаголом и прилагательного существительным. Примером грамматической трансформации может служить следующий отрывок (S02 E01):

TV Spokesman: All workers in National Health Service hospitals in London area have gone at strike on Friday midnight. The riot commenced at St. Edward's hospital in London over the proposed laying off of 170 administrative workers.

Перевод

Диктор: Абсолютно все работники, занятые в лондонском здравоохранении, начинают забастовку с полуночи четверга. Все началось с больницы Св. Эдуарда, которой было предложено уволить 170 человек хозработников.

В переводе приведенного выше отрывка теленовостей присутствует целый ряд различных переводческих трансформаций разных типов. Однако нас интересует, прежде всего, прием грамматической замены, к которому прибегнул переводчик во втором предложении. Оригинальное английское предложение относится к типу простых. Причина, по которой началась забастовка, – proposed laying off of 170 administrative workers. Дословно это звучало бы как «[по причине] предложения уволить 170 хозработников». В данном случае переводчик воспользовался приемом грамматической замены, чтобы перевод больше соответствовал грамматическим нормам в ПЯ. В связи с этим изменилась вся структура предложения. Из простого оно превратилось в сложно-подчиненное предложение с определительным придаточным.

Комплексные трансформации

Экспликация или же *описательный перевод* – это лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т. е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на ПЯ. С помощью экспликации можно передать значение любой безэквивалентной лексической единицы в оригинале. Однако он обладает одним существенным недостатком – это громоздкость и многословность. Поэтому чаще всего он применяется в тех случаях, когда можно обойтись сравнительно кратким объяснением, например (S01 E07):

Bernard: I'm sure if Sir Humphrey advises something, Minister, then, whatever he does advise is advisable.

Перевод

Бернард: Думаю, Сэр Хамфри что-то советует, а все его советы достойны того, чтобы их советовать.

Согласно словарю «advisable» переводится как «разумный», «целесообразный», «рекомендуемый» [17]. Однако в данном случае ни одно из этих определений не подходит, поскольку в приведенной выше реплике герой сомневается, пытается скрыть важную информацию, и уходит от ответа. Поэтому его речь выглядит путанной и сумбурной. И для того чтобы передать эту сумбурность, переводчик воспользовался приемом экспликации, переведя это слово – «достойны того, чтобы их [советы] советовать». Однако в переводе был утрачен момент условности, поскольку переводчик опустил союз «if» – «если». В результате получилось не условие, а предположение, то есть наблюдается искажение смысла. Мы предлагаем следующий вариант перевода этой реплики:

Бернард: Я уверен, что бы Сэр Хамфри ни посоветовал, любой его совет достоин того, чтобы его советовать.

Мы были вынуждены прибегнуть к грамматической замене, дабы избежать использования громоздких конструкций. Тем не менее нам удалось сохранить сему условности, а также воспользоваться аналогичным приемом, который был применен в анализируемом переводе.

Антонимический перевод – это лексико-грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную сопровождается заменой лексической единицы ИЯ на единицу ПЯ с противоположным значением (S02 E01):

Jim: And how many medical staff?

Bernard: None of them

Jim: None?

Bernard: No.

Перевод

Джим: А сколько там медицинских работников?

Бернард: Ни одного.

Джим: Ни одного?

Бернард: Да.

В данном фрагменте диалога переводчик прибегнул к антонимическому переводу, переведя отрицание No, как «Да». Согласно правилам английского языка, на вопрос, содержащий в себе отрицание, в случае согласия с предметом вопроса, следует также отвечать отрицанием. В этом плане русский язык предоставляет большую свободу, позволяя ответить на аналогичный по содержанию вопрос как утвердительно, так и отрицательно. Тем не менее в данной ситуации переводчик принял решение для обозначения утверждения использовать в переводе частицу «да». На наш взгляд, это решение нельзя назвать однозначным, поскольку Бернард сопровождает «по» в своей реплике отрицательным покачиванием головы, что идет вразрез с представленным в переводе вариантом.

Компенсация – это способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале. Таким образом, восполняется («компенсируется») утраченный смысл, и, в целом, содержание оригинала воспроизводится с большей полнотой. При этом нередко грамматические средства оригинала заменяются лексическими, и наоборот (S01 E07):

Driver: I mean when somethin's fishy, it's just fishy, isn't it? You don't know which particular bit the smell's coming from.

Перевод

Шофер: Я хотел сказать, что рыба гниет с головы. А где эта голова и откуда идет вонь – трудно сказать.

В данном отрывке шофер правительственной транспортной службы рассуждает о причинах провала одного из строительных проектов. В своей речи он употребляет широко распространенную идиому «fishy (business)», обозначающую «мутное», запутанное, грязное дело [18]. Переводчик в данном случае решил сохранить британскую идиому, переведя ее русской, в которой также говорится о «рыбе» («Рыба гниет с головы»). Та-

ким образом, он попытался компенсировать смысл оригинального высказывания, однако это привело к тому, что ему пришлось сочинять перевод следующего предложения на основе этой половицы, который противоречит ей самой. Ведь когда мы говорим, что рыба гниет с головы, то мы имеем в виду руководящие органы. В данном случае получилось, что голова, от которой и пошла вся беда, находится неизвестно где, то есть нивелируется смысл половицы на русском. В то же время у слова «fishy» есть словарное определение, «подозрительный», «сомнительный», «неправдоподобный» [18]. Перевод с помощью данных лексем невозможен, поскольку в ответ на эту реплику министр задал вопрос «Fishy?», пытаясь понять, о чем говорил шофер и требуя более подробного разъяснения. Таким образом, помимо основного смысла, в переводе необходимо передать еще и элемент некоторой запутанности, неожиданности, присутствовавший для Министра в реплике шофера. Поэтому мы готовы предложить свой вариант перевода этой фразы:

Шофер: Я говорю, что если дело нечисто, то оно с душком. А откуда именно этот душок – сказать трудно.

В переводе мы решили отойти от «рыбной темы», но не полностью. Существует русское выражение «дело с душком», передающее смысл английского «fishy». Однако мы решили в начале заменить его на близкий по смыслу эквивалент «дело нечисто», чтобы передать в переводе попытку водителя объяснить суть вопроса. В то же время слово «душок» прекрасно вписывается в оба предложения, не вступая в противоречие с предыдущей частью, в отличие от анализируемого варианта перевода.

Проведя исследование и осуществив количественные подсчеты, мы пришли к следующим выводам:

- Основными средствами создания комического эффекта в рамках данного жанра можно считать *сарказм, иронию, пародию, гиперболу, гротеск и аллегорию*. Нам не удалось найти примеров применения пародии, однако это не означает, что она отсутствует в других произведениях. Также нет однозначного подтверждения применению аллегории, поскольку, хотя серии зачастую и основаны на реальных событиях, лишь узкий круг осведомленных лиц сможет распознать их в сериале.

- Среди многообразия классификаций переводческих трансформаций не существует общепринятой и универсальной. Выбор классификации зависит от материала исследования и его задач.

- Перевод сатирического произведения невозможен без применения переводческих трансформаций.

• Частотность применения приемов конкретизации и генерализации при переводе телесериала примерно одинаковая.

• Наиболее часто встречающаяся грамматическая трансформация при переводе телесериала – грамматическая замена.

• Наиболее часто встречающийся прием среди комплексных трансформаций – описательный перевод.

• При использовании приема компенсации следует соблюдать особую осторожность, поскольку в случае двойкой трактовки или несоответствия значения перевода с оригинальным текстом можно очень сильно исказить смысл не только одной фразы, но и всего высказывания.

Подводя итог, можно заключить, что перевод произведений, принадлежащих к жанру политической сатиры, требует от переводчика как навыков литературного перевода, так и знания политической терминологии и современных реалий. Помимо социокультурных аспектов перевода переводчику, работающему над переводом видеоряда, необходимо учитывать также технические аспекты, связанные с объемом субтитров, мимикой актеров и временем произнесения реплики.

Примечания

1. Политическая сатира. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1100039>.
2. Гирбовский Н. К. Теория перевода: учеб. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 362.
3. Там же. С. 363.
4. Там же.
5. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / дополнения и коммент. Д. И. Ермоловича. М.: Р. Валент, 2007. С. 84.
6. Там же. С. 45.
7. Серов Н. В., Шевнин А. Б. Теория и практика перевода: пособие для студ. филол. фак. ун-тов и фак. иностр. яз. пед. ин-тов. Элиста: КГУ, 1979. С. 125.
8. Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. С. 118.
9. Там же. С. 123.
10. Там же. С. 145.
11. Там же. С. 183.
12. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. С. 172.
13. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Моск. лицей, 1996. С. 208.
14. Болдонов А., Башинова Г., Тармаханов Е.. Краткий словарь-гlossарий по политологии. URL: <http://politike.ru/dictionary/437/word/marginaly>.
15. Большой англо-русский словарь / авт.-сост. В. К. Мюллер, А. Б. Шевнин, М. Ю. Бродский. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. С. 246.
16. Там же. С. 719.
17. Там же. С. 26.
18. Там же. С. 245.

УДК 811.161.1+811.162.3

Йиржи Коростенски

КОНЦЕПТ 'КОНТЕЙНЕРА' В РУССКО-ЧЕШСКОМ СОПОСТАВЛЕНИИ

Проблематика концепта и концептуализации относится в современной когнитивной лингвистике к основным вопросам. Концепт 'контейнера' считают одним из суперконцептов, влияющих не только на языковые рефлексии, но и на процессы мышления и умозаключения. Тем не менее дело касается топологического концепта, и в его выделении существуют среди лингвистов значительные разногласия.

Семантический подход М. Рахилиной (Рахилина, 2010) в определении довольно строго придерживается языковой квантификации концепта 'контейнера' в русском. Целью нашей статьи было в основном сравнение понятий концепта 'контейнера' в русском и чешском языках на сопоставительном материале. На основе анализа можно заключить, что отклонения в концептуализационных стратегиях русского и чешского языков возникают на почве самых разных влияний, причем языковое является одним из многих.

The question of concept and conceptualization belong to the basic questions in current cognitive linguistics. The "container" concept is considered to be one of the superconcepts which affect not only utterances, but also the way of thinking and considering. However, it is a topological concept and there are lots of different linguistic attitudes to delimitate it.

M. Rachilina's semantic concept prefers an exact linguistic quantification of the "container" concept in Russian. The goal of our article is to compare the "container" concept in Russian and Czech based on the material being compared. The analysis of the presented linguistic material results in finding that the differences in conceptualization strategies in Russian and Czech come from miscellaneous reasons in which the effect of the language is just one of them.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, когнитивная лингвистика, стратегия концептуализации, русский, чешский языки.

Keywords: concept, conceptualization, cognitive linguistics, conceptualization strategies, Russian, Czech.

1. Введение

Уже несколько лет длится в чешской лингвистике обсуждение нового направления когнитивной лингвистики, ее позиций по сравнению с предыдущим этапом структурализма, который в чешской лингвистике господствовал уже с 20-х гг. прошлого века и в чешской лингвистической мысли явно превалировал до недавнего времени. Его исключительное положение нельзя связывать исключительно со всемирной известностью основоположников Пражского лингвистического кружка, к которым принадлежали не только Н. С. Трубецкой как основоположник фонологии, но и Р. Якобсон, С. Карцевский, Й. Мукаржовский, В. Метезиус, Б. Трнка, Б. Гавранек,

формулируя в то время очень современные идеи по развитию языка. По сравнению с остальными направлениями структурализма «пражане» обращали также внимание на функциональную сторону языковой системы. Именно этот подход позволил чешской структуралистической школе намного гибче реагировать на изменения в общей парадигме науки во второй половине XX в. Поэтому переход к когнитивной лингвистике в Чехии, по сравнению с русской, польской или американской лингвистической наукой, происходил намного медленнее, и даже сегодня работы по когнитивной лингвистике в Чехии скорее исключение, чем правило.

2. Как понимают концепт и языковой образ мира?

Оба понятия принадлежат к ключевым понятиям когнитивной лингвистики. Они составляют стержень, ведущее направление в российской лингвистике, и изучаются углубленным образом. Популярность когнитивной лингвистики в российской лингвистике, несомненно, связана с богатой традицией культурологических исследований русского, советского языкознания.

В чем же заключается суть? Общепринятыми являются в настоящее время следующие постулаты: концепты считают продуктами мышления. Отдельные концепты немного структурированы, но отличаются своей оперативностью. Тем не менее в случае концепта нельзя говорить об абстрактном конструкте, но о конкретной модели, которая обладает довольно четкой системой категоризаций и структуриаций отдельных понятий. В когнитивном понимании не определяются отдельные категории точно установленными и однородными элементами, дело касается так называемого прототипа, в понимании психолога Э. Рош [1], в трактовке которого размежевание между концептами считается неострым, неопределенным, причем модель концепта можно очень хорошо представить в виде осцилляции между полярными величинами центра и периферии. Доминантами концепта потом считают «лучшего» прототипического представителя конкретных категорий (*V případě ptáku považujeme za prototypického ptáka vrabce, nikoli slepici nebo pštrosa*). Если мы рассмотрим прототип птицы воробья, а не курицы или страуса, или их можно рассматривать как топологический тип в понимании Талми, в котором все объекты принято классифицировать представителями лишь нескольких эталонов, как, например, «поверхности», «емкости», «веревки», «стержни» и т. д. Топологический тип, в нашем понимании, находится на самом конце процесса метафорической концептуализации, в ходе которой первым «про-

водит» абстракцию и обобщение обыденного физического опыта с предметами конкретных форм и функционального назначения.

Концепты, по нашему пониманию, создают основу понятийной системы, что в когнитивном языковом подходе передается с помощью *языковой картины мира*. Такая модель не признается всеми. В польской социально-психологической традиции способность категоризации приписывается всей системе языковой картины мира, а не отдельным концептам, причем подчеркивается коллективный опыт всех носителей языка и культуры [2].

Подобным подходом отличается и современная чешская когнитивная лингвистика, в которой языковая картина мира становится своеобразным «фильтром» не только для мышления, но и языка и речевой продукции. Процесс концептуализации так проявляется прежде всего в метафорической концептуализации, цепь развития которой направлена от источника к своей цели [3].

Немного другой подход типичен для русской/советской лингвистики, в которой основной единицей считают концепт как таковой, причем совокупность концептов формирует языковую картину мира. В ее рамках развивается идея о нелинейных и синергических установках человеческого мышления на фоне двух языковых и смысловых категорий «слова» и «концепта». Энергия, умноженная взаимодействием субъекта с культурной средой, распределяется между языком и концептом, но на окончательном этапе происходит ее повторное сложение в «синергический поток». Языковой реализацией концепта в сознании человека считают смысловое наполнение языковых знаков, например номинативных единиц как слов или фразеологизмов. Совокупность языковых реализаций, таким образом, создает основные центры мышления в языковой картине мира. Концепты, «номинально» тождественные с понятиями и словами, образуют составную часть не только человеческого мышления, но и психики [4].

В нашем понимании когнитивного подхода к языку мы придерживались вышеназванной трактовки. Дело в том, что некоторые ученые, как, например Е. В. Рахилина [5], склонны считать, что концепты как самостоятельные сущности, влияющие на человеческое мышление и речевую продукцию, не существуют. Наоборот, они вторично формируются под влиянием семантики соответствующих понятий и слов. Поэтому ниже приведем обзор взглядов по вопросам возникновения и функционирования концепта «контейнера», которое в современном русском языкознании отличается от основного направления.

3. Определение концепта 'контейнера' в понимании Рахилиной

В настоящее время в когнитивной лингвистике существует направление, в котором преобладает мнение, что топологических концептов, как «стержень», пространство» или «контейнер», по сути дела нет. Их нельзя независимо от языка выделить и описать, и они не могут выступать в роли самостоятельного «регулятора» мыслительных процессов. Анализируя подробно русские существительные, считавшиеся языковым воплощением концепта «контейнера», Е. В. Рахилина [6] отдает предпочтение сугубо языковому подходу, опуская традиционные прагматические и функциональные аспекты, как, например, Е. С. Кубрякова [7]. Подходя к исследованию проблемы, Е. В. Рахилина отобрала языковые конструкции, стандартно употреблявшиеся в сфере концепта «контейнер», и решила определить не только топологическую схему, а также его визуальный образ с топологией объекта «контейнера». Исследуются атрибутивные словосочетания соответствующих существительных *глубокий* (*глубокое ведро*), локативные конструкции в статическом и динамическом аспектах с предлогом *в* (*в ведро/в ведре*), комитативные конструкции *с* (*ведро с водой*) и генитивные конструкции меры (*ведро воды*).

Атрибутивные конструкции с *глубокий* на основе своей сочетаемости с конкретным существительным определяют одну из характеристик «контейнера», которой является «дупло». Прилагательное сочетается почти исключительно с названиями емкостей (река, коробка, посуда), но исключения составляют мягкие емкости, напр. *pytel*, *taška* и т. п. Помимо этого с прилагательным сочетаются еще «слои» (*песок, ил, вода* и пр.) или «объекты» / «предметы», уложенные на глубине, напр. *корни, дупла*, но не *рыбы*, и т. п. Прилагательное *глубокий* Е. В. Рахилина считает доминантным семантическим показателем для «контейнера», так как с его помощью определяют глубину *колодца, ямы, пруда* и т. д. Несмотря на тесную связь прилагательного с характерными чертами «контейнера», Е. В. Рахилина не считает возможными сочетания с *глубокий* достаточно эффективным средством выделения «контейнера» как концепта, так как она учитывает ограничения в виде «мягких емкостей» и на «глубине уложенных объектов/предметов» [8]. Следующим конструктивным элементом, определяющим понятие «контейнера», служит предлог в двух функциях: «локативной» (статической) и «направленной» (динамической). В данном случае важен элемент функционального использования топологического объекта, «пространства». Если он употребляется «не по назначению», перемена в «контейнер», как правило, не осуществится. Значит «пространства» – карта, фотография и др. – со-

здают с предлогом *в* сочетание метафорического содержания: *дефект в карте/картине, вставить в книгу/картину*. Семантика обоих значений предлога *в* выражает внутренний объем «дупла», но сами понятия «дупло» и «контейнер» отличаются друг от друга ограничением сочетаемости прилагательного *hluboký/глубокий* с мягкими «емкостями» [9]. Метонимические переносы «пространств» на части, закрывающие «контейнер», например, *стучать в окно, в дверь, в стенку*, но не *в компьютер*, который функционально не выполняет роли «закрывающей части» «контейнера».

Дополнительным семантическим показателем, согласно Рахилиной, являются еще две грамматические конструкции, а именно, творительный падеж предлога *с* и беспредложный родительный падеж. Примером может быть словосочетание *солдат с автоматом (на груди)*, в котором без уточнения определяется помещение в руках [10]. Комитативные словосочетания с предлогом *с* выражают присутствие содержания в содержимом: *ваза с цветами, кастрюля с супом*. Они естественны, в то время как в словосочетании *ваза с водой* необходимо использовать специальный контекст, восполняющий содержимое вазы и создающий среду с «более естественным содержанием» в русском понимании. Такие «функциональные изменения» можно наблюдать и в других областях, например «газета с речью Л. И. Брежнева», «В руках у одного – бумажная лента с отпечатанными столбиками цифр» и «бутерброды с икрой/ветчиной/балыком». Но в других словосочетаниях, как, например, «положили на бутерброды для красоты петрушку» – «получились бутерброды с рыбой и петрушкой», это понятие исчезает [11].

4. Сопоставление русско-чешских концептуализационных стратегий

Во многом процессы формирования концептов в психике обязаны повседневному человеческому труду, способности человека к обобщениям и коллективной памяти. Сильное территориальное чувство и антропоцентризм человека являются тоже одной из причин, почему одно и то же понятие концептуализируется большим количеством концептов, хотя на языковом уровне формально представлено одним и тем же выражением. В нашей статье анализируем вопросы, связанные с концептом «контейнера» и его ядром.

Концепт понимается по-разному, в научной литературе можно встретить много разных определений. Для Е. С. Кубряковой [12] концепт не только «сгустки человеческой памяти и ментального лексикона», а также результат «языка мышления» и основа всей концептуальной системы. Существенной его чертой является «оперативность». Концепт всегда заново «активизи-

руется» для каждой новой ситуации. Он, с одной стороны, изменяется, с другой – обеспечивает языковую и культурно-историческую преемственность.

С учетом сказанного можно с определенной натяжкой утверждать, что вся концептуальная система является рычагом ускорения не только процессов выделения дискретных единиц из непрерывной массы понятий, «протекающих» в нашей системе мышления. Предполагается, что в дифференцированном понимании концепта «контейнера» выделяется «ядро» и «периферия». Ядром концепта считаем такое понятие или совокупность понятий, предоставляющих определенную возможность типологической абстракции, развивающейся цепью, под мнимый конец которой конкретное явление распространяет свое «осмысление» и на другие, которые с первоначальным человеческим опытом не имеют прямого соотношения. В прототипическое ядро концепта поэтому включены емкости, наделенные свойствами реальных сосудов, которые нам известны из повседневной жизни. Речь идет о реальном отграничении в виде *дна*, *стен* или *крышки*. Служат для хранения самых разных жидкостей, но и других сыпучих веществ или газов. Их перечень можно представить следующим списком: *oceán – океан, moře – море, jezero – озеро, rybník – пруд, řeka – река, přehrada – плотина, potok – ручей, jáma – яма, příkop – канава, propast – пропасть, tůň – омут*, продолжая искусственными емкостями, как, например, *vany – ванны, sudy – бочки, bazény – бассейны*, кончая кухонной посудой, как, например, *jako hrnce a hrnečky – кастрюли, горшки, кружки, vázy – вазы, lábve – бутылки, talíře – тарелки, sklenice – стаканы, velké sklenice a plechovky – банки, misky – миски* и т. д.

Прототипические емкости наделены фиксированной канонической ориентацией вертикально-горизонтальной и вместе с другими характеристиками, как, например, норма, составляют совокупность прототипических черт, отличающих их от других объектов, которые также подвергаются концептуализации типа «контейнер-емкость», тем не менее обладают из указанных только некоторыми. На основе этого происходит их общее положение в системе концептуализации типа «контейнер-емкость».

Иерархически упорядоченная система характеристик концепта создается долговременно, и в ней можно выделить ядро и периферию. Между ними осуществляется постоянное движение в обоих направлениях. Культурно-исторический опыт и его постоянные «корректировки» не только «прикрепляют», но и «передвигают» характеристики по оси центр – периферия.

Как уже было сказано выше, прототипические контейнеры обладают своими характеристи-

ками, которые их включают в центральные «емкости». Например, каноническая ориентация [13] как составная часть системы концептуализации регистрирует отклонения от вертикально-горизонтальной ориентации и фокусирует в соответствующем языковом выражении. Чаще всего приводят классический пример со снятой шляпой, доньшком вниз, – как классической емкости, – и ее обозначают определением *глубокая*, в обратном случае она доньшком вверх – и обозначаем ее как *высокая* [14]. Указанные емкости служат хранилищами воды и располагают всеми прототипическими признаками указанного концепта. Также языковое выражение отображает названную действительность и выражает разные характеристики прототипа: *dno – дно, zdi – стены, obsah nádoby – содержание вместиллица*. Похожими закономерностями наделены и другие характеристики, которыми можно считать не только «расстояние от уровня жидкости до дна», но и расстояние другого объекта в мыслимом центре жидкости в емкости и другие характеристики ориентации. Емкости являются не только надежной опорой для установления положения объектов, находящихся внутри, но и могут характеризовать их объем и положение наблюдателя: *bluboká – глубокая x mglká – мелкая река; v řece – в реке; za řekou – за рекой; řeka se vylila z břehů – река вышла из берегов; pokryla se ledem – покрылась льдом; jezero je široké – озеро широкое, úzké – узкое; plocha – площадь; dno jezera – дно озера; mořská hladina – гладь моря; pohled na moře – вид на море; hloubka moře – глубина моря; délka moře – длина; šířka moře – ширина моря* и т. п.

Две последних употребления требуют специфического контекста, и можно их применить, рассматривая карту. В естественной ситуации, именно в том случае, когда мы не знаем конкретную линию морского побережья, такое употребление является маловероятным. Прототипическая «емкость» допускает вариативность своих размеров, если они «заранее» не заданы языковой картиной мира. В таком случае можно даже говорить о «нормативной» емкости, в которой нельзя произвольным образом менять ни внешнюю, ни внутреннюю структуру, хотя нормативные ограничения могут распространяться только на часть этих размеров. Например, в словах *лука* и *болото*, которые концептуализируются как «емкость» (*Он упал в лужу; человек утонул в болоте*), глубина как размер не выделяется. Вряд ли образуем словосочетания *глубокая/мелкая лужа, мелкое болото*, хотя *глубокое болото* и *bezodná bažina* существуют. Эти языковые рефлексии свидетельствуют с большой долей вероятности о том, что в чешском, в отличие от русского, не считают воду «типичной» жид-

костью для болота. В таком случае можно рассуждать и экспериментально проверять, касается ли дело воды, торфа, грязи и т. п. и в каких условиях и соотношениях. Данные типы ‚емкостей‘ хотя и считаем хранилищами воды, тем не менее в них нельзя однозначно и при любых обстоятельствах выделить все характеристики ориентации, типичные для прототипической емкости. Считаем, что именно постепенная «утрата» характеристик размера является первой предпосылкой для возникновения метафоризации в концептосфере ‚контейнера-емкости‘.

Похожей позицией в языковой картине мира обладают и другие понятия, визуально и функционально не имеющие твердо установленной границы. Сюда можно включить понятия типа *vír/водоворот*, *proud/течение*, *tůň /омут* арод. По типу туда войдут и объекты с точно установленными границами, тем не менее их позиция в структуре концепта ‚контейнера-емкости‘ ставит их в равное положение с примерами предыдущего типа. Именно оценка основных характеристик концепта ‚емкость‘ как ‚глубина‘ и фактически невозможность ее выделения передвигает указанные типы за рамки ядра прототипического концепта. Речь идет прежде всего о классической кухонной посуде или о сосудах, применяемых в тех целях, но в другой сфере, например в промышленности, здравоохранении, услугах и т. д.: *sklenice – стакан*, *hrnec – кастрюля*, *gorшок*, *řánek – сковорода*, *lžíce – ложка*, *lžička – ложечка*, *nabřáčka – разливательная ложка*, *zkutavka – пробирка*, *kádinka – стакан*, *nabřák – черпак*, *koreček – ковш*, *kadlub – изложница*. Туда войдут и другие объекты, у которых нельзя глубину варьировать. В определенных случаях можно применить словосочетание *hluboké – глубокие*, *mlčké – мелкие*. Нормально употребляется словосочетание *hluboké – глубокие* и *mlčké – мелкие* *talíře – тарелки* и *misky – миски*. Тем не менее указанная характеристика скорее постулирует типовое обозначение, чем вариативность данного размера.

Следует отметить, что в концептуализационную сферу ‚контейнера-емкости‘ в обоих языках входят также разные объекты и их понятия, не составляющие ядро данного концепта. Характеризуя эти объекты с топологической точки зрения, можно употреблять обозначения ‚плоскости‘ или ‚пространства‘, напр. *na břišti – на спортивной площадке*; *na túting – на поляне*; *na stole stojí váza – на столе стоит ваза*; *jít do ringu – выйти на ринг*; *v aréng bojují gladiátoři – на арене сражаются гладиаторы*; *na ulici – на улице*; *na louce sekali trávu – на лугу косили траву*; *rolníci šli na pole a pracují na poli – крестьяне вышли в поле и работают в поле*. В данных конструкциях важно, каков статус исследу-

емого объекта в языковой картине мира данного языка. В случае русских понятий *поле* и *луг* они, хотя и формально совпадают с чешскими понятиями, тем не менее оба развивались по-разному. *Луг* и *поле* могут занимать с точки зрения современной русской языковой картины мира относительно обширные пространства, и можно их визуально даже не пересмотреть. Но не надо забывать о том, что характеристики культурной местности в течение последнего столетия существенно изменились, и первоначально луг представлял собой небольшой участок, который можно визуально пересмотреть [15]. Похожий процесс можно отметить в понятии ‚поле‘. Поэтому для русского языка типичны обе языковые рефлексии. В чешском языка процесс изменения структуры языковой картины не осуществлялся в таких масштабах, поэтому превалируют другие языковые реализации.

6. Заключение

Анализ имен проведен по словарю Галлера [16]. Благодаря ему можно впервые классифицировать ядро понятия ‚емкость‘ и концепт ‚контейнера‘, как об этом говорилось вначале. Топологические объекты типа ‚емкость‘ и концепта ‚контейнера‘ находятся в начале целого процесса концептуализации. Помимо этого, как уже было сказано раньше, концепт является более сложной и многоуровневой конструкцией, и дело касается прежде всего абстракции, в то время как понятие ‚емкость‘ представляет только часть, стоящую в самом начале процесса концептуализации концепта ‚контейнера-емкости‘.

1. Анализ также подтвердил, что объекты типа ‚емкость‘ в широком понимании способствуют развитию концепта, который выступает составляющей языкового мышления человека.

2. Разнообразные изменения типичны для динамики языкового мышления и мышления вообще. Понятия сохраняются и воспроизводятся в человеческом сознании, что можно проверить экспериментальным путем.

3. Наиболее узким понятием является понятие ‚nádobá‘ / ‚емкость‘, связанное с понятиями ‚nádobí‘ / ‚посуда‘ а ‚kuchyň‘ / ‚кухня‘, ‚kuchyňské náčiní‘ / ‚кухонные принадлежности‘, ‚утварь‘.

4. В этой сфере удалось установить ядро категории ‚nádobá‘ / ‚емкость‘, что, в свою очередь, способствовало дополнительному освещению его роли в структуре вышепоставленной, т. е. в концепте ‚kontejner‘ / ‚контейнер‘.

5. Семантический анализ самых частотных словоупотреблений способствовал выделению ядра понятия ‚nádobá‘ / ‚емкость‘ в смысле семантической типологии. Емкость реально отделена от окружающего мира в виде стен, дна и заданной (канонической) вертикально-горизонтальной ориен-

тации. Одновременно прототипические 'емкости' могут визуально восприниматься.

6. Установленное понятие 'nádobá' / 'емкость' является открытым, и в него можно в настоящее время включать в понятийной системе понятия, выраженные словами, напр. *банка, бидон, блюдо, блюдо, бокал, бочка, бутылка, ваза, горшок, графин, ковш, кружка, кувшин, миска, поднос, салатница, сито, сковорода, солонка, сотейник, соусник, стакан, стопка, ступка, судок, супница, тарелка, термос, умывальник, ушат, фужер, хлебница, чайник, чашка, чугунок.*

7. Тем не менее существует и переходная зона, в которую войдут такие слова, как *овраг, ущелье, яма, впадина, вулкан, шахта, источник, ключ, лужа, ущелье* и др., что опять подчеркивает многоуровневую структуру и фактор сложности самого концепта.

Учитывая все обстоятельства, можно заключить, что концепт как понятие, поставленное выше основного предмета анализа – т. е. прототипического ядра, является очень сложным, с многоуровневыми связями. Он состоит из разных иерархизированных понятий, образов, представлений о стереотипах, связанных с конкретной картиной мира определенного культурного общества. Тем не менее на сущность и количество функций концепта влияет ядро понятия данной категории, попытку выделения которого мы предприняли.

Нам представляется возможным, что ядро понятия 'емкость' образовано на основе опыта аудиовизуального, менее часто тактильного, возникающего в процессе непосредственных контактов человека с функционально обусловленной характеристикой. Наряду с «динамическим» аспектом понятия, который скрыт прежде всего в практическом опыте с физическими объектами и при наблюдении за процессами наполнения и освобождения емкостей чем-то, важен также аспект статический, хотя наблюдение за ним относительно сложно.

Поэтому возникает вопрос, можно ли считать классификацию прототипического ядра 'емкости' оправданной с точки зрения когнитивной лингвистики и может ли она способствовать решению определенных вопросов, для которых у современной лингвистики нет однозначных ответов. Как уже говорилось выше о роли ядра поня-

тия, последнее, по нашему мнению, играет важную роль при создании концептуальной метафоры. Поэтому тщательное изучение структуры концепта на фоне выделения функций отдельных составляющих будет способствовать решению разных вопросов, например механизму возникновения концептуальной метафоры и открытию скрытых закономерностей в членении внеязыковой действительности.

Примечания

1. Rosch E. Human Categorization // Warren N. (ed.): Studies in Cross-Cultural Psychology. Vol. 1. N. Y.; L.: Academic Press, 1977.

2. Vaňková I. et al. Co na srdci, to na jazyku. Kapitoly z kognitivní lingvistiky. Praha: Karolinum, 2005. S. 48.

3. Vaňková I. Reč, která mluví (řeč-language jako východisko kognitivní lingvistického zkoumání a konceptualizace řeči v českém jazykovém obrazu svéta) // Obraz svéta v jazyce II. Praha: Univerzita Karlova, Ústav českého jazyka a teorie komunikace, 2007. S. 8–9.

4. Алефифренко Н. Ф. Синергетика культурного концепта в системе языка // Культурные концепты в языке и тексте: сб. науч. тр. Вып. 2. Белгород: Белгород. гос. ун-т, 2005. С. 10–11.

5. Рахилина Е. В. Контейнер и содержимое в русском языке: наивная топология // Языковые значения: Методы исследования и принципы описания (памяти О. Н. Селиверстовой). М.: Изд-во МГПУ, 2004. С. 233–257.

6. Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010.

7. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективизации в языке) // Известия АН, сер. литературы и языка. Т. 58. 1999. № 5–6. С. 3–12.

8. Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. С. 223.

9. Там же. С. 224.

10. Там же. С. 231.

11. Там же. С. 234.

12. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике ... С. 3–12.

13. Lang Ewald Semantik der Dimensionsauszeichnung räumlicher Objekte // Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven, Studia grammatica XXVI + XXVII. Berlin: Akademie Verlag, 1987. S. 287–516.

14. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. С. 58.

15. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. яз.-Медиа, 2004. С. 494.

16. Haller Jiří Český slovník věcný a synonymický. Praha: Státní pedagogické nakladatelství. Díl I. 1969. Díl II. 1974. Díl III. 1977.

УДК 821.161.1.09

И. Ш. Юнусов

**СЛАВЯНОФИЛЫ И Л. ТОЛСТОЙ:
«КНЯЗЬ ЛУПОВИЦКИЙ,
ИЛИ ПРИЕЗД В ДЕРЕВНЮ» К. АКСАКОВА
И «УТРО ПОМЕЩИКА» И «КАЗАКИ»
Л. ТОЛСТОГО**

В статье исследуются художественные переключки комедии «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню» К. Аксакова и «Утра помещика» и «Казак» Л. Толстого.

The article seeks to explore the literary dialogue in the comedy "Prince Lupovitsky or the Arrival to the Village" by K. Aksakov and "Morning of the Landlord" and "The Cossacks" by L. Tolstoy.

Ключевые слова: славянофилы, Л. Толстой, К. Аксаков, русский мир, крестьянин.

Keywords: Slavophiles, Tolstoy, Aksakov, Russian world, peasant.

Актуальность проблемы личностного и творческого диалога славянофилов и Л. Толстого в отечественном литературоведении осознается уже достаточно давно. Еще в 1928 г. Б. Эйхенбаум [1], пожалуй, первым обозначил данную проблему. После него к этой теме также преимущественно в плане постановки проблемы обращались Е. Н. Купреянова [2], Н. Н. Гусев [3], В. И. Кулешов [4], К. Н. Ломунов [5], В. П. Попов [6], В. А. Кошелев [7]. На рубеже веков доминировали работы, освещающие взаимоотношения Л. Толстого со славянофилами [8]. В эти же годы стали появляться исследования, посвященные выявлению мотивов славянофильства (отдельных его представителей) в художественной практике Л. Толстого [9].

Вместе с тем до сих пор нет монографии, посвященной проблеме «Л. Толстой и славянофилы», что обусловлено необходимостью дальнейшего собирания исследовательского материала по всем аспектам этой широкой темы. Именно этой цели служит и наша статья. В ней ставится частная задача: соотнести художественные переключки в творческом наследии К. Аксакова и Л. Толстого.

Л. Толстой в свое время был объявлен «богатырем» славянофильства [10]. И. С. Тургенев беспокоился: «Боюсь я, как бы славянофильство, к которому он (Л. Толстой. – И. Ю.), кажется, попал в руки, не испортило его прекрасный и поэтический талант, лишив его свободы воззрения» [11]. Действительно, у Л. Толстого и у славянофилов было много вопросов, которые были для них одинаково важны. Внимание к фигуре

русского мужика, к вопросам веры, к понятию «русский мир», к оппозиции Россия – Европа, к единению славян, к войнам, к будущему России, к феномену казачьего мира, к иноплеменникам было чрезвычайно важно в мировоззренческих и художественных системах и Л. Толстого и славянофильства. Вместе с тем приоритеты, подходы и разрешение этих вопросов не всегда совпадали, а часто были и полностью противоположными. Интенсивность очного и заочного диалога между Л. Толстым и славянофилами также в разное время была различной. И в этом смысле наиболее продуктивным представляется период 1856–1859 гг., когда Л. Толстой достаточно близко общался с семейством Аксаковых [12]. В данной статье актуализируются вопросы не идеологического и мировоззренческого противостояния этих лет, а заложенные в эти годы художественные переключки между Толстым и одним из ярчайших представителей славянофильства – К. Аксаковым.

В 1856 г. вышла в свет пьеса К. Аксакова «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню». Примерно в это же время Толстой работал над своим «Романом русского помещика» (он даже читал его Аксаковым), который вылился в «Утро помещика» (1856), и повестью «Казак» (1852–1863).

В комедии «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню» покинувший Россию русский дворянин, «набравшийся ума» в Париже, хочет поделиться своей приобретенной цивилизованностью, приезжает в Россию и пытается учить уму-разуму своих крестьян.

В «Прологе» аксаковской комедии дается беседа трех русских дворян, проживающих в Париже. Один из них, князь Луповицкий, хочет на некоторое время поехать в Россию, в свое имение, чтобы «цивилизовать» своих крестьян. Его приятели полагают, что это только потеря времени: «Чего ждать от России» [13]. Представления о русском народе даже у наиболее симпатизирующего ему Луповицкого одновременно поражают снобизмом и вызывают усмешку: «Итак, messieurs, вы согласитесь со мною, что к русскому народу, – дикому, положим, необразованному, положим, – однако же к нему можно привить просвещение европейское. Главное доказательство, что все это люди. Европейцы люди и русский народ тоже, можно сказать, – люди, конечно, на низкой степени, конечно, разница огромная, но все же это люди. Homo sum, et nihil humanum a me alienum puto» [14]. Луповицкий во многом смешон своей оторванностью от родной почвы, наивным представлением о положении русского народа. Источником этих представлений служат ему свидетельства иностранцев о России на французском языке, которые, по его

мнению, дают самое верное описание. Его цель: «Образовать его (народ, – И. Ю.) – вот наш долг, образовать в религиозном, в отношении нравственном, общественном, художественном. – Вот поле для деятельности. Надо же, наконец, чтобы наш народ походил на нас, европейцев» [15].

Этот пролог перекликается с обоими указанными выше толстовскими произведениями. В «Утре помещика» главный герой – Нехлюдов – тоже молодой князь, желающий оставить университет, чтобы вернуться в свое имение с целью помочь своим крестьянам: «...действовать на этот простой, восприимчивый, неиспорченный класс народа, избавить его от бедности, дать довольство, передать им образование, которым, по счастью, я пользуюсь, исправить их пороки, порожденные невежеством и суеверием, развить их нравственность, заставить полюбить добро» [16].

В «Казаках» главный герой – молодой дворянин Оленин – тоже едет на Кавказ, чтобы начать новую правильную, естественную жизнь, слиться с народом. В отличие от Луповицкого и Нехлюдова он едет не учить народ, а, наоборот, хочет слиться с их жизнью, как нравственной и естественной.

В пьесе К. Аксакова все дворяне говорят или на французском языке, или на ломаном русском. Призыв Луповицкого общаться только на родном языке ни к чему не приводит. Приехав в Россию, молодой князь от избытка восторженных чувств начинает петь, но на французском языке. Нехлюдов пишет письмо своей тете о решении вернуться в деревню тоже на французском языке, вдохновляется французской книгой «Maison rustique». Оленин во время дороги на Кавказ мечтает о том, что он будет читать с любимой казачкой «Собор Парижской Богоматери» на французском языке.

Собравшийся народ преподносит Луповицкому традиционный хлеб-соль, чему последний очень рад, поскольку это в точности соответствует рассказам иностранных туристов. Затем он выступает с пространной речью, где безусловным доказательством серьезности его намерений довести свою программу до конца было обещание не побрезговать прикосновением к сохе и пиле. Нехлюдов в «Утре помещика» говорит Чурису: «Я говорил вам всем на первой сходке, что я поселился в деревне и посвятил свою жизнь для вас; что я готов сам лишиться себя всего, лишь бы вы были довольны и счастливы...» [17] В словах Луповицкого крестьяне увидели желание помочь им непосредственно самому пилить, пахать и сеять. Позднее один из них, Прохор, опасается: «Ох, брат! Будет он думать, что добро, да и пойдет нас добром-то этим подчивать. Жил-то он долго в Немечине. Там может оно и добро, да чтобы немецкое добро нам худом не вышло» [18].

Также и в «Утре помещика» ни один из крестьян не принял ни одного предложения Нехлюдова, опасаясь, что он всерьез реализует свои планы.

Важное место и в пьесе К. Аксакова и в рассказе Л. Толстого занимает мотив русского мира.

Мир русского крестьянства у Аксакова полностью соответствует славянофильским идеалам. Мотив праздничного хоровода пронизывает всю пьесу. О характере изображения крестьян в пьесе еще в конце XIX в. В. Д. Смирнов писал: «Не потому он (Аксаков. – И. Ю.) любил мужика, что мужик – наш меньшей брат, имеющий в силу своего человеческого достоинства равное с нами участие в жизненном пиршестве, а потому, что он видел в мужике “живой обломок дорогого ему древнерусского быта”. И вот почему, совершенно закрывая глаза на реальную действительность и на те печальные условия, среди которых протекала жизнь крепостного мужика, – К. Аксаков, нисколько не кривя душой, а просто опираясь на впечатления детства, изображал эту жизнь в самом розовом цвете – больше даже, как жизнь поистине богатырскую, полную красоты, мощи, поэзии» [19]. Впрочем, и в «Утре помещика» Л. Толстого при описании крестьян часто встречается сочетание «красивое лицо». Преимущественно так крестьянские лица воспринимаются глазами Нехлюдова.

В нарисованном аксаковском крестьянском мире сосредоточены все главные русско-христианские добродетели. Доминирующим является мотив мира. Все важнейшие в жизни крестьянина дела разрешаются только в миру и миром. Дочь Старосты, Параша, любящая молодого крестьянина Андрея, взволнована возможностью призыва любимого в солдаты.

Параша: Кому-то завтра в солдаты придется? Завтра сходка будет; кого-то отдадут?

Ульяна: А как Бог миру на сердце положит [20].

Для простой крестьянской девушки Ульяны это естественно и понятно. Вот и барину, князю Луповицкому, она сообщает, что старосту мир выбирает на три года, а не хорош – и до срока сменит. Выборы старосты становятся главной темой диалога Старосты и Луповицкого. На реплику Луповицкого, что не мир должен выбирать, а он должен назначать старосту, последний отвечает: «Точно, батюшка, точно; твой староста, и речи нет. Ну да вот что, батюшка; кабы им то, крестьянам то есть, до твоего старосты дела не было, так им бы и все равно; а то, ведь я от тебя, да под ними. Ну как же, батюшка, и им бы ведь надо об себе подумать. Ум хорошо, а два лучше, батюшка» [21]. Андрей, возлюбленный Параша, согласен идти в солдаты только по «мирскому приговору», по правде, а не по наговору. Нако-

нец, в миру решили пожалеть сироту Андрея, решили не посылать вместо него сына Старосты, поскольку тем все очень довольны, а потом «...сказали в миру, что уж коли двух помиловали, коли на милость пошло, так помилуем и других, чтобы никому обидно не было», – возьмем рекрутскую квитанцию... Мир подумал и решил – взять квитанцию и деньги внести» [22]. Как видно, крестьяне в пьесе К. Аксакова не только глубже понимают природу мира, но и живут в соответствии с его законами, как единственно справедливыми.

Русский мир в «Утре помещика» показан без «розового цвета», но как важнейший элемент русской жизни. Так, Нехлюдов следующим образом объясняет Чурису, почему он не может выделить ему лес:

«– Лес этот теперь уже не мой, а ваш, крестьянский, и уже я им не могу распоряжаться, а распоряжается мир, как знает. Ты приходи нынче на сходку; я миру поговорю о твоей просьбе; коли он присудит тебе избу дать, так и хорошо, а у меня уж теперь лесу нет. Я от всей души желаю тебе помочь; но коли ты не хочешь переселиться, то дело уже не мое, а мирское. Ты понимаешь меня?»

– Много довольны вашей милостью, – отвечал смущенный Чурис. – коли на двор леску ублаговторите, так мы и так поправимся! – Что мир? Дело известное...

– Нет, ты приходи.

– Слушаю. Я приду. Отчего не прийти? Только уж я у мира просить не стану» [23].

Как видно, аксаковский герой-князь не понимает природы русского мира, недооценивает его, а толстовский, напротив, считает, что самое верное в крестьянской жизни – руководствоваться решениями мира. Вместе с тем очевидно, что для обоих художников феномен русского мира является одним из ключевых и глубинных в понимании и формировании русской жизни и русского человека.

Далее следует переключка в вопросе подлинности веры русских людей разных сословий середины XIX столетия. Князь Луповицкий проверяет своих крестьян на предмет их религиозности, добродетельности и попадает впросак. Выясняется, что он не знает основных церковных обрядов; более того, он узнает о том, что сейчас пост только тогда, когда Староста отказывается есть предложенное им скоромное. Присутствует этот мотив и в «Утре помещика». Так, у Нехлюдова «воскресенье было назначено для приема просителей, дворовых и мужиков, для обхода хозяйства бедных крестьян и для подания им помощи с согласия мира, который собирался вечером каждое воскресенье и должен был решать,

кому и какую помощь нужно было оказывать» [24]. В воскресенье в церковь он не ходит, в отличие от своих крестьян: «Крестьянский народ пестрыми толпами возвращался из церкви; старики, девки, дети, бабы с грудными младенцами, в праздничных одеждах расходились по своим избам, низко кланяясь барину и обходя его» [25]. Наконец, в известном смысле переключается с комедией Аксакова и следующая ситуация:

«– Что, вы уж обедали? – наконец спросил он (Нехлюдов. – И. Ю.).

Под усами Чуриса обозначилась несмешливая улыбка, как будто ему смешно было, что барин делает такие глупые вопросы; он ничего не ответил.

– Какой обед, кормилец? – тяжело вздыхая, проговорила баба. – Хлебушка поснедали – вот и обед наш. За сныткой нынче ходить неколи было, так и щец сварить не из чего, а что квасу было, так ребятам дала.

– Нынче пост голодный, ваше сиятельство, – вмешался Чурис, поясняя слова бабы, – хлеб да лук – вот и пища наша мужицкая...» [26]

Луповицкий продолжает предлагать свои новации. Он навязывает книги о том, что не надо лгать, пьянствовать и т. д. Староста возражает, что и так все знают, что этого не надо делать, поэтому эти книги не надо покупать, а лучше купить священных книг, они всем нужны. Также и Нехлюдов уговаривает Юхванку: «Если ты мужиком хорошим хочешь быть, так ты свою жизнь перемени, оставь свои привычки дурных, не лги, не пьянствуй, уважай свою мать» [27]. Мать же Юхванки характеризует своего сына иначе: «Он (Юхванка. – И. Ю.) ведь мужик не плохой, не пьяный и смирный мужик, ребенка малого не обидит – грех напрасно сказать: худого за ним ничего нету...» [28]

Луповицкий упрекает крестьян в грязи, неопрятности, предлагает им перейти на европейскую одежду. Вообще, для К. Аксакова мотив одежды очень значим. Год спустя после появления комедии в газете «Молва» он поместил следующие строки: «Одежда есть одно из выражений духа человеческого. Самый образ свой человек сделал изменчивым и подчинил владычеству идеи. Дух века, дух народности выражается в одежде, самом естественном, простом и свободном проявлении смысла человеческого» [29]. В «Записке... государю Императору...» выражено беспокойство по поводу того, что европейская одежда проникает и в деревенскую среду: «Уже и в некоторых селах бросают русскую одежду, уже и крестьяне начинают говорить о моде, а вместе с этими пустыми, по-видимому, делами входит чуждый образ жизни, чуждые понятия, и шатаются исподволь русские начала» [30].

Не случайно и сам К. Аксаков принципиально носил русскую одежду, любовью к русскому наряду проникнуты многие его стихотворения. Вот и здесь, в диалоге Луповицкого и Старосты о характере одежды, видится некое идеологическое содержание. Староста и тут не приемлет предложения своего барина одеваться по-европейски: Да не из чего и приставать, батюшка. Пусть ходит, как кто хочет. Из каких причин свое-то платье я кину, а чужое надену? Уж ли же от того, что то свое, а то чужое? А ведь больше не из чего, батюшка, и сам ты говоришь. Свое – так и долой его, а чужое, – так его и надевай? – Не будет ли это уж обидно, батюшка [31].

В «Утре помещика» Л. Толстой также не оставляет без внимания одежду крестьян. Повествователь принципиально не описывает одежду князя Нехлюдова, лишь однажды косвенно упомянув предмет его туалета: «Было ясное июньское воскресенье, когда Нехлюдов, напившись кофею и пробежав главу «Maison rustique», с записной книжкой и пачкой ассигнаций в кармане своего легонького пальто, вышел из большого с колоннами и террасами деревенского дома...» [32] Но русскую одежду почти всех крестьян и крестьянок, которые встречаются Нехлюдову, повествователь описывает весьма подробно, по-своему подчеркивая, что европейская дворянская одежда не может быть интересна для читателя ввиду своего однообразия. Конечно, в данном случае будет оправданным ограничиться лишь предположением, что именно комедия К. Аксакова и общение со славянофилами повлияло в решении этой детали на Л. Толстого.

Окончательно поверженным почувствовал себя Луповицкий, когда староста разъяснил ему, что он не должен никого награждать, даже за добрые дела, поскольку «кто мзду свою здесь приял, тот уже там ее не жди». Нехлюдов как раз о «мзде здесь» и мечтает: «И за все это я, который буду делать это для собственного счастья, я буду наслаждаться благодарностью их (крестьян. – И. Ю.)...» [33]

При этом и в пьесе К. Аксакова и рассказе Л. Толстого крестьяне адекватно воспринимают все новаторские потуги своих бар. Русские мужики в обоих произведениях все прекрасно понимают, и им с трудом удается скрыть свое насмешливое отношение к ним.

Финалы обоих произведений также переключаются прежде всего переоценкой прежних представлений о русском мужике. Луповицкий вынужден признать: «Ведь я должен сказать, однако, что многие вещи я не так понимал, что я, одним словом, не понимал, даже теперь еще не вполне понимаю русский народ ...» [34] Он уезжает в Париж с чувством большого почтения к русскому мужику. Нехлюдов же вообще в конце

«Утра помещика» уже сам завидует крестьянской жизни и мироощущению русского крестьянина: «...и мысль: зачем он не Илюшка – тоже приходит ему» [35].

Немало переключек с комедией К. Аксакова наблюдается и в повести «Кзаки». И это тоже не случайно. В определенном смысле «Кзаки» можно воспринимать как продолжение «Утра помещика». Известно, что над повестью художник начал работать с 1852 г., но она очень трудно, мучительно продвигалась. И только после того как Л. Толстому пришла идея связать «Кзаки» с финалом «Утра помещика», повесть, что называется, пошла. Ключевая фраза – «зачем он не Илюшка» – придала смысл и направление всей повести. Здесь выявляется, может ли в принципе дворянин слиться с народной жизнью. Очевидно, что «Утро помещика» и «Кзаки» вызревали на одном и том же круге идей. И во многом именно этим обусловлены некоторые переключки «Кзаков» с комедией «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню».

И у Аксакова и у Толстого главные герои однажды осознают, что нужно что-то изменить в своей жизни, внешне вполне привлекательной. Правда, Луповицкий покидает Париж, потому что видит свой долг в привитии цивилизованных норм своим крестьянам, а Оленин едет из Москвы на Кавказ, чтобы самому слиться с народной жизнью. При этом и тот и другой отягощены родимыми пятнами цивилизации и сформированными ею стереотипами. И в том и в другом случае русская земля проявляет свою полную автономность и известную замкнутость. Она самодостаточна и не приемлет в свой мир чуждых ценностей и людей, испорченных этими чуждыми ценностями. И Луповицкий и Оленин не добиваются своих целей. И тот и другой в кольцевых финалах произведений возвращаются обратно совершенно другими людьми.

Правда, в «Кзаках» Л. Толстой не идеализирует русский мир, не идеализирует выражающий его здесь казачий строй жизни. В казачьей среде идут процессы, разрушающие целостность и единство казачьего мира. Марьяну привлекает культура, стоящая за Олениным; Ерощку – воплощение естественной жизни казаков – в станице никто всерьез не воспринимает; мать Лукашки опасается, как бы богатые родители Марьяны не отказались выдать свою дочь за ее бедного сына; хорунжий совершенно теряет казачьи черты, не приобретая других. Это уже нечто новое и в сравнении с комедией К. Аксакова и в известном смысле с «Утром помещика».

Характер и количество переключек в комедии К. Аксакова «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню» и в рассмотренных произведениях Л. Толстого, особенно в «Утре помещика», про-

изводят сильное впечатление. Даже несколько удивительно, что до сих пор эти параллели не были изучены и оценены. Очевидно, что, несмотря на разный характер дарований, где-то на глубинном уровне нравственные, творческие интересы и искания К. Аксакова и Л. Толстого пересекаются, они протекают в одном поле, хотя выводы порой и делаются прямо противоположные. При этом легко заметить, что весь комплекс славянофильских ценностей в той или иной форме будет сопровождать творческие искания Л. Толстого до самых последних его дней.

Примечания:

1. *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Книга первая. 50-е годы. Л., 1928.
2. *Куприянова Е. Н.* Молодой Толстой. Тула, 1956.
3. *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1958.
4. *Кулешов В. И.* Славянофилы и русская литература. М., 1976.
5. *Ломунов К. Н.* Славянофильство как научная проблема // Литературные взгляды и творчество славянофилов: 1830–1850 гг. М., 1978. С. 5–66.
6. *Попов В. П.* Из встреч 50-х годов (Л. Н. Толстой и С. Т. Аксаков) // М., 1980. Т. 12. С. 50–61.
7. *Кошелев В. А.* Л. Н. Толстой и Аксаковы // Яснополянский сборник. 1984. Тула, 1984. С. 140–151.
8. *Кавацца А.* Л. Н. Толстой и А. С. Хомяков // Хомяковский сборник. Т. 1. Томск, 1998. С. 303–325; *Шпагин С. А.* Славянофилы глазами Л. Н. Толстого // А. С. Хомяков: личность – творчество – наследие. Хмелитский сборник. Вып. 7. Смоленск, 2004. С. 262–273; *Можарова М. А.* Л. Н. Толстой и И. В. Киреевский в литературных спорах 1850-х годов // Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. Вып. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 271–292; *Можарова М. А.* Л. Н. Толстой и А. С. Хомяков в литературных спорах 1850-х годов // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт,

публицист: сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. (апрель 2004 г.): в 2 т. М.: Языки славян. культур, 2007. Т. 2. С. 401–409 и др.

9. *Можарова М. А.* Л. Н. Толстой и И. В. Киреевский: Преемственные связи: дис. ... канд. филол. наук. М.: РАН ИМЛИ, 1999; *Суркова Ж. А.* А. С. Хомяков в «Анне Карениной» // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист. М., 2007. Т. 2. С. 461–464; и др.

10. *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974. С. 23.

11. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Письма. Т. 10. С. 156.

12. См. подр.: *Кошелев В. А.* Л. Н. Толстой и Аксаковы // Яснополянский сборник. 1984. Тула, 1984. С. 140–151.

13. *Аксаков К. С.* Князь Луповицкий, или Приезд в деревню. М., 1856. С. 8.

14. Там же. С. 13–14.

15. Там же. С. 27.

16. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: в 12 т. М., 1987. Т. 1. С. 554.

17. Там же. С. 520.

18. *Аксаков К. С.* Указ. соч. С. 34.

19. *Смирнов В. Д.* Аксаковы. Их жизнь и литературная деятельность. СПб., 1895. С. 51.

20. *Аксаков К. С.* Указ. соч. С. 25.

21. Там же. С. 32.

22. Там же. С. 84–85.

23. *Толстой Л. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 521.

24. Там же. С. 512.

25. Там же. С. 513.

26. Там же. С. 521–522.

27. Там же. С. 532.

28. Там же. С. 541.

29. Ранние славянофилы. М., 1910. С. 119.

30. Там же. С. 88.

31. *Аксаков К. С.* Указ. соч. С. 64–65.

32. *Толстой Л. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 513.

33. Там же. С. 554.

34. *Аксаков К. С.* Указ. соч. С. 69.

35. *Толстой Л. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 560.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 51(07)

Е. М. Вечтомов, В. И. Варанкина, Е. Н. Лубягина

ИЗУЧЕНИЕ ТОПОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Рассматривается методика и методология введения и изучения основных топологических понятий и топологической структуры в целом. Показана необходимость и важность обучения топологии студентов математических направлений подготовки. Представлено авторское изложение данного материала.

In this article we consider the methods and philosophy of introducing and studying topological conceptions. We explain the necessity and importance of considering topology by students-mathematics. There presented the interpreted algebraic structures by the authors.

Ключевые слова: топология, топологическое пространство, непрерывное отображение, методика изучения.

Keywords: topology, continuous map, topological space, methods of studying.

Введение

Мы продолжаем развивать подход к изучению математики как структурной науки, начатый в серии работ [1] по изучению теоретико-множественных, алгебраических, порядковых, метрических структур. На очереди – рассмотрение конкретных структур дискретной математики (комбинаторика, графы, автоматы), компьютерной алгебры и вычислительной геометрии.

Топология (от древнегреческих *τοπος* – место и *λογος* – учение) – математическая наука, исследующая явления *непрерывности* и *сходимости*, выраженные в понятиях *топологическое пространство* и *непрерывное отображение*. Одной из первых топологических задач считается известная головоломка о кенигсбергских мостах, которую в 1736 г. решил знаменитый швейцарский ученый Леонард Эйлер (1707–1783). В XIX в. топология трактовалась как анализ положения (от латинского *analysis situs*). Сам термин «топология» ввел в научный оборот немецкий математик Иоганн Листинг (1808–1882) в 1848 г. в книге «Предварительные исследования по топологии». Топология относится к геометрическому

направлению в развитии математики. В современной топологии разрабатываются следующие основные разделы: общая топология, геометрическая топология, алгебраическая топология, дифференциальная топология, вычислительная (компьютерная) топология.

Общая топология (или теоретико-множественная топология) – учение о топологической структуре, рассматриваемой в наиболее абстрактном и чистом виде. В 1914 г. немецкий математик Феликс Хаусдорф (1868–1942) в своей книге [2] ввел в рассмотрение понятие отделимого топологического пространства, позднее получившего название хаусдорфова пространства. Тем самым было положено начало новому разделу математики – общей топологии. Термин «общая топология» впервые использовал в 1937 г. американский математик Маршалл Стоун (1903–1989) – в названии своей фундаментальной работы [3]. Впервые общее определение топологического пространства дано в 1922 г. польским математиком Казимежем Куратовским (1896–1980) с помощью оператора замыкания. В 1925 г. создатель московской топологической школы П. С. Александров (1896–1982) дал определение топологического пространства через открытые множества, а в 1927 г. польский математик Вацлав Серпинский (1882–1969) – через замкнутые множества. Понятие топологического пространства лежит в основе современной топологии и математики в целом [4].

С топологией можно познакомиться по трудам [5], а для начала рекомендуем книги [6].

Методология и методика изучения

Современная математика во многом – структурная наука, изучающая формальные отношения реальности, отражающие проявления философских категорий количества, формы, меры и выраженные в понятии *математической структуры*. Группа французских математиков, выступавшая под псевдонимом Никола Бурбаки (1937–1968), выделила три типа фундаментальных математических структур: *алгебраический*, *порядковый* и *топологический*. Подчеркнем, что Бурбаки в 1948 г. в статье «Архитектура математики» [7] назвали математику учением о математических структурах. См. также [8].

Изучению топологических пространств предшествует изучение теории метрических пространств [9], которая служит пропедевтикой ос-

воения и овладения топологической структурой. В топологии, как и в теории метрических пространств, применяется геометрическая терминология (точка, пространство, подпространство и т. д.), хорошо согласующаяся с нашими наглядными представлениями. В процессе преподавания топологии необходимо опираться на изученные ранее понятия и структуры (геометрические, числовые, метрические). При этом важнейшим конкретным примером топологического пространства была и остается числовая прямая \mathbf{R} [10].

Топологическое пространство – фундаментальный вид абстрактных пространств, формализующий понятия *непрерывности*, *предельного перехода* (сходимости) и *близости* между точками пространства. Важно изучать топологические пространства вместе с их непрерывными отображениями, образующими в совокупности *категорию* топологических пространств и непрерывных отображений.

Предметом топологии служит изучение *топологических инвариантов* и свойств фигур в топологических пространствах, которые сохраняются при *гомеоморфизмах*. Евклидовы пространства \mathbf{R}^2 и \mathbf{R}^3 позволяют наглядно продемонстрировать геометрическую сторону мышления в топологии, опирающуюся на интуицию [11]; при этом гомеоморфизмы геометрических фигур мыслятся как их деформации без разрывов. С другой стороны, в дидактическом и методологическом плане весьма полезно рассмотрение различных экзотических пространств, включая конечные пространства [12], далеких от классических объектов. Весьма желательно, чтобы изучение абстрактного топологического материала – там, где это возможно – сопровождалось наглядными геометрическими образами и схемами, мотивировками и иллюстрациями.

Следует обратить внимание на раскрытие существующих связей между основными типами математических структур [13].

Раздел «Элементы топологии» входит в программу обучения студентов направлений подготовки, связанных с математикой. Начала топологии изучаются студентами-математиками в курсах геометрии и теории функций действительного переменного, на спецкурсах – после раздела «Метрические пространства».

Содержательно методика включает в себя отбор основных понятий, примеров и фактов; последовательность изложения материала; систему учебных и исследовательских упражнений и задач.

Структурное изучение топологии ведется в рамках целостного методологического подхода, по своей направленности и форме общего с изучением других фундаментальных математических структур [14].

Методика изучения топологической структуры предполагает следующее:

1. Пропедевтика на геометрическом и метрическом материале.
2. Исторические этапы развития топологии.
3. Методологические аспекты.
4. Базовые определения и терминология.
5. Примеры топологических пространств.
6. Простейшие свойства топологических пространств.
7. Логико-математический анализ понятия топологического пространства (независимость аксиом, конечные пространства, обобщения).
8. Изложение элементов общей топологии.
9. Взаимосвязи топологической структуры с алгебраической и порядковой структурами.
10. Применения в математическом анализе, геометрии, функциональном анализе, дискретной математике.
11. Система учебных и развивающих упражнений.
12. НИРС по общей топологии. В качестве примера укажем тему исследования ε -функций [15].

Топологические пространства

В ходе изучения данной темы вводятся понятия топологического пространства, его подпространства, хаусдорфовости, компактности, связности топологических пространств, непрерывного отображения гомеоморфизма топологических пространств, факторпространства и прямого произведения.

Начнем с классического определения Александра.

Определение 1. *Топологическим пространством* называется пара $\langle X, \tau \rangle$, где τ – множество подмножеств множества X , удовлетворяющее условиям:

- (1) $\emptyset, X \in \tau$;
- (2) объединение любого непустого семейства множеств из τ лежит в τ ;
- (3) пересечение любых двух множеств из τ принадлежит τ .

Условия (1)–(3) суть аксиомы топологического пространства, множество τ называется *топологией* на X . Множества $U \in \tau$ называются *открытыми множествами* топологического пространства $\langle X, \tau \rangle$, а их дополнения $X \setminus U$ – *замкнутыми множествами*. Символ τ часто опускается.

Приведем теперь определение Куратовского, взявшего за основу понятие замыкания множества.

Определение 2. *Топологическим пространством* называется множество X с заданным на множестве $\mathbf{B}(X)$ всех его подмножеств *оператором замыкания* [], обладающим следующими свойствами:

- i) $A \subseteq [A]$ для любого $A \subseteq X$;
- ii) $[[A]] = [A]$;
- iii) $[A \cup B] = [A] \cup [B]$;
- iv) $[\emptyset] = \emptyset$.

Теорема 1. *Определения 1 и 2 эквивалентны.*

Доказательство. Пусть дано топологическое пространство $\langle X, \tau \rangle$ в смысле определения 1. Заддим на $\mathbf{B}(X)$ оператор замыкания $[]$ следующим образом: для любого $A \in \mathbf{B}(X)$ положим $[A] = \bigcap \{B \subseteq X: A \subseteq B \text{ и } B \text{ замкнуто в } \langle X, \tau \rangle\}$. Множество $[A]$ называется *замыканием множества* A в топологическом пространстве $\langle X, \tau \rangle$. Легко проверяются все свойства $i)$ – $iv)$ определения 2.

Обратно, рассмотрим топологическое пространство $\langle X, [] \rangle$ в смысле определения 2. При этом множество $B \subseteq X$ называется *замкнутым*, если $[B] = B$. Тогда $\tau = \{A \subseteq X: X \setminus A \text{ замкнуто}\}$ удовлетворяет аксиомам (1)–(3) определения 1.

Остается заметить, что указанные соответствия взаимно обратны: для любого $A \subseteq X$ имеем $A \in \tau \Rightarrow [X \setminus A] = X \setminus A \Rightarrow A \in \tau$.

Замечание 1. Помимо указанных трех определений топологических пространств существуют и другие эквивалентные им определения. Они базируются на следующих понятиях: предельная точка, внутренность, граница, нарост, сходимость направленности, окрестность точки, окрестность множества, открытая база, отношение близости и т. д.

Определение 3. Отображение $f: X \rightarrow Y$ топологических пространств называется *непрерывным*, если прообраз $f^{-1}(U)$ любого открытого множества U в Y есть открытое множество в X . Взаимно однозначное и взаимно непрерывное отображение $f: X \rightarrow Y$ топологических пространств называется их *гомеоморфизмом* (X на Y), а сами пространства – *гомеоморфными* ($X \approx Y$).

Непрерывность отображения топологических пространств обобщает понятие непрерывности отображений метрических пространств, а гомеоморфность двух топологических пространств обобщает понятие изометрии метрических пространств. Отметим, что гомеоморфные пространства обладают абсолютно одинаковыми абстрактными топологическими свойствами. Поэтому компактное пространство $[0, 1]$ не гомеоморфно некомпактному пространству $(0, 1)$; здесь пространства берутся с естественной топологией. Компактные пространства $[0, 1]$ и окружность также не гомеоморфны (почему?). А если из окружности выбросить одну точку, то получим некомпактное пространство, гомеоморфное интервалу $(0, 1)$.

Рассмотрим далее основные условия отделимости, накладываемые на топологические пространства, в порядке их усиления: T_0 -пространства $\supset T_1$ -пространства \supset хаусдорфовы пространства \supset регулярные пространства \supset тихоновские пространства \supset нормальные пространства \supset совершенно нормальные пространства.

Определение 4. Топологическое пространство X называется:

T_0 -пространством, или *колмогоровским* – введенным в математику А. Н. Колмогоровым

(1903–1987) в 1935 г., если для любых его различных точек x и y найдется открытое множество U в X , содержащее ровно одну из них: $x \in U$, $y \notin U$ или $y \in U$, $x \notin U$;

T_1 -пространством, если для любых его различных точек x и y найдется открытое множество в X , содержащее x и не содержащее y ;

хаусдорфовым (или T_2 -пространством), если для любых его различных точек x и y найдутся такие непересекающиеся открытые множества U и V в X , что $x \in U$ и $y \in V$;

регулярным (или T_3 -пространством), если оно является T_1 -пространством и для любых его точки x и не содержащего ее замкнутого множества B найдутся такие непересекающиеся открытые множества U и V в X , что $x \in U$ и $B \subseteq V$;

тихоновским (вполне регулярным, или $T_{3,5}$ -пространством), если оно является T_1 -пространством и для любых точки x и не содержащего ее замкнутого множества B в X существует непрерывная функция $f: X \rightarrow \mathbf{R}$, для которой $f(x) = 1$ и $f(B) = \{0\}$;

нормальным (или T_4 -пространством), если оно является T_1 -пространством и для любых его непересекающихся замкнутых множеств A и B существуют такие непересекающиеся открытые множества U и V в X , что $A \subseteq U$ и $B \subseteq V$;

совершенно нормальным, если оно является T_1 -пространством и для любых его непересекающихся замкнутых множеств A и B существует такая непрерывная функция $f: X \rightarrow \mathbf{R}$, что $A = Z(f) = \{x \in X : f(x) = 0\}$ и $B = Z(1 - f)$.

Отметим, что множества вида $Z(f)$ называются *нуль-множествами*, а $X \setminus Z(f)$ – *конуль-множествами* на X .

Открытое множество, содержащее данную точку или данное множество, называется *окрестностью* этой точки или этого множества. В терминах окрестностей можно переформулировать пять из семи сформулированных выше условий отделимости. Попробуйте это сделать.

Большая лемма Урысона утверждает, что во всяком нормальном пространстве для любых его непересекающихся замкнутых множеств A и B существует непрерывная функция $f: X \rightarrow [0, 1]$, для которой $A \subseteq Z(f)$ и $B \subseteq Z(1 - f)$.

Определение 5. Топологическое пространство X называется *компактным*, если из любого его открытого покрытия можно извлечь конечное подпокрытие. *Открытым покрытием* пространства X называется любое семейство его открытых множеств, объединение которого совпадает со всем X , а подпокрытие семейства множеств – это подсемейство данного семейства.

Общее понятие компактности впервые сформулировал П. С. Александров в 1922 г., ему посвящена одна из первых в мире монографий по

общей топологии [16], подготовленная к печати еще в 1923 г. (вышла в свет в 1929 г.).

Множество A топологического пространства $\langle X, \tau \rangle$, рассматриваемое с индуцированной топологией, состоящей из всевозможных множеств вида $A \cap U$, где $U \in \tau$, называется *подпространством* в X .

Важнейшие понятия *факторпространства* и *тихоновского произведения* топологических пространств мы здесь приводить не будем. Отметим только следующие вещи. Тихоновское произведение семейства топологических пространств есть их прямое произведение с некоторой естественным образом заданной топологией. В общей топологии и во всей классической математике центральную роль играет теорема компактности Тихонова 1935 г.: произведение непустого семейства компактных пространств есть компактное пространство. В 1930 г. А. Н. Тихонов (1906–1993) доказал, что тихоновские пространства исчерпываются (с точностью до гомеоморфизма) подпространствами компактных хаусдорфовых пространств (называемых *компактами*).

В качестве иллюстрации докажем следующий результат.

Теорема 2. *Любое компактное хаусдорфово пространство нормально.*

Доказательство. Возьмем в X произвольные непересекающиеся замкнутые множества A и B . Подпространства A и B компактны (упражнение 8). Фиксируем точку $a \in A$. Для произвольной точки $b \in B$ существуют непересекающиеся открытые окрестности U_b и V_b точек a и b соответственно. Множества $B \cap U_b$ образуют открытое покрытие компактного пространства B (с индуцированной топологией подпространства). Поэтому $B \subseteq V = V_b \cup V_c \cup \dots \cup V_d$ для конечного числа точек $b, c, \dots, d \in B$. Открытое множество $U_b \cap U_c \cap \dots \cap U_d$ содержит a и не пересекает V .

Итак, произвольно выбранная точка $a \in A$ и множество B обладают непересекающимися открытыми окрестностями U_a и V_a . Объединение множеств U_a , $a \in A$, содержит компактное подпространство A . Поэтому $A \subseteq U = U_x \cup \dots \cup U_z$ для конечного числа точек $x, \dots, z \in A$. Открытое множество $V = V_x \cap \dots \cap V_z$ содержит B и не пересекается с открытой окрестностью U множества A , что завершает доказательство теоремы.

Определение 6. *Базой* топологического пространства X называется такое множество S его открытых подмножеств, что любое открытое множество пространства X является объединением некоторых множеств из S , а *предбазой* пространства X называется всякое множество его открытых подмножеств, конечные пересечения которых образуют базу в нем.

Как уже отмечалось, важнейший класс топологических пространств составляют метрические пространства. Открытые шары произвольного метрического пространства образуют базу топологии соответствующего (метризуемого) топологического пространства.

Некоторые примеры

1. Пусть X – *антидискретное* топологическое пространство, то есть его топология $\tau = \{\emptyset, X\}$. Если мощность X не меньше 2, то такое X не является T_0 -пространством.

2. Возьмем $X = \{0, 1\}$ с топологией $\tau = \{\emptyset, \{0\}, X\}$. Полученное T_0 -пространство называется *связным двоеточием* и не является T_1 -пространством.

3. Рассмотрим любое бесконечное множество X в точности с *коконечными* открытыми множествами, представляющими собой дополнения в X до конечных множеств. Получаем нехаусдорфово T_1 -пространство.

4. На единичном отрезке $[0, 1]$ рассмотрим расширение естественной топологии, порожденное добавлением замкнутого множества $\{1, 1/2, 1/3, \dots, 1/n, \dots\}$. Это топологическое пространство хаусдорфово, но не регулярно. Заметим, что существуют регулярные пространства, не являющиеся тихоновскими.

5. *Стрелка Александрова.* Пусть на $[0, 1]$ задана топология, открытую базу которой образуют всевозможные полуотрезки $[a, b)$, где $0 \leq a < b \leq 1$. Данное топологическое пространство совершенно нормально, но неметризуемо.

6. Тихоновское произведение двух стрелок Александрова, будучи тихоновским пространством, не является нормальным. Примером ненормального тихоновского пространства служит также тихоновское произведение несчетного семейства прямых \mathbf{R} .

7. *Лексикографический квадрат.* На прямом произведении $(0, 1) \times (0, 1)$ топология порождена лексикографическим порядком: $M = (a, b) < (c, d) = N$ означает, что $a < c$ или $b < d$ при $a = c$. Базу этой топологии образуют всевозможные интервалы (M, N) , $M < N$. Получаем пример нормального пространства, не являющегося совершенно нормальным. Лексикографический квадрат является даже *наследственно нормальным* пространством, т. е. все его подпространства нормальны.

8. Всякое топологическое пространство X с топологией $\mathbf{B}(X)$ называется *дискретным*.

Определение 7. Подмножество топологического пространства называется *открыто-замкнутым*, если оно одновременно открыто и замкнуто. Топологическое пространство называется *связным*, если в нем нет непустых собственных открыто-замкнутых множеств.

В дискретных пространствах все подмножества открыто-замкнуты. Кроме того, все нео-

дноэлементные дискретные пространства не-связны.

Замечание 2. Пространства из примеров 2–4 компактны и связны. Пространства 5–7 некомпактны и связны. Дискретное пространство компактно тогда и только тогда, когда оно конечно.

Наряду с условиями отделимости важную роль в общей топологии играют так называемые аксиомы счетности.

Определение 8. Говорят, что топологическое пространство X удовлетворяет: *первой аксиоме счетности*, если для каждой точки $x \in X$ существует такое счетное семейство (U_n) ее (открытых) окрестностей, что любая окрестность точки x целиком содержит какую-либо из окрестностей U_n ; *второй аксиоме счетности*, если X обладает счетной базой.

Мини-пространства

Найдем топологические пространства с небольшим числом элементов. Рассмотрим произвольное топологическое пространство $\langle X, \tau \rangle$.

Топология τ на множестве X является ограниченной дистрибутивной решеткой – подрешеткой булеана $\mathbf{B}(X)$ всех подмножеств в X относительно отношения включения \subseteq .

Точку x топологического пространства назовем *открытой* (*замкнутой*, *изолированной*), если одноточечное множество $\{x\}$ открыто (соответственно: замкнуто, открыто-замкнуто).

Введем на пространстве $\langle X, \tau \rangle$ бинарное отношение \sim «неотделимости» точек: $x \sim y$ означает, что $\forall U \in \tau (x \in U \Leftrightarrow y \in U)$ для любых точек $x, y \in X$. Легко видеть, что \sim есть отношение эквивалентности на X . Поэтому пространство X разбивается на (непересекающиеся) классы попарно неотделимых точек.

Пусть $\langle X, \tau \rangle$ – конечное топологическое пространство. Любая точка из X имеет наименьшую окрестность. В T_0 -пространстве X наименьшие окрестности различных точек не совпадают. Обозначим через n число элементов в X , а через k – число классов эквивалентности пространства X по отношению \sim . Число k равно числу замыканий одноэлементных подмножеств пространства X .

Изобразим на диаграммах Эйлера – Венна все топологические пространства, имеющие не более четырех элементов (точек). Топологии на n -элементном множестве будем задавать предбазами открытых множеств. Между n -элементными T_0 -пространствами и n -элементными упорядоченными множествами существует каноническое взаимно однозначное соответствие (см. [17]). По диаграмме Хассе данного конечного упорядоченного множества из его порядковых идеалов составляется минимальная предбаза топологии (рис. 1).

При $n = 1$ получается 1 топологическое пространство, при $n = 2$ имеем 3 пространства, а при $n = 3$ существует 9 попарно негомеоморфных пространств. Пространства 5–9 суть

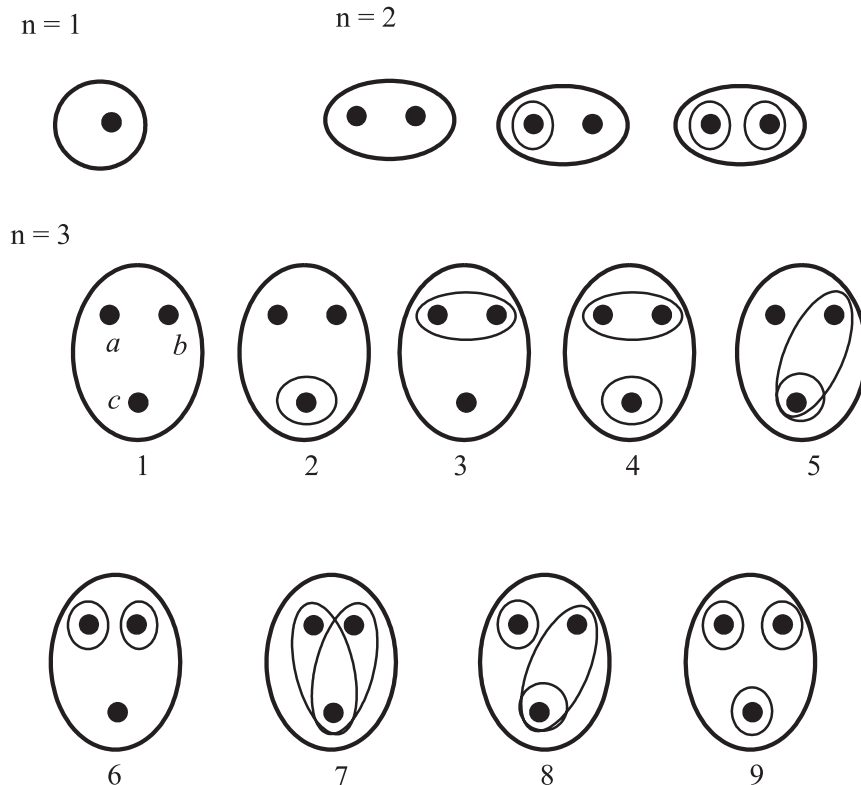

Рис. 1

T_0 -пространства, отвечающие трехэлементным упорядоченным множествам (5), (3), (4), (2) и (1) соответственно. Имеются: 1 топологизация одноэлементного пространства, 4 топологизации двухэлементного пространства и 29 топологий на трехэлементном множестве $\{a, b, c\}$: $1 + 3 + 3 + 6 + 3 + 3 + 3 + 6 + 1$.

Последовательно построим все четырехэлементные топологические пространства на множестве $X = \{a, b, c, d\}$. Число k принимает значения 1, 2, 3 или 4.

Первые 6 пространств получаются совсем легко. При этом число соответствующих топологизаций равно $1 + 4 + 4 + 4 + 6 + 6 = 25$ (рис. 2).

В случае $k = 3$ множество X разбивается на $1 + 1 + 2$ точки, и пространства $\langle X, \tau \rangle$ получаются из пяти трехэлементных T_0 -пространств с номерами 5–9 добавлением одной точки к каждому классу соответствующего разбиения; их $11 = 3 + 2 + 2 + 3 + 1$. А число топологизаций $X = \{a, b, c, d\}$ равно $12 \cdot 3 + (6 + 12) + (12 + 6) + 12 \cdot 3 + 6 = 114$ (рис. 3).

Случай $k = 4$ включает все четырехэлементные T_0 -пространства, которые находятся в естественном взаимно однозначном соответствии со всеми четырехэлементными упорядоченными множествами (см. рис. 4).

Получаем 33 топологических пространства с четырьмя элементами. Известно, что существует ровно 219 упорядочений, стало быть, столько же и T_0 -топологизаций четырехэлементного множества. Поэтому всего имеем $25 + 114 + 219 = 358$ топологизаций четырехэлементного множества.

Замечание 3. Математический интерес представляют комбинаторные задачи нахождения числа негомеоморфных n -элементных топологических пространств и числа всех топологий на n -элементном множестве при $n \geq 5$. Можно надеяться на получение хороших оценок снизу и сверху для этих чисел.

Упражнения

1. Убедитесь, что объединение любого семейства открытых множеств и пересечение всякого конечного семейства открытых множеств метрического пространства открыты. Верны ли аналогичные утверждения для замкнутых множеств?

2. Восполните детали в доказательстве теоремы 1.

3. Дайте определение топологического пространства через замкнутые множества.

4. Для любого подмножества A произвольного топологического пространства X докажите следующие свойства взятия замыкания и внутренней: $[A] = X \setminus (X \setminus A)^\circ$, $A^\circ = X \setminus [X \setminus A]$,

$k = 1$ или 2

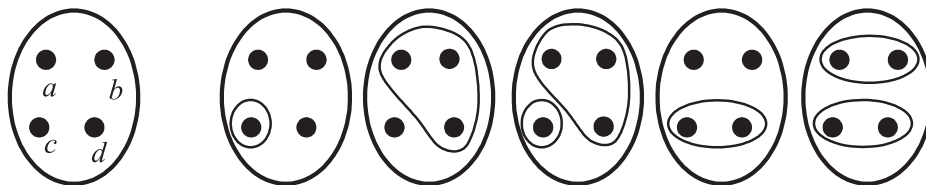

Рис. 2

$k = 3$

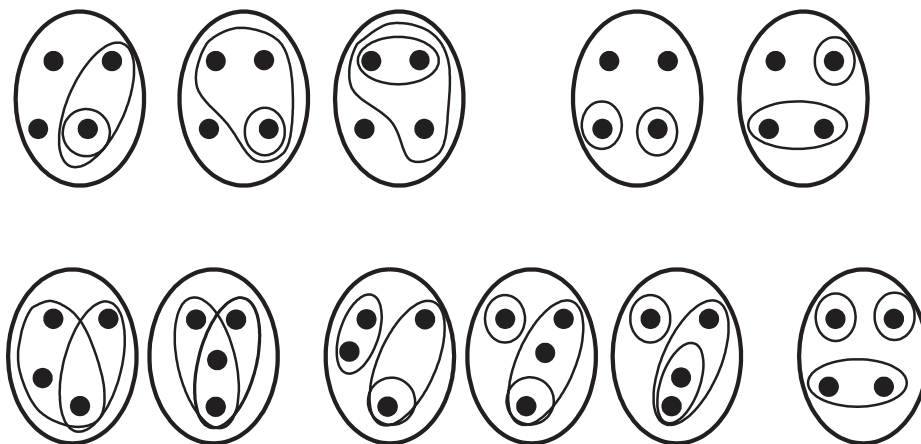

Рис. 3

$A^\circ \subseteq A$, $A^{\circ\circ} = A^\circ$, $A^\circ \subseteq [A^\circ]^\circ$, $[[A]^\circ]^\circ \subseteq [A]$, $[A^\circ] = [[A^\circ]^\circ]^\circ$, $[[A]^\circ]^\circ = [A]^\circ$, $[[A] \setminus A^\circ]^\circ = [A] \setminus A^\circ$. Напомним, что множество $[A] \setminus A^\circ$ называется *границей множества A*.

5. Покажите, что $(A \cap B)^\circ = A^\circ \cap B^\circ$ для любых подмножеств A, B топологического пространства.

6. *Задача Куратовского.* Требуется доказать, что из данного множества A топологического пространства X с помощью операций взятия внутреннейности и дополнения до X можно образовать не более 14 различных множеств. Покажите, что следующее множество на числовой прямой дает ровно 14 таких множеств: $A = (-1, 0) \cup (0, 1) \cup ([5, 10] \cap \mathbb{Q}) \cup \{15\}$.

7. Докажите, что действительно в определениях 4 аксиомы отделимости расположены по мере их усиления (с учетом большой леммы Урысона). Изобразите свойства отделимости на диаграммах Эйлера – Венна.

8. Убедитесь, что для произвольного T_1 -пространства условие тихоновости равносильно тому, что все его конуль-множества составляют базу.

9. Покажите, что любое замкнутое множество компактного пространства является компактным подпространством. А любое компактное подпространство компактного хаусдорфова пространства X есть замкнутое множество в X .

10. Покажите, что вторая аксиома счетности сильнее первой аксиомы счетности. Что это означает?

11. Какие из примеров пространств 1–8 удовлетворяют первой, второй аксиоме счетности?

12. Приведите примеры двух гомеоморфных метрических пространств, между которыми не существует изометрии.

13. Покажите, что непрерывные отображения топологических пространств сохраняют свойства компактности и связности, но не обязаны сохранять свойства отделимости. Как это нужно понимать?

14. Докажите, что взаимно однозначное непрерывное отображение компактного хаусдорфова пространства на хаусдорфово пространство является гомеоморфизмом этих пространств.

15. Обозначим через $C(X)$ множество всех непрерывных вещественных функций, заданных на топологическом пространстве X . Покажите, что относительно поточечно определенных операций сложения и умножения функций $C(X)$ является коммутативным кольцом с 1.

16. Проверьте, что множество $M_x = \{f \in C(X) : f(x) = 0\}$, $x \in X$, будет максимальным идеалом кольца $C(X)$.

17. Докажите, что компактность тихоновского пространства X эквивалентна тому, что любой максимальный идеал кольца $C(X)$ равен M_x для некоторой (единственной) точки $x \in X$.

18. Если $\varphi: X \rightarrow Y$ – непрерывное отображение топологических пространств, то $\alpha_\varphi: C(Y) \rightarrow C(X)$, $\alpha_\varphi(g) = \varphi g = g \circ \varphi$ для всех $g \in C(Y)$, есть кольцевой гомоморфизм, сохраняющий 1.

k = 4

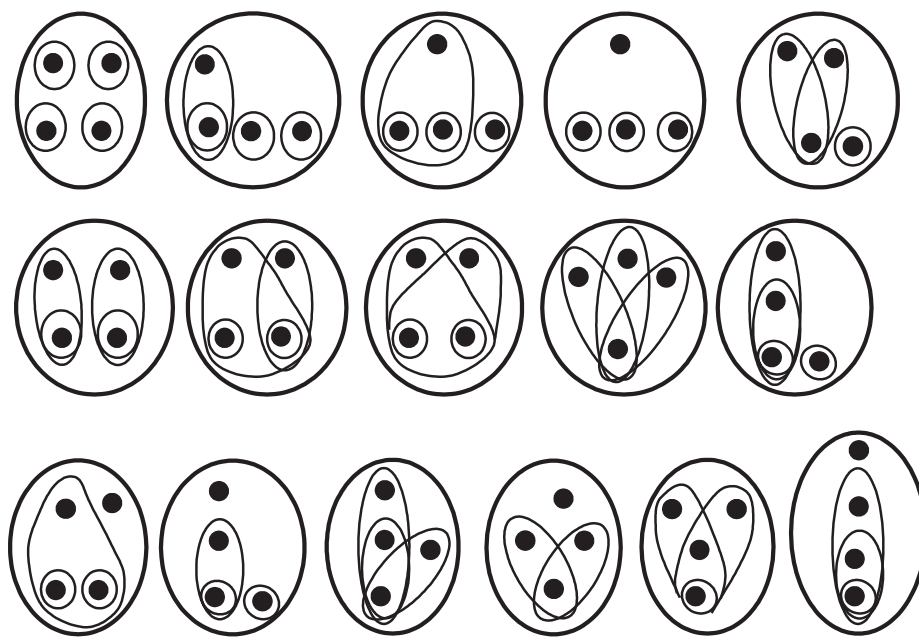

Рис. 4

Если же Y – компакт, то любой кольцевой гомоморфизм $C(Y) \rightarrow C(X)$, сохраняющий 1, имеет вид α_φ для некоторого однозначно определенно непрерывного отображения $\varphi: X \rightarrow Y$. Тем самым устанавливается антиэквивалентность между категорией всех компактов X и их непрерывных отображений и категорией колец $C(X)$ с гомоморфизмами, сохраняющими 1. Докажите эти утверждения.

Примечания

1. Вечтомов Е. М. О лагранжевых группах // Проблемы историко-научных исследований в математике и математическом образовании: материалы Международ. науч. конф. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2007. С. 23–32; *Он же*. Об изучении групповой структуры // Труды Международ. науч. конф. «Образование, наука и экономика в вузах. Интеграция в международное образовательное пространство». Плоцк (Польша), 2010. С. 91–100; *Он же*. Изучение порядковой структуры // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2(1). С. 111–120; *Он же*. О бинарных отношениях для математиков и информатиков // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1(3). С. 51–58; *Он же*. Об эстетике математики // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1(4). С. 69–75; *Он же*. Натуральный ряд // Математика в высшем образовании. 2012. № 10. С. 15–34; *Он же*. Основные математические структуры: учеб. пособие. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013; Вечтомов Е. М., Чермных В. В. Изучение алгебраической структуры // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1(3). С. 41–48; Вечтомов Е. М., Чермных В. В., Широков Д. В. Методика изучения теории действительных чисел // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2(3). С. 56–68; Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. Изучение теории метрических пространств // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 2(3). С. 103–111.
2. Хаусдорф Ф. Теория множеств / пер. с нем. М.: КомКнига, 2006.
3. Stone M. Applications of the theory of Boolean rings to general topology // Trans. Amer. Math. Soc. 1937. V. 41. № 3. P. 375–481.
4. Александров П. С., Федорчук В. В., Зайцев В. И. Основные моменты в развитии теоретико-множественной топологии // Успехи математических наук. 1978. Т. 33. Вып. 3. С. 3–48; Бурбаки Н. Очерки по истории математики / пер. с фр. М.: ИЛ, 1963; Математический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1988.
5. Александров П. С. Введение в теорию множеств и общую топологию. М.: Наука, 1977; Архангельский А. В., Пономарев В. И. Основы общей топологии в задачах и упражнениях. М.: Наука, 1974; Бурбаки Н. Общая топология. Основные структуры / пер. с фр.

- М.: Наука, 1968; Келли Дж. Общая топология / пер. с англ. М.: Наука, 1981; Колмогоров А. Н., Фомин С. В. Элементы теории функций и функционального анализа. М.: Наука, 1989; Куратовский К. Топология: в 2 т. / пер. с англ. М.: Мир, 1966. Т. 1; 1969. Т. 2; Энгелькинг Р. Общая топология / пер. с англ. М.: Мир, 1986.
6. Виро О. Я., Иванов О. А., Нецветаев Н. Ю., Харламов В. М. Элементарная топология. М.: МЦНМО, 2008; Стинрод Н., Чини У. Первые понятия топологии / пер. с англ. М.: Мир, 1967.
7. Бурбаки Н. Архитектура математики // Бурбаки Н. Очерки по истории математики / пер. с франц. М.: ИЛ, 1963. С. 245–259.
8. Вечтомов Е. М. Философия математики. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013.
9. Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. Изучение теории метрических пространств // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 2(3). С. 103–111.
10. Вечтомов Е. М., Чермных В. В., Широков Д. В. Методика изучения теории действительных чисел // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2(3). С. 56–68.
11. Болтянский В. Г., Ефремович В. А. Наглядная топология. М.: Наука, 1982 (Библиотечка «Квант». Вып. 21); Прасолов В. В. Наглядная топология. М.: МЦНМО, 1995.
12. Вечтомов Е. М. Вопросы определяемости топологических пространств алгебраическими системами непрерывных функций // Итоги науки и техн. ВИНИТИ. Алгебра. Топология. Геометрия. 1990. Т. 28. С. 3–46; *Он же*. Основные математические структуры: учеб. пособие. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. Гл. 4; Gillman L., Jerison M. Rings of continuous functions. N. Y.: Springer-Verlag, 1976.
13. Вечтомов Е. М. Основные математические структуры: учеб. пособие. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. Гл. 7.
14. Вечтомов Е. М. Изучение порядковой структуры // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2(1). С. 111–120; Вечтомов Е. М., Чермных В. В. Изучение алгебраической структуры // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1(3). С. 41–48.
15. Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н. О полукольцах sc -функций // Вестник СыктГУ. Сер. 1: Математика. Механика. Информатика. 2012. Вып. 15. С. 73–82; *Они же*. О тематике научно-исследовательской работы студентов-математиков // Материалы V Всерос. науч.-метод. конф. «Проблемы современного математического образования в вузах и школах России». Киров: Изд-во ВятГУ, 2012. С. 286–291.
16. Александров П. С., Урысон П. С. Мемуар о компактных топологических пространствах. М.: Наука, 1971.
17. Вечтомов Е. М. Основные математические структуры: учеб. пособие. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. С. 235.

В. А. Мазиллов

**ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ
И ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИИ:
НЕОБХОДИМО ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ***

Статья посвящена обсуждению вопросов о первоочередных методологических проблемах истории психологии. Формулируются требования к современной истории психологии. Утверждается, что для адекватной реконструкции истории психологии необходим философский уровень методологии.

This paper is devoted to discussion of issues of immediate methodological problems of the history of psychology. We formulate the requirements for the modern history of psychology. We claim that for an adequate reconstruction of the history of psychology is needed level of philosophical methodology.

Ключевые слова: история психологии, методология, философия психологии, когнитивная методология, психологический факт.

Keywords: history of psychology, methodology, philosophy of psychology, cognitive methodology, the psychological fact.

Историко-психологическое знание представляет собой важнейшую часть корпуса современного психологического знания. Согласно известной позиции, сформулированной в работе М. С. Роговина и Г. В. Залевского, могут быть выделены три вида психологического знания. Первый вид – знание о психических процессах и индивидуальных особенностях, которое есть «предметное знание». Второй вид – знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике – «знание методологическое». Третий вид знания – «знание историческое», в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе [1]. Обратим внимание, выделим и еще раз подчеркнем: знание историческое, согласно этой позиции, – это единство знания предметного и знания методологического. Без методологии слепа история, а без истории методология пуста. Имре Лакатос, несомненно, прав. История психологии действительно позволяет – в полном соответствии с известным афоризмом Роберта Коллингвуда – узнать, что сделано, и

тем самым понять, что представляет собой субъект деятельности. «Идея» истории справедлива не только по отношению к отдельному человеку, но и к науке в целом: «Познание самого себя означает познание того, что вы в состоянии сделать, а так как никто не может знать этого, не пытаясь действовать, то единственный ключ к ответу на вопрос, что может сделать человек, лежит в его прошлых действиях. Ценность истории поэтому и заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым – что он собой представляет» [2].

Важность историко-психологического знания была осознана очень рано. Еще «отец психологии» Аристотель, автор первого дошедшего до нас собственно психологического труда «О душе» (IV в. до н. э.), вторую главу своего знаменитого трактата посвящает рассмотрению взглядов предшественников: «Приступая к исследованию души, необходимо вместе с тем при возникновении трудных вопросов, которые подлежат рассмотрению в дальнейшем, принимать во внимание мнения о душе, высказанные предшественниками, чтобы позаимствовать у них сказанное правильно и избежать всего, что сказано ими неправильно». Поэтому смело можно считать Аристотеля «по совместительству» и «отцом» истории психологии. Первым же собственно историко-психологическим сочинением следует считать труд Ф.-А. Каруса, опубликованный в 1808 г. Это имя сейчас практически забыто. Наверное, это несправедливо. Наука должна помнить имена первопроходцев. Фридрих-Август Карус (1770–1807), талантливый философ, последователь Канта и Якоби. Все его основные труды были опубликованы посмертно. Третий том его “Nachgelassene Werke: Dritter Teil. Geschichte der Psychologie” [3] посвящен истории психологии. Конечно, в настоящее время это сочинение представляет лишь историческую ценность. Должно было пройти время, чтобы история психологии перестала быть коллекцией фактов и анекдотов и стала теоретической дисциплиной, пытающейся не просто описать путь развития науки, но и выявить закономерности этого развития, а следовательно, научиться по тенденциям предсказывать перспективы. Итак, Ф.-А. Карус был первым. Вслед за его сочинением появляется «Диссертация» знаменитого философа шотландской школы Д. Стюарта (1753–1828), в которой, по свидетельству В. Н. Ивановского, под метафизикой понимается индуктивная философия человеческого духа, т. е. по современной трактовке психология [4]. Затем были сочинения Р. Блэки (четырёхтомная «История философии духа», 1848), Г. Зибек (1880) и др. В настоящее время история психологии представляет собой одну из важнейших ветвей психологического знания,

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 12-06-00320

ежегодно публикуются многочисленные исследовательские и учебно-методические работы.

В нашей стране получили заслуженное признание руководства по истории психологии М. Г. Ярошевского, А. В. Петровского, А. Н. Ждан, В. А. Якунина и др.

Наиболее разработанной может считаться концепция М. Г. Ярошевского. В результате многолетней исследовательской деятельности был сформулирован концептуальный подход к истории психологии, выгодно отличающийся от простого описания (изложения дат, фактов, событий), что, заметим, достаточно широко распространено в зарубежной истории психологии.

«Применительно к психологии веками рождались и сменяли друг друга представления о душе, сознании, поведении. Воссоздать правдивую картину этой смены, выявить, от чего она зависела, и призвана история психологии», — пишут известные отечественные историки психологии А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский. Отметим лишь, что в работах М. Г. Ярошевского разработан оригинальный подход к рассмотрению истории психологии, «позволяющий под новым углом зрения проследить эволюцию понятийных структур психологической науки, ее объяснительных принципов и проблем. Этот подход реализуется благодаря ориентации на метод категориального анализа, цель которого — выявить закономерный и системный характер преобразований научных знаний о психике. Тем самым история психологической науки смыкается с ее методологией» [5]. А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский ставят перед собой задачу «воссоздания адекватной реальности целостной и объемной картины науки как деятельности»: «Это, в свою очередь, требует такого преобразования традиционных представлений о различных аспектах научного творчества, которое позволит продвинуться в направлении искомого синтеза. Центром преобразовательной работы должно стать изучение под новым углом зрения интеллектуальной структуры науки. Речь идет именно о ее структуре, а не о содержании, поскольку только на уровне форм мыслительной активности, ее схем могут быть прослежены устойчивые, инвариантные организаторы этой активности. Важнейшие среди этих инвариантов, во-первых, глобальные объяснительные принципы науки (детерминизм, системность, развитие), во-вторых, проблемы, представляющие всю область психологии (психофизическая, психофизиологическая, психосоциальная и др.), и, в-третьих, категории как основные и наиболее устойчивые формы и регуляторы освоения неисчерпаемой психической реальности» [6].

Чрезвычайно важным является понятие «исследовательская программа». «Программа явля-

ется величайшим творением личности ученого, ибо в ней прозревается результат, который в случае ее успешного исполнения явится миру в образе открытия, дающего повод вписать имя автора в летопись научных достижений» [7]. «Разработка программы предполагает осознание ее творцом проблемной ситуации, созданной (не только для него, но и для всего научного сообщества) логикой развития науки и наличием орудий, оперируя которыми можно было бы найти решение» [8]. «Программы исполнялись коллективно, в чем проявлялась коммуникативная составляющая науки как деятельности. Но в них проявлялись и две другие составляющие этой системы: когнитивная и личностная. Смена программ отражала объективный рост знания» [9]. Исследовательская программа как организатор деятельности фокусирует в себе все три переменные: когнитивную, коммуникативную и личностную [10]. Трактовка трехаспектности науки как деятельности, исследовательской программы как структурной единицы этой деятельности, и принципа категориального анализа, призванного реконструировать логику развития науки, представлена и реализована в работах М. Г. Ярошевского [11].

В последние годы этими авторами совместно с В. А. Петровским предпринята попытка упорядочения категориального аппарата психологической науки в рамках конституирования новой психологической дисциплины — теоретической психологии. «Предмет теоретической психологии — саморефлексия психологической науки, выявляющая ее категориальный строй (протопсихологические, базисные, метапсихологические, экстрапсихологические категории), объяснительные принципы (детерминизм, системность, развитие), ключевые проблемы, возникающие на историческом пути развития психологии (психофизическая, психофизиологическая, психогностическая и др.), а также само психологическое познание как особый род деятельности» [12].

Важность подобного рода поисков трудно переоценить. Авторами разработана категориальная система психологии (включающая двадцать четыре основные категории). А. В. Петровский, В. А. Петровский и М. Г. Ярошевский выделяют протопсихологические категории (организм, потребность, реакция, сигнал, различение, аффективность), базисные психологические категории (индивид, мотив, действие, образ, отношение, переживание), метапсихологические категории (Я, ценность, деятельность, сознание, общение, чувство), экстрапсихологические категории (личность, идеал, активность, логос, соучастование, смысл). Действительно, необходимость подобного рода работы сегодня очевидна. А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский несомнен-

но правы, утверждая, что «особенностью формирования теоретической психологии является противоречие между уже сложившимися ее компонентами (категориями, принципами, проблемами) и ее непредставленностью как целостной области как системы психологических категорий» [13].

Также нельзя не согласиться с авторами, что теоретическая психология еще только складывается: «В действительности мы имеем дело с “открытостью” этой научной отрасли для включения в нее многих новых звеньев. В этой связи целесообразно говорить об “основах теоретической психологии”, имея в виду дальнейшую разработку проблематики, обеспечивающую целостность научной области» [14]. Не вдаваясь в анализ этой интересной попытки конституировать новую отрасль психологии, заметим, что в перечне категорий психологии не находится места для понятия «психика». Это представляется не случайным, так как понимание психологии, развиваемое авторами, предполагает детерминизм и, как следствие, сведение в конечном счете психического к непсихическому. Нельзя не отметить, что такая трактовка вызывает некоторую смутную тревогу. Ведь оказывается, что научная психология утрачивает свою специфику. А если предмет психологии не имеет своей психологической специфики (не является центральным психологическим понятием, конституирующим эту науку), то психология обречена на редукцию: никакой системный подход не сможет избавить ее от этой участи. Напомним, что Шпрангер в начале прошлого века предупреждал, что психическое следует объяснять через психическое. И для этого есть немалые основания. Представляется, предмет психологии следует полагать таким образом, чтобы была возможность «разрабатывать психологию», не сводя ее к «вещам» более элементарным (в особенности к собственно вещам).

Еще раз отметим, что подход, развиваемый в работах М. Г. Ярошевского, продуктивен и перспективен. Но, как нам представляется, он не позволяет конструктивно решить всех задач, стоящих перед современной психологией. В основе подхода, разрабатываемого в трудах М. Г. Ярошевского, фактически лежит представление о кумулятивном накоплении знания, его «объективном росте». Между тем роль истории психологии, как можно полагать, значительнее, чем просто фиксация произошедших изменений в категориальной структуре и объяснительных принципах науки. Цитированные выше американские авторы отмечают, что причина повышенного интереса психологов к истории своей науки – в специфике самой психологии. «В этом отношении психология – наука уникальная, ведь на большинстве факультетов вовсе не предлагают лекций по истории своей науки. Почему же психо-

логи так интересуются ею?» Ответ выглядит так: «...многие вопросы, над которыми ученые размышляли сотни лет назад, актуальны и сегодня; в психологии – в отличие от других наук – очевидна преемственность предметов и методов изучения. Это означает, что психология имеет более осязаемую и живую связь с собственным прошлым, исследование которого психологи полагают важным и нужным» [15].

Другим важным направлением в отечественной истории психологии являются исследования А. Н. Ждан (1990, 1997) [16], в которых история психологии рассматривается как изменение предмета, методов и проблем, подлежащих изучению. Необходимо отметить исследования В. А. Кольцовой и Ю. Н. Олейника (1999) [17]. В этой работе получили отражение такие важнейшие вопросы, как определение объекта и предмета истории психологии, принципы и методы историко-методологического исследования и др. Важные вопросы также затрагиваются в исследованиях В. В. Большаковой, А. А. Никольской, Т. Д. Марцинковской и др. Необходимо отметить также вклад в историю психологии авторов фундаментального исследования «Психологическая наука в России XX столетия» (1997) К. А. Абульхановой-Славской, А. И. Анцыферовой, А. В. Брушлинского, В. В. Знакова, В. А. Кольцовой, Ю. Н. Олейника, Б. Н. Тугайбаевой [18]. В данной работе содержится ценный материал, позволяющий сопоставить развитие отечественной психологической науки с тенденциями, существовавшими в мировой психологии.

К сказанному стоит добавить один принципиально важный момент. В психологии много «языков». Это, в частности, означает, что теории, предложенные «в истории психологии», нельзя однозначно квалифицировать как «правильные» или «неправильные». Вовсе не обязательно последующая «лучше», «правильнее» предыдущей. Одно и то же явление может быть успешно описано языком разных теорий, причем каждое описание, вероятнее всего, будет иметь свои преимущества. При этом важно, что в психологии до сих пор действует описанный некогда Выготским закон развития идеи. В работе «Исторический смысл психологического кризиса» был сформулирован известный взгляд на «развитие идей»: Выготский выделил пять этапов, которые описывают полный цикл существования психологической теории от момента ее возникновения, через этап экспансии «в соседние дисциплины», кончая этапом, когда «идея выходит в отставку и получает по своему ведомству генеральский чин». Это означает, что в психологии до сих пор (за семьдесят пять лет в этом отношении ничего не изменилось) не выработан механизм соотношения теорий, позволяющий определить сферу их

применения. В результате созданная концепция стремится превзойти «уровень компетенции», что резко снижает ее ценность, так как очень скоро становится очевидно, что «супертеории», объясняющей все, из нее не получается. Жизнь в отставке может быть безбедной, но реальный вклад в совокупное знание оказывается значительно меньшим, чем мог бы быть. Выражаясь образно, именно здесь причина того, что психология предстает «бедной, бедной психологией», постоянно теряющей собственный предмет (М. Г. Ярошевский). С другой стороны, это явно препятствует осознанию реального богатства, так как отсутствует упорядоченность имеющегося знания.

Проблемам методологии истории психологии уделяли внимание такие выдающиеся отечественные исследователи, как К. А. Абульханова, Б. Г. Ананьев, Л. И. Анцыферова, В. В. Большакова, Е. А. Будилова, М. С. Гусельцева, А. Н. Ждан, А. Л. Журавлев, В. А. Карацан, Е. А. Климов, В. А. Кольцова, Е. В. Левченко, Н. А. Логинова, Т. Д. Марцинковская, И. А. Мироненко, Е. С. Минькова, О. Г. Носкова, Ю. Н. Олейник, А. В. Петровский, К. К. Платонов, М. С. Роговин, В. А. Роменец, С. Л. Рубинштейн, А. А. Смирнов, М. В. Соколов, Б. М. Теплов, А. Н. Ткаченко, О. М. Тутунджян, Е. В. Шорохова, А. В. Юревич, В. А. Якунин, М. Г. Ярошевский и др. К сожалению, в рамках настоящей статьи в силу ограниченности ее объема нет возможности проанализировать методологические идеи вышеупомянутых авторов. Остановимся чуть подробнее на работах В. А. Кольцовой.

Детальную разработку проблемы методологии истории психологии получили в многолетних исследованиях В. А. Кольцовой [19]. Важно подчеркнуть, что В. А. Кольцовой удалось раскрыть противоречивость и альтернативность процесса психологического познания. Автором разработано новое, расширенное, понимание предметной области истории психологии и, что особенно важно, осуществлена концептуализация предметной области. В. А. Кольцовой разработаны такие важнейшие для современной истории психологии вопросы, как классификация методов историко-психологического исследования, проанализированы проблемы источниковедения и историографии истории психологии [20]. В работах В. А. Кольцовой получили осмысление новые тенденции и задачи историко-психологических исследований в современную эпоху [21].

Нельзя не согласиться с констатацией В. А. Кольцовой: «Разработка проблем методологии историко-психологического исследования – условие обеспечения достоверности и объективности получаемых знаний, предпосылка успешной реализации основной функции истории психологии – исследования и сохранения

всего позитивного и ценного, что накоплено в ходе исторического познания» [22].

Вместе с тем, несмотря на достигнутые впечатляющие результаты, остаются некоторые методологические вопросы историко-психологического познания, которые требуют дополнительного обсуждения. Задача настоящей статьи состоит в детекции некоторых новых методологических вопросов и обсуждении возможных подходов к их решению. Главный тезис настоящей статьи заключается в попытке обоснования того, что история психологии должна не только освещать прошлое, но и заглядывать вперед. В этом состоит смысл названия данной статьи, указывающего на «новизну»: не отвергая ничего из работ методологов истории психологии, мы пытаемся обнаружить новые грани методологического поиска в данной области.

Обратимся к анализу некоторых сложностей, возникающих при описании истории психологии. Эти сложности многочисленны и разнородны, прекрасно известны любому непредвзятому историку психологии. Нет нужды их перечислять, подробно описывать, поэтому только обозначим лишь некоторые из них (перечень их легко продолжить).

Известно, что «история пишется победителями». Это справедливо как для Большой Истории, так и для истории науки. Как следствие, возможные «точки отсчета» могут существенно различаться. Хорошо известны попытки проследить историю психологии с той фазы, когда она стала самостоятельной наукой и, соответственно, рассматривать развитие психологии в рамках философии и естествознания лишь как предысторию научной психологии. Не надо пояснять, что если автор придерживается иного взгляда – скажем, что выделение ее в самостоятельную науку не очень значительный эпизод в многовековой истории психологического знания – история будет во многом иная.

Иные события, иные герои. Аналогичным образом, за точку отсчета может быть принято использование экспериментального метода. И т. д. и т. п. Известно, что история психологии, представленная каким-то автором, весьма существенно определяется его принадлежностью к той или иной школе. Представим себе историю психологии, написанную когнитивным психологом, и сопоставим с историей психологии, составленной трансперсональным психологом. Можно полагать, что и персоналии и события в этих историях будут сильно различаться. Обычно это интерпретируется как произвольность и субъективность авторской позиции.

Главная проблема, на наш взгляд, состоит в том, что практически мы вынуждены описывать историю психологии, исходя из норм и ценнос-

тей сегодняшнего дня. А для того чтобы не упустить важные тенденции в дне сегодняшнем (как и в «днях минувших»), мы должны попытаться оценить их «из будущего». На первый взгляд это представляется если не глупостью, то уж, как минимум, утопией. Ведь не можем мы заглянуть в день завтрашний! Мы полагаем, однако, что такое в принципе возможно. И эту роль, функцию «антиципирования» будущего, по нашему мнению, призвана выполнять философия психологии. О философии психологии, которая включается в структуру методологии психологической науки, скажем ниже.

Вторая проблема, которую хотелось бы поставить и частично обсудить в рамках настоящей статьи, на наш взгляд, заключается в том, что история психологии в значительно большей мере, чем она реализует сегодня, могла бы использовать интегративный подход, нацеленный на интеграцию психологического знания (обсуждению этого вопроса посвящена специальная статья – см. [23], поэтому специально ее в настоящем тексте анализировать не будем).

Объединение обсуждения этих двух разных проблем в рамках одного текста объясняется очень просто – средством решения этих проблем выступает усиление методологической составляющей историко-психологического знания. Напомним, историческое знание – это единство знания предметного и методологического.

Какой должна быть новая история психологии? Назовем несколько ее характеристик.

Должна отражать наличие различных потоков в психологическом знании.

Должна отражать достижения не только психологической науки, но и психологической практики.

Должна учитывать достижения ненаучного и вненаучного знания.

Должна быть ориентирована на интеграцию психологического знания, обнаружение в позициях различных исследователей не только очевидных различий, но и сходства, акцентирование общего.

В наших работах конца 90-х гг. прошлого века было показано, что методология имеет конкретно-исторический характер и в идеале должна отвечать на вопросы и реагировать на проблемы, которые возникают внутри предметного поля науки. Иногда методологические изыскания опережают потребности науки, иногда запаздывают. В настоящее время на первый план выступает разработка общей методологии психологии. Подчеркнем, что это не попытка создать общую теорию. Мы разделяем мнение Юнга, согласно которому время общих теорий в психологии еще не пришло.

Дело в том, что резерв, который состоял в разработке отдельных изолированных методологичес-

ких проблем (хотя и, несомненно, важнейших для психологии), к настоящему моменту практически исчерпан. В настоящий момент актуальна разработка проблем в комплексе, что ставит задачу разработки общей методологии психологии, в которой отдельные методологические категории оказались бы соотносенными в едином смысловом пространстве. Именно в их концептуальном соотношении видится новый резерв методологических исследований и разработок [24].

Представляется, что когнитивная методология, отвечающая задачам сегодняшнего дня, должна иметь уровневое строение. Это уровневое строение должно отражать не только разнородность самого психологического содержания, но и принципиально различающиеся способы и методы работы на разных уровнях. Вообще, полезно помнить, что психология еще очень молодая наука, многое в ней не устоялось, поэтому, возможно, нас ожидают в самом скором будущем удивительные метаморфозы образа любимой науки. В. Ф. Петренко отмечает: «...нет единой психологической науки, а есть скорее конгломерат наук с разными объектами и методами исследования, называемый одним именем – “психология”. И ряд областей психологии, например, социальная психология, гораздо ближе к языку и методам к родственным научным дисциплинам, например, к социологии, чем к психофизике или медицинской психологии. Вполне возможно, что в дальнейшем из “психологии” выделится целый букет предметных наук, как в свое время из философии выделились физика, химия, биология и сама психология» [25]. Изменится психология так сильно, как предполагает В. Ф. Петренко, или перемены будут менее глобальны? Не подлежит сомнению, что эти перемены будут, поэтому мы полагаем, что необходимо ставить задачу прогнозирования этих перемен. По нашему убеждению, решать эти вопросы должна философия психологии (или философская составляющая когнитивной методологии).

В когнитивной методологии можно выделить по крайней мере три уровня: философия психологии, собственно когнитивная предметная методология; методология психологического исследования. Подчеркнем, что разные уровни не только связаны с различным содержанием, но и характеризуются различными средствами их разработки. Отметим, что философский уровень в настоящее время проработан в меньшей степени, чем два других. (Чтобы избежать недоразумений, скажем, что в данной статье речь идет только о когнитивной методологии. Других разделов методологии психологии – коммуникативной, методологии психологической практики, социальной методологии (А. В. Юревич) – мы в настоящей статье не касаемся).

Верхний уровень – философия психологии. Нам уже приходилось писать о важности философской психологии для разработки методологических вопросов психологии [26]. Дадим самую общую характеристику философии психологии как уровня когнитивной методологии.

1. Этот уровень имеет дело с идеями. Используя терминологию К. Поппера, можно сказать, что философия психологии имеет дело с «третьим миром».

2. Это основная зона ближайшего развития и психологии, и ее методологии.

3. Вписывает психическое в научную картину мира.

4. Философия психологии вырабатывает понимание предмета.

5. Конструирует предметное пространство психологии.

6. Определяет ориентиры и магистральные задачи.

7. Обнаруживает перспективы для междисциплинарных исследований.

8. Обеспечивает единство психологии.

9. Обеспечивает интеграцию различных потоков психологического знания. В данном пункте требуются хотя бы минимальные пояснения. Дадим их. Речь, в частности, о том, что кроме «академической», научной психологии существуют другие потоки психологического знания в культуре. Это и трансперсональная психология, и гуманистическая, и различные варианты практической психологии и психопрактики. И литература, и искусство, которые тоже по-своему раскрывают психическую жизнь человека.

10. Философия психологии производит учет и интеграцию всего психологического знания (во всяком случае, на уровне идей).

11. Философия психологии является основным фактором, определяющим стратегию историко-психологического исследования. Тезис также нуждается в пояснении. Автор, описывая какое-то историческое событие, в качестве позиции для выбора оценки реально использует позицию «из будущего» (не из сегодняшнего дня). Именно поэтому категория философии психологии так важна для истории психологии.

12. И последнее, может быть, самое важное. Философия психологии, как мы ее представили в настоящем тексте, существует реально, только, к сожалению, в силу разных причин к настоящему времени недостаточно разработана. И особенно удивительным представляется то, что в психологии совершенно не исследованы представления о философии психологии реальных психологов-исследователей, делающих науку сегодня. Вряд ли стоит разяснять, что от этих представлений (в разной степени осознанных и от-рефлексированных) в значительной степени за-

висит эффективность собственных научно-психологических исследований. Предполагаем осуществление цикла эмпирических исследований содержания и структуры философии психологии как раздела психологии.

Как можно полагать, разработка философии психологии как раздела психологии, а не философии науки, будет способствовать дальнейшему развитию психологической науки. Обратим внимание на то, что такая разработка существенно увеличит прогностические возможности в определении перспектив развития науки.

Примечания

1. *Роговин М. С. Залевский Г. В.* Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования. Томск, 1988.

2. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 14.

3. *Carus F. A.* Nachgelassene Werke: Dritter Teil. Geschichte der Psychologie. Leipzig, 1808.

4. *Ивановский В. Н.* Ассоциационизм психологический и гносеологический. Историко-критическое исследование. Ч. 1. Казань: Типолитограф. Император. ун-та, 1909.

5. *Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* История психологии. М.: РГГУ, 1994. С. 4.

6. Там же. С. 22–23.

7. Там же. С. 26.

8. Там же. С. 26.

9. Там же. С. 27.

10. Там же. С. 28.

11. *Ярошевский М. Г.* Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1974; *Ярошевский М. Г.* История психологии. М.: Мысль, 1985.

12. *Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 10.

13. Там же. С. 11.

14. Там же.

15. *Шульц Д., Шульц С.* История современной психологии. СПб.: Евразия, 1998. С. 19.

16. *Ждан А. Н.* История психологии. М., 1997.

17. *Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* История психологии: теоретические и методологические проблемы исследования // Современная психология. М.: Инфра-М, 1999. С. 578–590.

18. Психологическая наука в России XX столетия. М.: ИП РАН, 1997.

19. *Кольцова В. А.* Методолого-теоретические основы историко-психологического исследования. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2004; *Кольцова В. А.* История психологии: Проблемы методологии. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2008.

20. *Кольцова В. А.* История психологии ...

21. Там же.

22. Там же. С. 6.

23. *Мазиллов В. А.* История психологии – необходимость нового историко-методологического подхода // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: материалы междунар. конф. по истории психологии «IV московские встречи», 26–29 июня 2006 г. / отв. ред. А. Л. Журавлев,

В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2006. С. 98–106.

24. Мазиллов В. А. Актуальные методологические проблемы современной психологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 2. С. 149–155; Мазиллов В. А. Методология современной психологии: актуальные проблемы // Сибирский психологический журнал. 2013. № 50. С. 8–16; Мазиллов В. А. Перспективы парадигмального синтеза в современной психологии // Ярославский педагогический вестник: науч. журн. 2013. № 3. Т. 2 (психолого-педагогические науки). С. 186–194.

25. Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010. С. 93.

26. Мазиллов В. А. Разработка философии психологии – первоочередная задача российской психологии XXI века // Социальная психология: Теория. Эксперимент. Практика. Т. 2. Ярославль: МАПН, 2000. С. 211–220.

УДК 37.015.324

О. Г. Селиванова

СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ ШКОЛЬНИКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ

В статье раскрываются такие понятия, как «субъектность школьника», «образовательная деятельность школьника», «становление субъектности школьника в образовательной деятельности» и взаимосвязи между ними.

The article describes the concepts such as «subjectivity of pupil», «educational activity of pupil», «formation of subjectivity of pupil in the educational activity» and the relationship between them.

Ключевые слова: субъектность школьника, образовательная деятельность школьника, становление субъектности школьника в образовательной деятельности.

Keywords: subjectivity of pupil, educational activity of pupil, formation of subjectivity of pupil in the educational activity

В нашем исследовании становления субъектности школьника в образовательной деятельности мы исходим из изменения типа философского мышления в XXI в. (переходом от классической метафизики к логике постметафизики), в контексте которого радикально по-новому понимаются взаимоотношения человека и мира: в условиях информационной цивилизации преобразовательная деятельность человека направлена не столько на совершенствование внешнего мира, сколько на изменение себя. По мнению П. С. Гу-

ревича, на протяжении веков «философское понимание человека не оставалось неизменным», а «с течением времени менялось лишь представление о человеке, его образ» [1].

В этом контексте понятие «образование» можно рассматривать как производное от корня «образ», понимая его как «построение и развитие человеком своего образа окружающего мира и образа своего «Я», своего места, своей роли в этом мире» [2]. Важно, что эта идея нашла свое отражение в новом Законе РФ «Об образовании», где образование трактуется как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественным благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства» [3]. В документе подчеркивается также направленность образования на удовлетворение образовательных потребностей и интересов человека.

Как утверждает Н. А. Низовских, человек в современных условиях выступает как «автор самого себя» [4] и в этом случае трансцендентальный субъект уступает место конкретному, реальному. Это означает, что центральной фигурой образования становится учащийся, «понимаемый не абстрактно, не как класс, группа или весь контингент учебного заведения, а рассматриваемый на уровне каждого отдельного человека, во всем богатстве и многообразии его личностных интересов, потребностей, устремлений» [5].

Учитывая, что иногда «непонимание учеными друг друга было связано не со сложностью самих проблем, а с неоднозначным употреблением слов» [6], рассмотрим принципиальные для нашего исследования понятия.

Как показал наш анализ, большинство психологов наряду с развитием ребенка как природного существа (индивида) и как социального продукта (личности) рассматривают его в качестве результата саморазвития (субъекта) (см. табл. 1).

Взаимоотношение между этими характеристиками человека наиболее точно раскрыл Б. Г. Ананьев, утверждавший, что «единичный человек как индивидуальность может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида» [7]. Однако психологические знания о субъекте не получили серьезной педагогической интерпретации.

Проанализированные нами ведущие педагогические исследования показали, что применительно к ученику характеристика «субъект» применяется давно и используется как синоним понятия «ученик». Так, Г. И. Щукина полагала, что «для педагогики одним из определяющих вопросов является позиция ребенка в деятельности любого вида, его активная и самостоятельная роль

как деятеля... сущность развития личности ребенка состоит в качественном изменении деятельности, в которой он выступает как субъект» [8]. Но признание педагогом школьника субъектом учения еще не влечет за собой существенных изменений в организации образовательного процесса, новых методических решений. В то же время углубление и расширение понимания субъектности школьника в современных условиях имеет большой педагогический смысл, поскольку открывает новые возможности повышения эффективности образовательного процесса.

Наш подход к пониманию субъектности школьника заключается в том, что школьник как субъект активно взаимодействует с собой как индивидом, как личностью, что позволяет нам выдвинуть следующие положения:

1. Процесс становления субъектности школьника основан на самопознании в учении, то есть изучении им собственных физических и психических особенностей, осмыслении самого себя как природного существа.

Сегодня многие педагоги изучают особенности памяти, внимания, мышления школьников, чтобы учесть эти характеристики в процессе обучения. Однако важно, чтобы о своих индивидуальных особенностях знал сам ученик. Более того, важно, чтобы в его арсенале были также дидактические средства и возможности для их использования. Например, если ученик знает вид памяти, который является у него доминирующим (слуховая, зрительная, моторная), то он, выполняя задание учителя – выучить стихотворение, выберет адекватный способ – попросить кого-то прочесть ему текст; заучивать, опираясь на зрительный образ; запоминать, переписывая стихотворение.

Таким образом, мы выделяем в субъектности когнитивный компонент, который означает знание им своих индивидуальных особенностей и учет их в процессе учения.

2. Процесс становления субъектности школьника предполагает его самоопределение в учении как сознательный акт занятия личностью своей позиции в той или иной ситуации в процессе обучения.

Ученик будет активно действовать в том случае, если учение имеет для школьника личност-

ный смысл, входит в систему его ценностей. Для нашего исследования важна позиция Е. А. Сергеевко, которая рассматривает личность как стержневую структуру субъекта, задающую общее направление самоорганизации и саморазвитию. «Метафорически это соотношение можно представить в виде командного и исполнительного звеньев. Личность задает направление движения, а субъект – его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Тогда носителем содержания внутреннего мира человека будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах – субъект. В этом случае человек будет осуществлять зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума субъект – личность» [9]. Таким образом, субъект – это всегда зрелая личность, осознающая, с одной стороны, необходимость соответствия своей деятельности требованиям государства (выраженным в ФГОС) и, с другой стороны, наличие собственных образовательных потребностей. Субъектность школьника развивается в процессе согласования социально и личностно значимых целей учения.

Такой подход дает нам возможность выделить **аксиологический** компонент субъектности, суть которого в наличии у школьника системы гуманистических ценностей и личностных смыслов учения.

3. Процесс становления субъектности школьника предполагает его самореализацию в учении, то есть стремление добиваться максимально возможных для него личностно и социально значимых результатов образования.

Мы полагаем, что самореализация школьника проявляется в управлении им качеством своего образования, что предполагает выполнение субъектом управления определенных функций. В нашем случае учитель постепенно делегирует их выполнение ученику, а он учится их выполнять. Передача управленческих функций ученику не означает самоустранения педагога от управления учением школьников. Его управленческая деятельность наполняется новым содержанием (см. табл. 2).

Таблица 1

Основные подструктуры организации человека

Подструктуры организации человека	Содержательные характеристики	Основная форма развития
Индивид	Возрастно-половые признаки, нейродинамические свойства мозга, индивидуально-типические особенности, темперамент и задатки	Онтогенез
Личность	Совокупность отношений, характер и склонности, направленность	Социализация
Субъект	Совокупность деятельностей, жизненный опыт	Самоизменение

Мы определяем субъектность школьника как его способность анализировать учебную ситуацию и себя в ней, ставить цели своей деятельности, находить способы их достижения, контролировать ход своих действий и оценивать результат. Совокупность этих умений составляет **деятельностный** компонент субъектности школьника.

Как известно, становление субъектности школьника происходит в разных видах деятельности. Но дело в том, что «все, что относится к деятельности обучающегося, воспитанника, традиционно считается предметом психологии» [10]. Справедливость этого утверждения подтверждается тем, что категория «учение» была предметом исследования многих отечественных психологов (Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, И. А. Зимняя, И. Ильясов, А. Н. Леонтьев, А. К. Маркова, С. Л. Рубинштейн, Д. Б. Эльконин). В настоящее время утвердилась точка зрения, что особой формой учения школьника выступает его учебная деятельность, однако однозначного понимания ее сущности и содержания до сих пор не выработано. Так, В. В. Давыдов полагал, что «содержанием учебной деятельности выступают теоретические знания, овладение которыми посредством этой деятельности развивает у учащихся основы теоретического сознания и мышления, а также творчески-личностный уровень осуществления практических видов деятельности» [11]. И. А. Зимняя определяет учебную деятельность как «деятельность субъекта по овладению обобщенными способами учебных действий и саморазвитию в процессе решения учебных задач, специально поставленных преподавателем, на основе внешнего контроля и оценки, переходящих в самоконтроль и самооценку» [12]. Т. В. Габай полагает, что «учебная деятельность – это совместная деятель-

ность, в которой один из ее участников приобретает опыт (основной компонент), а другие создают благоприятные условия для этого, то есть осуществляют всю сумму подготовительных компонентов усвоения» [13]. Таким образом, «обеспечивая познание, учебная деятельность дает его в качестве прямого продукта» [14]. Познание, по мнению ученого, может осуществляться и в других формах, таких как исследовательская деятельность и самообучение, которые также осуществляются в процессе учения.

Несмотря на значительный вклад отечественных психологов в разработку концепции учебной деятельности, нерешенными остаются многие вопросы. Поскольку формирование учебной деятельности происходит главным образом в начальной школе (именно для младших школьников она является ведущей), то каким образом она изменяется (или должна изменяться) на других ступенях обучения? Обеспечивает ли учебная деятельность школьника достижение им новых результатов образования, определенных Федеральными государственными образовательными стандартами – предметных, метапредметных, личностных? Как можно учесть индивидуальные познавательные потребности и образовательные возможности школьника, как требует новый Закон РФ «Об образовании», в процессе учебной деятельности?

Проблема заключается в том, что хотя в контексте современной парадигмы образования центральной фигурой образовательного процесса выступает ученик, но о его деятельности в педагогических исследованиях «зачастую вообще не упоминается, хотя все авторы единодушно указывают на субъектность обучающегося» [15]. Мы связываем решение многих проблем в образовании с тем, что наряду с нормативно-заданной

Таблица 2

Деятельность учителя и ученика по управлению качеством образования

Функции управления	Деятельность ученика	Деятельность учителя
Информационно-аналитическая	Анализирует свой субъектный познавательный опыт и информацию о параметрах деятельности	Организует актуализацию субъектного опыта школьников, четко и конкретно определяет параметры деятельности учащихся
Мотивационно-целевая	На основе самомотивации осуществляет субъектное целеполагание	Создает условия для самомотивации и субъектного целеполагания школьников
Планово-прогностическая	Прогнозирует результат деятельности и планирует свои действия по его достижению	Помогает учащимся спрогнозировать результат деятельности и спланировать действия по его достижению
Организационно-исполнительская	Выполняет учебные действия	Консультирует учащихся в случае затруднения
Контрольно-оценочная	Контролирует ход деятельности и оценивает достигнутый результат, выявляет его соответствие или несоответствие поставленной цели	Оценивает результат деятельности школьников или организует взаимно- и самооценку
Регулятивно-коррекционная	Выявляет причины соответствия или несоответствия результата поставленной цели, ищет пути их устранения	Осуществляет вместе с учащимися коррекцию деятельности. Обеспечивает рефлексию учащимися собственной деятельности

Сравнительная характеристика учебной и образовательной деятельности школьника

	Учебная деятельность	Образовательная деятельность
Мотивы	Познавательные и социальные	Мотивы самореализации, достижения успеха
Цель	Задается педагогом, принимается учеником	Согласование социально и лично значимых целей
Содержание	Усвоение социокультурного опыта в виде знаний, умений и навыков	Инвариантный (требования ФГОС) и вариативный (личностное) компоненты
Результат	Степень усвоения знаний, умений и навыков	Социально и лично значимые результаты образования

деятельностью у школьника должна быть возможность для реализации образовательной деятельности, основанной на его выборе и желании. *Образовательная деятельность школьника рассматривается в нашем исследовании «как деятельность обучающегося по развитию своего жизненного опыта»* [16].

Для дифференциации понятий сравним учебную и образовательную деятельность школьника (табл. 3).

Образовательная деятельность школьника, по нашему мнению, включает самообучение, самовоспитание и саморазвитие ребенка. Самообучение мы рассматриваем как целенаправленный осознанный процесс самостоятельного освоения человеком знаний, умений и навыков, исходя из его познавательных потребностей и образовательных возможностей. Самовоспитание, по нашему мнению, – это систематическая деятельность человека, направленная на выработку у себя или совершенствование определенных качеств (физических, моральных, эстетических) в соответствии с собственными целями, идеалами, убеждениями. С нашей точки зрения, саморазвитие можно определить как процесс осознанного самоизменения человеком самого себя.

Мы убеждены, что процесс становления субъектности школьника во многом определяет характер, направленность и содержание его образовательной деятельности. Так, самопознание ребенком своих индивидуальных характеристик позволяет ему целенаправленно и осознанно самому развивать те, которые необходимы для успешного учения. Формируя собственную позицию в учении, то есть осуществляя самоопределение, школьник начинает совершенствовать свои личностные качества (самовоспитание). Потребность в самореализации находит свое проявление в самостоятельной организации школьником собственного учения (самообучение).

Проведенный нами анализ понятийного поля позволил сформулировать ключевое понятие исследования, которое заключается в том, что *становление субъектности школьника в образовательной деятельности выступает как процесс осознания им своих потребностей в познании*

и преобразовании себя и окружающего мира в ходе постановки и достижения лично и социально значимых целей учения.

Результатом становления субъектности школьника в образовательной деятельности является развитие у школьников субъектных качеств как инновационных характеристик личности, адекватных современному этапу развития российского общества и информационной цивилизации XXI в.

Примечания

1. Гуревич П. С. Философские традиции в постижении человека // *Философия и культура*. 2013. № 2(62). С. 141.
2. Новиков А. М., Новиков Д. А. *Методология научного исследования*. М.: Либроком, 2010. С. 35.
3. Федеральный закон РФ от 29.12.12 г. № 273-ФЗ. URL: <http://минобрнауки.рф/>
4. Низовских Н. А. *Человек как автор самого себя: психосемантическое исследование жизненных принципов в структуре саморазвивающейся личности*. М.: Смысл, 2007. С. 3.
5. Новиков А. М. *О предмете педагогики* // *Педагогика*. 2010. № 6. С. 12.
6. Новиков А. М. *Докторская диссертация?: пособие для докторантов и соискателей уч. степени д-ра наук*. 3-е изд. М.: Изд-во «Эгвес», 2003. С. 45.
7. Ананьев Б. Г. *Человек как предмет познания*. СПб.: Питер, 2002. С. 334.
8. Щукина Г. И. *Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе: учеб. пособие для студ. ин-тов*. М.: Просвещение, 1979. С. 17.
9. Сергеев Е. А. *Развитие идей А. В. Брушлинского: соотношение категорий субъекта и личности. Человек, субъект, личность в современной психологии: материалы Междунар. конф., посвященной 80-летию А. В. Брушлинского*. Т. 1 / отв. ред. А. А. Журавлев, Е. А. Сергеев. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2013. С. 43.
10. Новиков А. М. *О предмете педагогики*. С. 12.
11. Давыдов В. В. *Теория развивающего обучения*. М.: ИНТОР, 1996. С. 146–147.
12. Зимняя И. А. *Педагогическая психология: учеб. для вузов*. Изд. 2-е, доп., испр. и перераб. М.: Изд. корпорация «Логос», 1999. С. 192.
13. Габий Т. В. *Педагогическая психология: учеб. пособие для студ. вузов*. М.: Академия, 2003. С. 116.
14. Там же. С. 117.
15. Новиков А. М. *О предмете педагогики*. С. 12.
16. Новиков А. М. *Основания педагогики: пособие для авторов учебников и преподавателей*. М.: Изд-во «Эгвес», 2010. С. 25.

И. К. Войтович

ЭЛЕКТРОННЫЕ УЧЕБНЫЕ ОБОЛОЧКИ: ИЗ ОПЫТА МЕЖДУНАРОДНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье анализируются некоторые дидактические аспекты использования электронных учебных оболочек в практике вузовского преподавания. Статья опирается на вузовский опыт в области электронного обучения, приобретенный в результате международного академического сотрудничества и партнерских отношений с рядом учебных заведений США.

The article discusses didactic aspects of using course management systems in university teaching and is based on the results of international academic exchange programs between UdSU and some colleges of the USA.

Ключевые слова: электронное обучение, электронные учебные оболочки, технологии в образовании, иностранные языки.

Keywords: e-learning, course management systems, technology in education, foreign languages.

В развитых странах мира вряд ли удастся найти учебное заведение, которое бы осуществляло свою образовательную деятельность без использования той или иной электронной учебной оболочки (*course management systems*). С их помощью осуществляется практически вся учебная деятельность – очное обучение, самостоятельная работа студентов, дистанционное обучение. Программы-оболочки являются наиболее распространенной разновидностью инструментальных программ, позволяющих преподавателю создавать собственные элементы автоматизированных учебных курсов. Преподаватель, имеющий навыки пользователя ПК, имеет возможность вводить в заданный формат собственный учебный материал. Оболочки могут быть ориентированы на универсальное предметное содержание или на определенную область знания (например, математику или иностранный язык). Оболочка может подгоняться под специфические задачи учебного заведения, которое само определяет, какие ее инструменты использовать для разработки учебных программ. Выбор вузом электронной оболочки зависит от ряда причин: стоимость, удобство использования, соответствие целям и задачам учебного заведения. Применение электронных оболочек в учебном процессе становится особенно актуальным в условиях идеи о непрерывности образования и вовлечения в образовательные процессы всех слоев общества: взрослых, пожилых, лиц с ограниченными воз-

можностями. Поэтому рынок стремительно растет и предлагает все больше и больше систем, позволяющих качественно изменить учебный процесс в условиях перехода к информационному обществу и иному типу образования.

Целью данной статьи является обобщение некоторого теоретического и практического опыта, приобретенного преподавателями ИИЯЛ УдГУ в результате международного академического сотрудничества с рядом вузов США, Германии, Франции, Испании и Чехии. Опыт обучения и даже преподавания на основе используемых зарубежными партнерами электронных учебных оболочек в дальнейшем пригодился не только в координировании совместных дистанционных курсов, предлагаемых для наших студентов зарубежными вузами-партнерами, но и в практике дистанционного обучения иностранным языкам студентов ИИЯЛ с ограниченными физическими возможностями здоровья.

Первое знакомство ряда преподавателей ИИЯЛ с наиболее широко применяемыми в мировой практике электронного обучения ЭУО произошло благодаря партнерским отношениям и программам международного академического сотрудничества (см. таблицу). Здесь преподаватели получили представление о том, что такое ЭУО, как они устроены и как в них работать. В число электронных учебных оболочек и других образовательных платформ для удаленного доступа, с которыми преподаватели ИИЯЛ познакомилось познакомиться, входят Web CT, Angel, Blackboard, Google Sites и др. Конечно, зарубежный опыт дистанционного обучения имеет меньшая часть преподавателей ИИЯЛ (10 человек), но именно они являются своеобразными проводниками широких возможностей электронного обучения в традиционной студенческой аудитории и наглядным примером для других преподавателей (см. таблицу).

Функции учебных сетевых оболочек многообразны: они дают возможность представить учебный материал в новом формате; проводить исследования-опросы, викторины, тесты; вести переписку внутри учебного курса, участвовать в дискуссиях и чатах – общаться; выполнять учебные задания; объединяться в группы или команды для выполнения проектных работ; преподавателям – наблюдать за работой студента и динамикой обучения каждого, а студентам – видеть свой прогресс и оценки в период обучения. При этом оболочка может функционировать как дополнение к традиционным учебным курсам или как отдельный сайт для дистанционного обучения.

Учебные курсы могут быть представлены как в простой, так и в сложной электронной оболочке. Так, например, учебные курсы ИИЯЛ УдГУ разрабатываются в оболочке «МОДУС», отно-

нительно простой, но поддерживающей все необходимые функции. Осуществляемые совместно с американским колледжем программы используют более сложные и дорогие оболочки, как, например, «WebCT» или «Angel», в которых стандартными ресурсами являются следующие:

- Библиотека (Library Resources) – обеспечивает доступ к ресурсам библиотеки учебного заведения.

- Календарь (Event Calendar) – отражает важные даты, общественные события, даты тестов, экзаменов или зачетов и т. д.

- Новости (In the News) – держит вас в курсе последних событий вуза.

- Опросы общественного мнения (Public Surveys) – дает возможность участвовать в проводимых на базе учебного заведения исследованиях-опросах.

- Форумы (Public Forums) – позволяют принять участие в публичных дискуссиях вуза.

Надо отметить, что американские учебные заведения постоянно работают над техническим совершенствованием своих дистанционных программ, что в том числе проявляется и в тенденции менять используемые для дистанционных или он-лайн курсов учебные оболочки. При этом зарубежные преподаватели достаточно спокойно относятся к нововведениям. От студента же требуется умение свободно осуществлять навигацию курса, что предполагает знание функций следующих вкладок:

- Курс (Course) – инструменты этой вкладки позволяют видеть содержание курса, степень участия студента в работе курса, оценки, дис-

куссии, объявления, новые письма, задания и прочие вещи, относящиеся к курсу. Здесь также можно найти информацию о преподавателе, ведущем курс, предпочтительных способах взаимодействия, список необходимой учебной литературы. Организация курса во многом зависит от ведущего его преподавателя. Несмотря на использование одной оболочки, реализуемые в ней курсы различны, потому что каждый преподаватель уникален и имеет предпочтения в способах изложения учебного материала и организации контроля усвояемости знаний.

- Календарь (Calendar) – отражает сроки выполнения заданий, даты тестов, зачетов или экзаменов. Календарь может использоваться как преподавателем, так и студентом, и отражать как общую, так и частную информацию.

- Уроки (Lessons) – эта вкладка открывает доступ к урокам курса. Здесь содержится весь учебный материал курса: лекции, практические задания, викторины, тесты, дискуссионные форумы, а также боксы для размещения выполненных заданий (drop-box assignments).

- Коммуникативные опции (Communicate tabs) – позволяют общаться с преподавателем или другими студентами курса в оболочке посредством электронной почты или дискуссионных форумов. Дискуссионный форум или новостной форум – это то место, где происходят учебные дискуссии. Здесь также можно найти список студентов курса, новости, события и объявления. Вкладка содержит чат для синхронных встреч в виртуальном классе.

Освоение электронных учебных оболочек преподавателями ИИЯЛ УдГУ, с 2009 г.

Вуз	Программа	Электронные оболочки	Преподаватели ИИЯЛ (57 чел.)
УдГУ, Ижевск	«Создание курса в системе электронного обучения MOODUS»	MOODUS Moodle	54 чел.
УдГУ, Ижевск	«Проблемы разработки электронных учебно-методических комплексов в учебном процессе высшей школы: информационные компетенции преподавателя высшей школы»	Google Sites	25 чел.
МГУ, Москва	«Информационно-коммуникационные технологии в преподавании иностранных языков»	Moodle	2 чел.
JCCC, Kansas	Learning and Teaching Online	Web CT	1 чел.
JCCC, Kansas	International Composition Online	Angel	4 чел.
University of Maryland, Baltimore	Applied Linguistics	Blackboard	2 чел.
Portland University, Oregon	Critical Thinking	Blackboard	1 чел.
Hadley School for the blind, Chicago	Обучение работе по программам для слабовидящих детей	Электронная оболочка школы	1 чел.
Oregon University	Программа повышения квалификации	Google Sites Google Group	1 чел.
Dubai Men's College, ОАЭ	Assessing English Language Learners	Blackboard	1 чел.
Германия			1 чел.

• *Ресурсы (Resources)* – эта вкладка делает доступными используемые преподавателями ресурсы: содержание курса, необходимые сайты, библиотеки, поисковик и т. д.

• *Отчет (the Report tab)* – позволяет хранить различные связанные с курсом отчеты и информацию, отслеживать прогресс, видеть оценки, соблюдение сроков сдачи заданий. Здесь же студенты могут увидеть себя на фоне других участников класса, так как именно в этой вкладке анализируется деятельность каждого студента, отслеживаются сроки выполнения и сдачи заданий, а также время, затраченное на работу над каждым заданием.

Электронные учебные оболочки, даже самые бесхитростные, безусловно, качественно меняют учебный процесс и предоставляют преподавателю много возможностей по его усовершенствованию и улучшению. Так, отпадает необходимость тиражировать материал; благодаря мультимедийной составляющей учебный курс может выглядеть очень привлекательно; появляется много разнообразных форм проверки знаний студентов и контроля за динамикой учебного процесса, а сам процесс обучения носит индивидуализированный характер. Тем не менее, какой бы простой ни была электронная оболочка, она предполагает наличие определенного уровня подготовки преподавателя и предъявляет к нему определенные требования, которые, прежде всего, связаны с наличием информационных компетенций. Следует отметить, что формирование информационных компетенций у широких слоев профессорско-преподавательского состава – это одна из нелегких задач, стоящих перед высшими учебными заведениями в настоящее время. Чем старше и остепененнее преподаватель, тем сложнее он ломает привычные стереотипы и тем труднее он продвигается к новым форматам обучения [1].

В ходе знакомства с электронными учебными оболочками преподаватели ИИЯЛ осознали специфику виртуального преподавания. Преподавание он-лайн – это новая и неизученная область, дидактика которой находится еще в стадии становления. Даже традиционное преподавание иногда может быть таинственным и полным сюрпризов, в том числе и для самых опытных преподавателей. В преподавании же он-лайн еще не накоплен большой опыт, поэтому не только студенты, но и преподаватели являются в нем новичками. Начнем с того, что виртуальный класс – это особая зарождающаяся культура с некоторыми уникальными преимуществами. В последние годы в системе высшего образования появляется все больше преподавателей, которые вынуждены обучать студентов дистанционно, имея небольшой опыт преподавания без соответствующей подготовки. В этой ситуации преподавателю

требуется определенный адаптационный период для перехода от привычного стиля преподавания к дистанционному преподаванию или преподаванию он-лайн. Интересны, например, результаты исследования Д. Джой о переходе преподавателей к он-лайн обучению [2]. Автор отмечает, что о дистанционном образовании написано много, однако очень немногих работ посвящено изучению вопросов, связанных с преподавателем в системе дистанционного образования. Тем не менее именно преподавателям приходится много приспосабливаться. Им приходится не только изучить новые технологии, но и глобально изменить привычный для них стиль преподавания: взаимодействие или коммуникацию со студентами, разрабатываемые курсы, методы оценивания знаний. Преподаватели, не работавшие он-лайн, настороженно относятся к он-лайн формату, потому что они не уверены в результатах или недооценивают его качество, следствием чего является снижение мотивации или нежелание использовать он-лайн технологии в учебном процессе или переходить к дистанционным формам преподавания. Их настораживают такие недостатки он-лайн преподавания, как слишком большое количество индивидуальной работы, необходимость оказывать техническую помощь студентам, нехватка реального общения, отсутствие визуального контакта. В проведенных американцами исследованиях (Berge, 1998; Inman & Kerwin, 1999; Rockwell, Scheuer, Fritz, & Marx, 1999; Wilson, 2001) было установлено, что при переходе на виртуальные форматы обучения преподаватели испытывают следующие сложности [3]:

- они чувствуют, что не готовы к преподаванию он-лайн и нуждаются в специальной подготовке;
- они испытывают временное давление, потому что в сжатые сроки требуется разработать курсы и освоить новые сложные методы преподавания;
- они неохотно берутся за классы, предполагающие использование большого количества новых технологий сразу: аудиозаписи, видеоконференции, ежедневная коммуникация со студентами посредством электронной почты – все это чрезмерно увеличивает нагрузку преподавателя;
- преподаватели, уже работающие он-лайн, считают, что их труд не оплачивается достойно;
- многие преподаватели считают, что им не оказывается необходимая помощь в разработке и проведении виртуальных занятий.

Тем не менее, как отмечает Д. Джой, преподавание он-лайн имеет много положительных моментов. Оно позволяет работать с разнородной аудиторией, очень мобильно, интересно, приносит своеобразное удовольствие, развивает и со-

вершенствует. Можно отметить следующие преимущества он-лайн преподавания [4]:

- новые приемы и методы обучения, которые можно применять в традиционном преподавании;
- совершенствование педагогического мастерства;
- гибкость – возможность работать дома, общение со студентами по электронной почте или по телефону, работа в собственном темпе или стиле;
- высвобождение времени для другой деятельности, например для научно-исследовательской работы;
- возможность познакомиться с другой культурой, традициями, потому что он-лайн курсы могут носить интернациональный характер.

В традиционном обучении технологии не играют главной роли в цепочке «студент – преподаватель – контент». В он-лайн обучении технологии всегда присутствуют и доминируют, т. е. требуют внимания как со стороны преподавателя, так и со стороны студента. Технологии позволяют обучать дистанционно. Даже если технологии используются эффективно, они требуют постоянного внимания и учета при планировании занятия. В случае же неэффективного использования технологии затрудняют и тормозят учебный процесс. Преподаватель играет огромную роль не только в разработке курса с применением технологий, но и в организации учебного процесса и налаживании эффективного взаимодействия, поэтому оно имеет много тонкостей и нюансов, к которым даже опытные преподаватели могут быть не готовы. Виртуальное преподавание предполагает [5]:

- большую степень личной заинтересованности и преданности;
- любые новые не связанные с технологиями умения, необходимые он-лайн;
- наличие связанных с технологиями умений и навыков;
- постоянное совершенствование мастерства преподавания он-лайн и знание педагогики;
- возможное изменение образа жизни; готовность потратить требуемое время и не сожалеть о том, что данный формат преподавания требует слишком больших временных затрат;
- дисциплинированность и планирование не только учебной деятельности, но и прочих дел продуктивно и заранее, умение распределять время;
- готовность к качественному и количественному взаимодействию со студентами, владение искусством коммуникации, и прежде всего письменной коммуникации.

В ИИЯЛ появилось понимание того, что формирование успешности в преподавании он-лайн зависит от ряда факторов, которые необходимо учитывать как самому преподавателю, так и орга-

низаторам учебного процесса. Назовем наиболее принципиальные из них [6].

1. Прежде всего, необходимо определить, какого рода курс будет создаваться и какова в нем будет роль преподавателя. Иначе говоря, важно определить модель курса и его центральную фигуру. Существует несколько моделей электронных курсов: от чисто дистанционных до гибридных (комбинированных), которые сочетают он-лайн технологии и традиционные формы преподавания. В случае комбинированного преподавания возможны встречи всего класса, индивидуальные встречи студента и преподавателя, носящие однократный или многократный характер и чередующиеся с занятиями в режиме он-лайн. Во время виртуальных занятий общение может осуществляться через чат, электронную почту или видеоконференцию.

2. Важно стать частью команды. Создать он-лайн курс в одиночку невозможно. Это, как правило, результат совместной деятельности нескольких людей: преподавателя, координатора, методиста по работе с преподавателями, ИТ-специалистов, администрации. В американском колледже важную роль в создании учебного курса играют также и библиотекари.

3. Необходимо постоянно учиться. Он-лайн курсы требуют стабильной работы преподавателя над собой: приобретения новых умений по созданию и реализации курса, освоения технологий, знакомства с имеющимися ресурсами.

4. Требуется освоить новый тип взаимодействия. Привычное для традиционной аудитории общение полностью отсутствует в виртуальном классе, потому что в большинстве случаев оно исключает визуальный или вербальный контакт и выдвигает на первый план письменную коммуникацию. Преподавателю важно освоить разные типы взаимодействия и используемые для их осуществления инструменты (электронная почта, чаты, дискуссионные форумы, видеоконференции и т. д.).

5. Следует хорошо определить свои функции в преподавании он-лайн: научиться ставить сильные цели, которые студенты могут достичь; объяснить студентам, что от них ожидается; быть доступным и не доминировать; тщательно выбирать методику преподавания, учиться вместе с классом и у класса.

6. Необходимо подготовиться заранее к проведению он-лайн курса. Чем детальнее продуман курс, тем больше у него шансов на успех. Важно учесть особенности работы с технологиями. В такого рода курсах нельзя исключать технические сбои. Необходимо прогнозировать и заранее готовить себя и студентов к подобным нюансам он-лайн обучения. В большинстве зарубежных вузов имеются службы технической поддержки (например, *technical support over the phone*). Сту-

дентам надо заранее объяснить, куда обращаться в случае непредвиденных обстоятельств. В целях взаимопомощи желательно также объединять более продвинутого в технологиях студента с менее опытным.

И, наконец, самое главное: не нужно бояться технологий. Хотя технологии окружают нас, многие преподаватели боятся их использовать, испытывая чувство неоправданного беспокойства. Тем не менее международная практика учит нас, что преподавание он-лайн имеет много преимуществ и существенным образом улучшает учебный процесс. Безусловно, оно требует определенной подготовки, что является дополнительным стимулом повышения квалификации и освоения новых умений. Электронное преподавание во всех его разновидностях – это чрезвычайно богатый и стимулирующий опыт. Хочется надеяться, что у большинства преподавателей высшей школы оно вызовет положительные эмоции и желание дальнейшего совершенствования в данной области.

Примечания

1. Виртуальный круглый стол «Качество электронного обучения» // Дистанционное образование. 2009. URL: http://www.informika.ru/files/smi/1/ikt_07.09.pdf
2. Joy D. Instructors Transitioning to Online Education // Educational Research and Evaluation. 2004. URL: <http://scholar.lib.vt.edu/theses/available/etd-09232004-172606/unrestricted/Dissertationfinal3.pdf>
3. Wilson C. Faculty attitudes about distance learning // Educause Quarterly. 2001. №. 2. P. 70–71; Joy D. Op. cit.
4. Ibid. P. 60–65.
5. Ibid. P. 10.
6. Hanna D., Glowacki-Dudka M., Conceicao-Runlee S. 147 practical tips for teaching online groups. Madison: Atwood Publishing, 2000.

УДК 316.628

А. Э. Семенова

СПЕЦИФИКА РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ И СУБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ ОТЦОВСТВА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛЬНОГО ОПЫТА МУЖЧИН-МОНОРОДИТЕЛЕЙ

В статье рассматривается проблема мужского монородительства применительно к современным российским условиям. Представлены результаты исследования некоторых аспектов реального опыта отцовства мужчин-монородителей в сравнении с аналогичным опытом отцов из полных семей. На конкретном фактическом материале показана специфика родительского отношения и субъективного восприятия отцовской роли мужчинами-монородителями.

The article considers the problem of men as sole parents in relation to modern Russian conditions. Presents the results of the research of some aspects of the real experiences of fatherhood men as sole parents in comparison with the similar experience of the fathers from full families. On concrete factual material the article shows specifics of parental relationship and subjective perception of the paternal role men as sole parents.

Ключевые слова: отцовство, монородительство, отцовство как реальный опыт мужчин-монородителей, родительское отношение, субъективный смысл отцовства.

Keywords: fatherhood, fathers as sole parents, fatherhood as a real experience of men as sole parents, parental relationship, subjective meaning of fatherhood.

Конец XX – начало XXI столетия ознаменовали себя новым осмыслением проблемы родительства и, в частности, признанием значимости отцовской роли как в плане обеспечения условий для развития ребенка, так и в плане развития самого мужчины [1]. По аналогии с материнством отцовство стали понимать двояко: с одной стороны, как социальный институт, систему социальных требований и ожиданий, адресованных отцу, содержание которых производно от культурных норм и стандартов мужественности, а с другой – как личный опыт мужчины-родителя, его реальные индивидуальные практики и стили поведения, связанные с воспитанием детей [2]. Сразу же внесем ясность: если в русском языке для обозначения этих двух феноменов используется один и тот же термин «отцовство» с его дополнительным уточнением и конкретизацией, то в англоязычной научной литературе для них изначально принята разная терминология – в первом случае понятие «fatherhood», во втором – «fathering».

© Семенова А. Э., 2014

Примечательно, что в современной отечественной психологии и смежных с ней областях гуманитарного знания интерес к проблеме отцовства возник на фоне особой культурной ситуации, характеризующейся ломкой традиционного гендерного порядка, основным следствием которого является сближение мужских и женских ролей [3], а также рост многообразия и вариативности существующих форм семьи, родительства и типов родительского отношения [4]. Сегодня наряду с так называемой традиционной семьей (полной, как правило, многодетной или хотя бы двухдетной, с четким гендерно дифференцированным распределением супружеских функций по принципу взаимодополнительности) все чаще можно встретить и иные семьи – партнерские (где имеет место равноправие и взаимозаменяемость супругов, в том числе и при воспитании детей), двухкарьерные, сознательно бездетные (феномен чайлдфри), монородительские и др. Соответственно претерпевает изменение и реальность самого родительства, демонстрирующего широкий спектр отношения к детям: от восприятия детей как смысла жизни, ценности и радости до представления о них как о тяжелой ноше и экономически невыгодном бремени, от заботы, симбиоза и гиперопеки до девиантного материнства и отцовства, полного пренебрежения детьми и жестокого обращения с ними. При этом, с одной стороны, имеет место постепенное снижение социализирующей роли родителей, их дистанцированность от ребенка, что, как правило, в большей степени касается отцов, тогда как с другой – наблюдается увеличение количества мужчин активных родителей, которые принимают самое непосредственное участие в жизни и воспитании своего ребенка, начиная с момента его рождения.

Отметим, что дистанцированное отцовство оказывается характерным для моделей поведения, соответствующих культурным стандартам традиционной мужественности – традиционный отец и «отсутствующий» (в психологическом плане) отец; модели активного отцовства – ответственный отец и новый отец – являются иллюстрацией новых (альтернативных традиционным нормам) эталонов мужественности [5]. И хотя первые модели отцовского поведения в настоящее время распространены на порядок меньше, нежели альтернативные, в целом, как подтверждают некоторые исследования, современные отцы проводят с детьми гораздо больше времени, чем это было ранее, что в свою очередь благотворно влияет как на самих мужчин, так и на развитие подрастающего поколения [6].

В свете вышесказанного следует особо подчеркнуть одну из наиболее заметных тенденций российского общества начала XXI в. – существ-

венный рост числа монородительских семей, и в первую очередь тех из них, где единственным родителем является отец. По официальной статистике на начало 2012 г., таких семей в Российской Федерации 1,5% [7], однако консервативное массовое сознание наших соотечественников не спешит признавать родительскую компетентность мужчин, воспитывающих детей без участия матери, выражая уверенность в том, что только женщине под силу справиться с ролью монородителя (по последним данным ВЦИОМ, такого мнения придерживаются 35% россиян). Иными словами, весьма широкое распространение в нашей стране получает точка зрения, которую удачно иллюстрирует ироничное замечание Уэйда Мак-Кея: «Мужчины – не очень хорошие матери». К тому же ситуация осложняется еще и тем, что в Трудовом кодексе Российской Федерации не перечислены те условия, при которых мужчина может быть признан отцом-одиночкой, тогда как в реальной жизни им становится любой мужчина, имеющий ребенка (детей), мать которого умерла, пропала без вести, лишена родительских прав, долгое время пребывает в лечебном учреждении, оставила детей отцу при разводе, находится в местах лишения свободы и т. п., и, наконец, мужчина, сознательно выбравший монородительство.

Ответом на сложившуюся ситуацию можно считать возникающие в разных городах России общественные организации, создаваемые самими «одиночками» отцами для защиты собственных родительских прав, обмена личным опытом и повышения своего родительского статуса в глазах общественности (к примеру, целый список подобного рода организаций приводит интернет-ресурс Папалэнд: <http://www.papaland.ru/centers>). Что же касается научных исследований, посвященных мужчинам-монородителям, то, к сожалению, на сегодняшний день они являются единичными [8]. В частности, в психологической литературе еще не получили достаточного освещения проблемы личного опыта и субъективного смысла отцовства для самого мужчины-монородителя, его установок и родительской мотивации (в том числе и на монородительство), не выявлена специфика отцовской роли и родительского отношения в такой семье в сравнении с отцовством при дуальном родителе и материнством в монородительских семьях и многие другие вопросы.

Не располагая пока конкретными данными, некоторые психологи в лучшем случае делают предположения о возможных проблемах мужчин-монородителей, среди которых чаще всего называются следующие:

– принятие на себя нетипичной для мужчины роли;

- необходимость менять весь привычный для мужчины уклад жизни;
- наличие каждодневных бытовых забот, связанных с ведением домашнего хозяйства;
- подчиненность интересам и потребностям ребенка (детей), доходящая порой до необходимости жертвовать карьерой;
- недоверие общества к компетентности мужчины в качестве единственного родителя и воспитателя детей;
- непонимание окружающих, родственников, друзей, коллег (вполне возможно даже негативное отношение как к «черной овце» со стороны представителей гендерной интрогруппы) и, как следствие, ощущение себя «белыми воронами» и т. п.

Однако пока отсутствуют результаты исследований, подтверждающих или опровергающих вышеперечисленные размышления, все они остаются на уровне домыслов и потому, не исключено, могут не соответствовать реальности.

Признавая значимость и актуальность изучения феномена мужского монородительства, мы провели собственное исследование, посвященное изучению некоторых аспектов личного опыта отцовства мужчин-монородителей (в данном исследовании принимала участие аспирант кафедры классической и практической психологии Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина Е. В. Кожина). При этом предметом нашего анализа стали их установки на отцовство, специфику родительского отношения и субъективного восприятия отцовской роли в сравнении с аналогичным личным опытом мужчин отцов из полных семей. Кроме того, дополнительно в ходе исследования выявлялись причины монородительства мужчин, воспитывающих детей в неполной семье. Заметим, что некоторые из вышеперечисленных аспектов реального опыта монородительства несколько ранее были изучены нами применительно к женщинам [9].

В нашем исследовании принимали участие 27 мужчин-монородителей (средний возраст 36 лет) и 28 отцов из полных семей (средний возраст 31 год). Все испытуемые имеют детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Для сбора фактических данных были использованы проблемно-ориентированное интервью, опросник родительского отношения А. Я. Варга, В. В. Столина и модифицированный вариант методики семантического дифференциала [10]. В частности, с помощью последней мы измеряли степень субъективной близости в восприятии испытуемых разных групп образа «отцовство» с понятиями «счастье», «обуза», «смысл жизни» и «жизненная ошибка».

Кратко изложим полученные нами результаты.

Итак, первое, что нам удалось установить – это факт неоднородности группы испытуемых

мужчин-монородителей в плане тех причин, по которым они воспитывают ребенка (детей) без участия матери (мачехи). Как показали результаты интервью, большая часть таких отцов (20 человек) стала монородителями вынужденно вследствие смерти супруги, ее ухода из семьи, помещения в клинику для душевнобольных, принудительного лечения от алкоголизма и т. п. При этом, согласно воспоминаниям многих из них (17 из 20), ранее они даже мысли не допускали о том, что могут в одиночку воспитывать детей, т. е. психологически не были готовы к своему монородительству. Поэтому некоторые из них (девять мужчин) признавались, что хотели бы и уже пытались найти своим детям новую маму. И только семь человек из числа испытуемых этой группы отцов признались, что пришли к монородительству вполне сознательно (договорились с подругой не делать аборт и после рождения забрали ребенка себе, использовали суррогатное материнство, отстаивали право на единоличное воспитание детей после развода), т. е., иными словами, у них имела место внутренняя направленность на активное отцовство в условиях неполной семьи. Отметим, что именно эти же мужчины не видят и особой необходимости наличия у своих детей мамы, поскольку считают, что вполне достаточно отцовской заботы и воспитания.

Также весьма любопытным оказался и тот факт, что в отличие от отцов из полных семей большинство мужчин-монородителей очень хорошо помнят тот день, когда впервые узнали, что будут отцом (если среди первых таких всего 18%, то среди вторых – 63%). Это дает основание полагать, что данное событие вошло в их личный опыт как значимое и, вероятно, занимает в нем одно из центральных мест.

Аналогичными являются и воспоминания о дне рождения ребенка (детей) и о том, когда отцы впервые увидели его (их): в деталях помнят об этом 67% мужчин-монородителей и 46% отцов из полных семей.

Что же касается специфики родительского отношения, то у мужчин, сознательно избравших монородительство, достаточно четко преобладают эмоциональное принятие и кооперация, а также в одном случае из семи ярко выражен симбиоз с ребенком, тогда как среди вынужденно ставших единственными родителями имеет место авторитаризм (25% испытуемых), эмоциональное отвержение (20% испытуемых), инфантилизация (15% испытуемых), эмоциональное принятие и кооперация (по 20% испытуемых). Таким образом, на основании полученных результатов мы можем констатировать, что более благоприятное для развития детей дошкольного и младшего школьного возраста родительское отношение демонстрируют мужчины, сознательно

выбравшие альтернативное отцовство, нежели те, кто никак не планировал свое монородительство, ставшее для некоторых из них своего рода жизненным испытанием.

Для сравнения, у отцов при дуальном родителстве чаще всего примерно в равном соотношении встречается авторитаризм и кооперация (29% и 25% испытуемых соответственно), чуть реже – эмоциональное отвержение (21% испытуемых) и эмоциональное принятие (18% испытуемых) и всего в нескольких случаях – инфантилизация (7% испытуемых).

Достаточно любопытные, на наш взгляд, данные были получены и относительно восприятия мужчинами-монородителями отцовской роли, также иллюстрирующие связь их субъективного смысла отцовства с характером тех причин, по которым они стали монородителями. Так, у испытуемых, сознательно пришедших к монородительству, было зафиксировано ярко выраженное психосемантическое сходство образа отцовства со смыслом жизни и счастьем и вместе с тем его сильное расхождение с жизненной ошибкой и обузой, что лишний раз служит подтверждением внутренней направленности этих мужчин на выполнение родительских функций и реально высокой значимости для них своего ребенка (детей). Иными словами, эта группа испытуемых склонна воспринимать отцовскую роль как имеющую для них исключительное позитивное значение.

В то же время у мужчин, вынужденно ставших монородителями, наблюдается примерно равная степень идентификации отцовства как с обузой, так и со смыслом жизни, что свидетельствует об амбивалентности их восприятия отцовской роли и связанных с ней в условиях неполной семьи обязанностей. Однако вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что большинство этих мужчин, так же как и испытуемые, сознательно выбравшие монородительство, при всей своей внутренней противоречивости все-таки не склонны ассоциировать отцовство с жизненной ошибкой.

В свою очередь отцы из полных семей демонстрируют нам самые разнообразные варианты своего восприятия отцовской роли: от ее идентификации со счастьем при отсутствии сходства с обузой до признания в ряде случаев отцовства как жизненной ошибки. К тому же нами было установлено, что именно в этой группе испытуемых крайне редко встречается тенденция восприятия отцовской роли в контексте смысла собственной жизни.

Таким образом, как показывает наше исследование, реальный опыт отцовства мужчин-монородителей имеет свои специфические особен-

ности, которые, с одной стороны, оказываются обусловленными причинами мужского монородительства в каждом конкретном случае, тогда как с другой – позволяют говорить о различиях родительских позиций и жизненных установок отцов из полных и неполных семей. Логично полагать, что многие аспекты этого реального опыта закономерно отражаются на психике детей, их развитии и воспитании, что наиболее очевидно проявляется в феномене отцовского отношения, степени и характере участия мужчины в жизни своего ребенка. Поэтому изучение реального субъективного опыта отцов, включая и мужчин-монородителей, может помочь определить наиболее проблемные зоны как личностного становления самого мужчины-отца, так и его родительского влияния на личность ребенка.

Примечания

1. Борисенко Ю. В., Портнова А. Г. Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 122–130; Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: Ин-т социологии РАН, 2008; Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009; и др.

2. Кон И. С. Указ. соч.

3. Клецина И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29–41; Кон И. С. Указ. соч.

4. Гурко Т. А. Указ. соч.

5. Клецина И. С. Указ. соч.

6. Борисенко Ю. В. Психология отцовства. М.; Обнинск: «Иг-Социн», 2007; Григорова Т. В. Психология отцовско-детских отношений в историко-культурной перспективе // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: материалы междунар. конф. по истории психологии «IV московские встречи». М.: Ин-т психологии РАН, 2006. С. 183–187; и др.

7. Право на папу: кто мешает одинокому отцу воспитывать ребенка // Российская газета. 2012. 25 апр.

8. Кон И. С. Ребенок и общество. М.: Академия, 2003; Метнева М. С. Особенности основных проблем мужчин-монородителей в контексте их самовосприятия: дипломная работа. Н. Новгород: НГПУ, 2012.

9. Семенова А. Э., Кожина Е. В. Каузальная атрибуция материнства и особенности отношения женщин к материнской роли // Психолого-педагогическое сопровождение социализации детей и подростков в условиях онто- и дизонтогенеза: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2012. С. 111–117; Семенова А. Э., Кожина Е. В. Субъективный смысл материнства у женщин, имеющих и не имеющих детей // Вестник Мининского университета: сетевое издание. 2013. № 1. URL: http://www.mininuniver.ru/scientific/scientific_activities/vestnik/lastissue

10. Баранова Т. С. Эмоциональное «Я – Мы» (опыт психосемантического исследования социальной идентичности) // Семейная психология и семейная терапия. 2004. № 2. С. 3–9.

И. С. Буланова

СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОЙ КОНВЕРСИИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

Психологический аспект феномена религиозной конверсии сводится к особому типу трансформации личности. Для описания и объяснения данного феномена используется социально-когнитивный подход. Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи признаков религиозной конверсии с общим уровнем религиозности, а также с когнитивным и поведенческим компонентом религиозности.

The psychological aspect of a phenomenon of religious conversion is reduced to special type of transformation of the personality. The social-cognitive model is used for the description and an explanation of this phenomenon. Results of empirical research of interrelation of signs of religious conversion with the general level of religiousness, and also with a cognitive and behavioural component of religiousness are presented.

Ключевые слова: религиозная конверсия; трансформация личности; социально-когнитивный подход; смысловая система личности; религиозность.

Keywords: religious conversion; transformation of the personality; social and cognitive approach; semantic system of the personality; religiousness; cognitive, affective, behavioural components of religiousness.

Психология религии на сегодняшний день является перспективной областью научного знания, поскольку интегрирует широкий спектр категорий психологии. Так, например, по словам Ю. М. Зенько, общепсихологические проблемы психологии религии настолько значимы, что «фактически открывают новые горизонты развития общей психологии как таковой» [1]. Неудивительно, что в последнее время растет число исследований, посвященных различным религиозным явлениям: общая религиозность, религиозные переживания, социально-психологические факторы религиозности, религиозное совладание и пр. (С. А. Белорусов; Б. С. Братусь; Е. Н. Волков; А. М. Улановский; А. Ю. Чернов; P. S. Hill; С. Watson; B. Spilka; Stefan Huber; Poloutzian и др.).

При всем многообразии исследований и подходов к феноменам религии, они, как правило, сосредоточены вокруг его статичных характеристик. Динамические же аспекты религиозности (формирование, развитие, изменение) остаются практически неизученными. Недостаток внимания связан как с отсутствием теорий в данной области знаний, так и с трудностями их эмпирического исследования.

Одним из динамических аспектов религиозности является феномен религиозной конверсии. Она определяется как тип духовного роста или

развития, который относится к заметной смене направления относительно религиозных идей и поведения [2]. Специфика конверсии заключается в отчетливости, с которой происходит обращение в веру. Достаточно ясно можно видеть переход от «неверия» к «вере» или смену приверженности ценностям и ритуалам одной религии на приверженность другой.

Для психологии феномен религиозной конверсии является актуальным еще и потому, что результатом и последствием религиозной конверсии являются существенные, радикальные и глубокие изменения личности. Религиозная конверсия является специфическим видом трансформации личности. Изменения могут происходить в сферах, далеких от религии. В частности, широко известны случаи изменения в результате религиозной конверсии в интерпретации важных событий жизни, иерархии ценностей и постановки жизненных целей, собственной идентичности [3].

Таким образом, специфика религиозной конверсии обуславливает особую значимость изучения данного феномена. Первоначальный эмпирический интерес может быть сосредоточен на определении религиозной конверсии как существенно фактора изменения общего уровня религиозности. Кроме того, религиозность рассматривается как многомерное явление, интегрирующее различные личностные характеристики [4]. Можно предположить, что религиозная конверсия, являясь фактором изменения общего уровня религиозности, изменяет и различные его компоненты.

Эмпирическое исследование

На основании рассмотренных теоретических положений религиозной конверсии проведено эмпирическое исследование. Цель исследования – определение взаимосвязи признаков религиозной конверсии с общим уровнем религиозности и с компонентами структуры религиозности.

Эмпирическое исследование было реализовано в несколько этапов:

1. Операционализация религиозной конверсии

Переход к эмпирическому исследованию религиозности требует ответа на вопрос о ее признаках. По каким психологическим критериям можно определить наличие религиозной конверсии? Для ответа на данный вопрос было проведено качественное исследование нарративов об обретении Бога верующих различных конфессий [5]. Теоретическим основанием данного исследования явился социально-когнитивный подход к феноменам религии, согласно которому религия определяется как система глобальных смыслов, а религиозная конверсия – как изменение системы глобальных смыслов [6]. Основным результатом проведенного исследования является заключение, что ключевой признак конверсии сводится к рефлексивным компонентам и самоисследованию религиозного опы-

та. В описании опыта верующего необходимо должны присутствовать следующие компоненты:

– осознание переломного момента в жизни, связанного с верой. Поворотный момент в жизни верующих (обретение веры) – центральное звено самопрезентации новообращенного;

– высокая значимость этого момента в контексте всей жизни верующего. Если первый признак конверсии можно назвать когнитивным, то второй имеет отношение к оценочной, эмоциональной составляющей данного опыта;

– осознание и рефлексия последствий обретения веры. Так, верующие говорят о существенных изменениях в их жизни, достижении «истинной», или «реальной», жизни.

На основании выявленных признаков религиозной конверсии была создана анкета. Каждый вопрос данной анкеты соответствует представленным признакам конверсии.

2. Исследование взаимосвязи признаков религиозной конверсии с общим уровнем и компонентами религиозности

Для оценки общего уровня и компонентов религиозности была использована методика CRS (Centrality of Religiosity Scale). Методика CRS (Stefan Huber) основана на многомерной модели религиозности Ч. Глока [7]. Данная модель предполагает, что религиозность как психологический феномен проявляется в индивидуальной когнитивной, поведенческой и эмоциональной сфере личности. Другими словами, предполагается, что данные сферы являются теми каналами, через которые формируются и активируются личные религиозные конструкции. Шкалы опросника соответствуют данным трем компонентам и позволяют количественно оценить значение каждого компонента. Суммарное значение показателей по трем шкалам соответствует общему уровню религиозности.

Когнитивный компонент религиозности включает в себя рациональный и иррациональные компоненты.

Рациональное когнитивное измерение основано на предположении, что люди имеют некоторые знания о религии. Данное измерение предполагает также рефлексивность собственной религиозности. Рациональный компонент религиозности проявляется в интересе к религии, в структурах знания, в способах интерпретации.

Иррациональное измерение религиозности основано на предположении, что человек имеет ряд эмпирически неподтверждаемых убеждений о существовании высших сил и недоступных познанию областей реальности. Этот компонент религиозности проявляется в понятиях веры как эмпирически неподтверждаемых убеждений.

Поведенческий компонент религиозности подразумевает публичную и приватную религиозную

практику. С психологической точки зрения речь идет о специфической активности, деятельности.

Публичная религиозная практика подразумевает совместное отправление религиозных ритуалов. Религиозность понимается как социальный феномен совместной публичной активности, деятельности. Публичная религиозная практика связывает людей в более или менее организованное сообщество, позволяющее им обмениваться религиозным опытом.

Приватная же религиозная практика предполагает обращение к высшим силам в индивидуальной манере и форме. Как и публичная религиозная практика, приватная религиозная практика, с психологической точки зрения, является проявлением деятельности. Приватная религиозная практика легко адаптируема к индивидуальным психологическим особенностям – и поэтому часто более важна для человека, чем публичная религиозная практика.

Аффективный компонент религиозности отражается в интенсивности переживания религиозного опыта как непосредственного взаимодействия с трансцендентной реальностью. Для оценки аффективного компонента религиозности используется два индикатора – общая оценка интенсивности религиозного переживания, а также эмоциональная валентность переживания. Первый индикатор сконцентрирован вокруг частоты восприятия трансцендентной реальности. Второй индикатор подразумевает специфику эмоций, характеризующих данное взаимодействие (счастье, радость, чувство вины, и др.) [8].

Выборка

Специфическую выборку составили 105 респондентов, причисляющих себя к верующим и принадлежащих тому или иному религиозному сообществу (православная церковь, церковь Иисуса Христа, католическая церковь и др.). Из них 44 мужчины и 61 женщина различных возрастных групп (от 17 до 63 лет).

Результаты

Результаты показали, что в целом признаками религиозной конверсии обладают 84,7% респондента. Это означает, что большая часть верующих имеет в своем опыте радикальные изменения, связанные с верой.

Взаимосвязь религиозной конверсии с компонентами и общим уровнем религиозности.

1. Осознание переломного момента в жизни верующего, который делит свою жизнь на «до» и «после» обретения веры (признак 1)

Из результатов следует, что в той части выборки, которая соответствует данному признаку конверсии, средние значения выше по следующим компонентам религиозности: рациональный компонент, когнитивный компонент, поведенческий компонент, приватная религиозная практи-

Взаимосвязь признаков религиозной конверсии с общим уровнем религиозности

	Признак 1 Осознание переломного момента в жизни		Признак 2 Значимость обретения веры	Признак 3 Рефлексия (степень изменений в результате конверсии)
	есть	нет		
Общий уровень религиозности	M = 63	M = 53	R = 0.619**	R = 0.43**

ка, а также общий уровень религиозности. Различия статистически достоверны на высоком и среднем уровне значимости ($p = 0.00$, $p = 0.01$, $p = 0.00$, $p = 0.003$ соответственно).

Кроме того, несмотря на то что аффективный компонент религиозности не связан с данным признаком конверсии, прослеживаются статистически значимые различия в средних значениях выраженности следующих эмоций: чувство вины ($p = 0.03$), отчаяние ($p = 0.00$), радость ($p = 0.09$), сила ($p = 0.00$). Другими словами, осознание переломного момента в жизни, связанного с верой, сопряжено с изменениями эмоций в отношении Бога.

2. Значимость обретения веры (признак 2) соответствует когнитивному компоненту ($p = 0.01$), рациональному компоненту ($p = 0.02$), иррациональному компоненту ($p = 0.05$), поведенческому компоненту ($p = 0.00$), публичной религиозной практике ($p = 0.00$), а также общему уровню религиозности ($p = 0.00$). Кроме того, дополнительно было выявлено, что степень значимости обретения веры положительно коррелирует со всеми компонентами религиозности, в том числе и с общим уровнем религиозности ($r = 0.619^{**}$).

Верующие, оценивающие обретение веры как значимое событие своей жизни, в большей степени склонны испытывать радость в отношении Бога ($p = 0.00$). Кроме того, чем выше верующий оценивает степень значимости этого события, тем в большей степени ему будет присуще чувство вины ($r = 0.346^{**}$), защищенность ($r = 0.352^{**}$), благодарность ($r = 0.276^{**}$), радость ($r = 0.351^{**}$).

3. Рефлексия изменений в жизни после обретения веры (признак 3). Обнаружены статистически значимые различия в группах по следующим компонентам: иррациональный компонент ($p = 0.02$), публичная религиозная практика ($p = 0.04$) и поведенческий компонент ($p = 0.04$). Однако дополнительно был задан вопрос о том, в какой степени изменилась ваша жизнь после обретения веры. И здесь в результате корреляционного анализа была обнаружена положительная значимая взаимосвязь со всеми компонентами религиозности, включая общий уровень религиозности.

Кроме того, чем выше верующий оценивает степень изменений в своей жизни после обретения веры, тем в большей степени ему будут свойственны такие эмоции, как защищенность

($r = 0.257^{**}$), благодарность ($r = 0.301^{**}$), сила ($r = 0.360^{**}$), радость ($r = 0.280^{**}$), чувство вины ($r = 0.398^{**}$).

Таким образом, по результатам проведенного эмпирического исследования можно заключить следующее:

Религиозная конверсия как особый радикальный, быстрый тип изменений личности представляет собой распространенный динамический аспект религиозности. Этот вывод дополняет теоретические предположения, согласно которым существенными факторами развития религиозности являются те, которые обеспечивают поступательное накопление религиозного опыта (образование, семейное воспитание и пр.) [9].

Религиозная конверсия является одним из самых существенных и значимых факторов динамики религиозности. Верующие, пережившие религиозную конверсию, имеют более высокий уровень религиозности. Кроме того, признаки религиозной конверсии значимо связаны с такими компонентами религиозности, как поведенческий и когнитивный компоненты.

Примечания

1. Зенько Ю. М. Психология религии: основные проблемы и перспективы развития // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 3. С. 198.

2. Levenson Michael R., Aidwin Carolyn M. [and other] Religious Development from Adolescence to Middle Adulthood // Handbook of the psychology of Religion and Spirituality. N. Y.: Guilford Press, 2005. P. 144–158.

3. Batson C. Daniel Religion and the individual. A social-psychological perspective. N. Y.: Oxford University Press, 1993. P. 427; Levenson Michael R., Aidwin Carolyn M. [and other] Op. cit.

4. Huber St. Religion Monitor 2008: Structuring Principles, Operational Constructs, Interpretive Strategies // What the World Believes: Analysis and Commentary on the Religion Monitor 2008. Verlag Bertelsmann-Stiftung, 2009. P. 17–51.

5. Чернов А. Ю., Буланова И. С. Качественное исследование смыслового содержания религиозной конверсии // Актуальные проблемы психологии: сб. ст. Междунар. заоч. конф., посвященной 20-летию ВГИ (филиал) / отв. ред. О. Н. Макаренко. Волгоград, 2012. С. 111–120.

6. Levenson Michael R., Aidwin Carolyn M. [and other] Op. cit.

7. Huber St. Op. cit.

8. Ibid.

9. Levenson Michael R., Aidwin Carolyn M. [and other] Op. cit.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОД ВАСНЕЦОВЫХ В ОБЩЕСТВЕННОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ (К 155-ЛЕТИЮ АРКАДИЯ МИХАЙЛОВИЧА ВАСНЕЦОВА)»

6 декабря 2013 г. в Вятском государственном гуманитарном университете прошла конференция, посвящённая 155-летию выдающегося общественного деятеля Вятки рубежа XIX–XX вв. Аркадия Михайловича Васнецова.

Конференция была инициирована и проведена историческим факультетом ВятГГУ с участием представителей династии Васнецовых в развитие заложенной в 2008 г. традиции – обращаться к наследию этого рода в связи с юбилеем гласного Вятской городской думы, члена Вятской управы, «заступающего место Вятского городского головы», потомственного почётного гражданина города Вятки Аркадия Васнецова, который «мог украсить не только московское и петербургское, но и европейское общество, но навсегда неразрывно связан с историей Вятского края».

Для обсуждения на конференции в рамках пленарного заседания и работы двух секций были предложены следующие вопросы:

- род Васнецовых в истории уездов, сёл, родов Вятской губернии;
- вклад рода Васнецовых в историю отечественного изобразительного искусства (станковой и монументальной живописи, графики);
- вклад рода Васнецовых в историю отечественного декоративно-прикладного и театрально-декорационного искусства;
- вклад рода Васнецовых в историю отечественной фольклористики и диалектологии;
- вклад рода Васнецовых в историю музейного дела России;
- вклад рода Васнецовых в историю пореформенного городского самоуправления в провинции;
- представители рода Васнецовых: судьбы в контексте эпохи;
- вятское «Васнецовское кольцо»: экскурсионные ресурсы и перспективы;
- российская и региональная историография истории васнецовского рода;
- возможности региональных архивов и музейных фондов в изучении истории рода и творческого наследия Васнецовых.

В отличие от первой васнецовской конференции 2008 г., собравшей в основном историков, архивистов и краеведов Кирова, география научного форума 2013 г. оказалась шире: в заочной форме в нём приняли участие учёные из других регионов (Саратов, Воронеж).

Так, доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского А. Н. Галямичев («Живопись Итальянского Возрождения и творчество Виктора Михайловича Васнецова»), основываясь на материалах эпистолярного наследия Виктора Васнецова, пришёл к выводу о «глубокой внутренней сопряжённости решавшихся Васнецовым и мастерами Возрождения художественных задач».

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории российской государственности и права Поволжского института управления имени П. А. Столыпина (г. Саратов) А. А. Семёнова также обратилась к образу Виктора Васнецова («Хозяйки Абрамцева в судьбе и творчестве Виктора Михайловича Васнецова»). Опираясь на содержание его переписки, одухотворённой убеждением художника, что «...в обыденной жизни нашей мелочной можно расходиться во вкусах, но в высотах поднебесных, в идеалах людям, духовно близким, необходимо верить в одно, радоваться одному и любить одно. Тогда будет крепкое духовное единение, крепкая искренняя дружба», А. А. Семёнова описала характер взаимоотношений Виктора Михайловича с Елизаветой Григорьевной Мамонтовой и её дочерьми Верой и Александрой, придя к следующему выводу: «Хозяйки Абрамцева выступили в образе доброгo гения в судьбе В. М. Васнецова. В них нашли олицетворение три ипостаси прекрасного женского образа: женщина-мать Елизавета Григорьевна, девушка-невеста Вера Саввишна и девочка-дочь Александра».

Работа конференции открылась пленарным заседанием.

С докладом «Общественная и культурная жизнь России начала XX в. в письмах Михаила Викторовича Васнецова» выступила кандидат философских наук, доцент кафедры отечественной истории ВятГГУ В. А. Криушина. Она рассказала о том, что в 2012 г. в Кирове была выпущена в свет «Васнецовщина» – уникальная книга об истории рода Васнецовых – священников,

художников, общественных деятелей, педагогов, учёных. Её автор и составитель Ольга Алексеевна Васнецова – правнучка Аркадия Михайловича – повествует об истории древнего вятского рода, московского дома Васнецовых. В книге впервые опубликованы письма сына Виктора Михайловича Васнецова Михаила его брату Алексею. Данная публикация эпистолярного наследия одного из Васнецовых (оригиналы писем находятся на хранении в Доме-музее В. М. Васнецова в Москве (ГТГ)) имеет огромное просветительское значение, позволяя широкому кругу читателей познакомиться с этим источником личного происхождения, отразившим не только особенности личности Михаила Викторовича Васнецова, круг общения семьи художника с мировым именем в московский период, но и погрузиться в атмосферу российской жизни в период с 1900 по 1917 г. (за небольшими хронологическими исключениями, связанными с прерыванием переписки по тем или иным обстоятельствам).

По мнению докладчика, оценки, даваемые Михаилом Викторовичем Васнецовым тем или иным событиям и персонажам культурной истории России начала XX в. (литературная и театральная жизнь, объединения художников), глубоки и грамотны, его реплики по поводу политических событий времени (прежде всего, это Первая русская революция и Первая мировая война) определены семейной мировоззренческой традицией и выглядят пророчески точными в перспективе начавшегося столетия, выражают интонацию личной ответственности каждого за разворачивающиеся на его глазах перемены: «*Дать направление веку зависит от нас*» (письмо от 9 января 1901 г.). Докладчик акцентировал внимание на эволюции форм профессиональной деятельности автора писем М. В. Васнецова: сначала – учительство в частных московских гимназиях, далее – учёный-астроном в Одесской обсерватории (выбор делался между «технической инженерией» и работой с людьми) и, наконец, – священник, пастырь русской православной эмиграции в Праге.

Выступление Т. В. Малышевой, искусствоведа, заведующей Домом-музеем художника Н. Н. Хохрякова, было посвящено тем сюжетам в жизни дореволюционной Вятки, которые сблизили Аркадия Михайловича Васнецова и Николая Николаевича Хохрякова: это обучение в Вятском земском училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и приготовления учителей; это история о том, как Виктор Михайлович Васнецов, обвенчавшись в 1877 г. в Санкт-Петербурге с Александрой Владимировной Рязанцевой, породнил Аркадия и Николая, матушка которого была троюродной сестрой Александры Владимировны; это соседство Хох-

рякова и Васнецова в географии вятских улиц (с осени 1894 г. Аркадий с семьёй поселился в доме с мезонином у Засорного оврага на Никитской улице в одном квартале с Хохряковым, жившим в родовой усадьбе на углу Копанского переулка). Ещё одна важнейшая тема сообщения Т. В. Малышевой – роль Аркадия Васнецова в создании художественного музея в Вятке: работа Аркадия в городской управе позволяла рассчитывать, что управа предоставит помещение для музея; именно Аркадий Михайлович Васнецов собирал по Вятке оставшиеся у родственников ранние портреты кисти Виктора и пейзажи Аполлинария; Аркадий Васнецов был статистиком, казначеем, товарищем председателя художественного кружка и многое другое. Источниковую основу сообщения Т. В. Малышевой составила подготовленная ею к конференции 2008 г. публикация «Жизнь Аркадия Васнецова в письмах (1889–1924 гг.)».

Выступление кандидата исторических наук, докторанта кафедры философии и социологии Л. Г. Подлевских было обращено к восприятию этико-эстетического потенциала живописи Виктора Михайловича Васнецова (на примере фресковых росписей Владимирского собора в Киеве) современником художника отцом Сергием Булгаковым.

Одной из задач конференции стало привлечение к участию в её работе молодых исследователей: с докладами выступили девять студентов и магистрантов исторического факультета ВятГУ.

Так, в завершение работы пленарного заседания конференции прозвучал доклад студентки IV курса Светланы Чесноковой «Из истории прихода Предтеченской церкви в селе Рябово по данным клировых ведомостей».

По мнению автора сообщения, история строительства церкви и храмовая архитектура изучены исчерпывающе. Однако такой источник, как клировые ведомости (особый вид церковных документов, которые получили распространение после указа Святейшего Синода от 20 января 1789 г. под названием «Именные списки всем лицам духовного звания православного исповедания»), позволил посмотреть на историю Предтеченской церкви села Рябово с другой точки зрения. Клировые ведомости составлялись на основе исповедальных росписей, указывали число дворов в приходе, количество душ мужского и женского пола, содержали характеристику церковного клира (возраст церковнослужителей, семейное положение, образование, послужной список и пр.). Автор обобщил информацию о приходе Предтеченской церкви – положении её причта, доходах и расходах, динамике населения Рябовского прихода 2-го благочиннического округа Вятского уезда Вятской губернии – за

период 1850–1870 гг., т. е. в годы служения в Рябово отца Михаила Васнецова.

По окончании пленарного заседания прошли заседания двух секций.

Первая секция – «Из истории Васнецовского кольца: люди и храмы» – открылась выступлением краеведа из села Рябово Натальи Дмитриевны Двиняниновой (в прошлом – выпускницы исторического факультета КГПИ им. В. И. Ленина, в студенческий период работавшей под научным руководством Ирины Игоревны Стефановой и уже тогда обратившейся к исследованию васнецовской темы). В сообщении были затронуты проблемы современного бытования храмовой архитектуры в сёлах Васнецовского кольца (Ошеть, Каринка, Рябово). Н. Д. Двинянинова обратилась к рассказу Аполлинария Васнецова «Сельский иконописец», чтобы показать значение иконописной традиции в выработке эстетического мировоззрения художников Васнецовых. Общий посыл сообщения заключался в констатации неизученности литературного наследия Аполлинария Михайловича. В дискуссии по докладу обсуждались проблемы современного развития усадебного комплекса в Рябово, связанные, во-первых, с возведением вблизи дома Михаила Васнецова хозяйственных построек, не адекватных масштабам и функциональным особенностям усадьбы сельского священника, во-вторых, с оформлением в китчевой стилистике «Васнецовской тропы». Всё это, на взгляд уроженца села Рябово В. С. Кутергина (в прошлом – сотрудника дома-музея Васнецовых в Рябово), разрушает образ сельской священнической жизни, не соответствует исторической правде.

Сообщение студента V курса Романа Старкова «В. М. Васнецов – иллюстратор вятских пословиц» было обращено к характеристике раннего графического наследия художника (1866–1868 гг.), когда в формате альбома им были проиллюстрированы с комментариями 75 пословиц, собранных И. Трапицыным. Докладчик сравнил варианты издания альбома – как по содержанию, так и по издательскому оформлению; прокомментировал особенности изобразительного и текстового ряда, обозначил восприятие этого издания современниками и родственниками Виктора Васнецова.

В сообщении студентки IV курса Анастасии Рысевой «Страницы истории прихода Троицкой церкви села Лопьял Уржумского уезда Вятской губернии по данным клировых ведомостей» была подробно охарактеризована жизнь прихода Лопьяльской церкви в период служения в селе отца Михаила Васнецова (1844–1850) – по сведениям историко-статистического по характеру источника из фонда Вятской духовной консистории. Были обозначены этнокультурные обстоятельства

приходской жизни в условиях доминирования марийского населения, приведены статистические данные, характеризующие демографическую обстановку в приходе, представлен персональный состав церковного причта и семьи Васнецовых в Лопьяльский период. Докладчик сделал вывод о большом информационном потенциале клировых ведомостей как разновидности исторического источника в целях воссоздания социокультурного портрета вятского сельского духовенства. Дискуссию (на предмет подлинности) вызвал приведённый в презентации сообщения фотопортрет отца Михаила Васильевича Васнецова, взятый с генеалогического сайта в Интернете.

В сообщении студента V курса Николая Владимировича «История прихода Троицкой церкви села Чудиново Орловского уезда Вятской губернии по данным клировых ведомостей» была подробно рассмотрена историографическая традиция изучения вятской культовой архитектуры. Автор использовал исследования А. Ю. Капτικού, А. Г. Тинского, Н. В. Кривошеиной в целях разработки историко-архитектурного образа Троицкой церкви. Новаторская составляющая доклада заключается в том, что автор не ограничился изучением особенностей конструкции и оформления храмового интерьера. История церкви в Чудиново вписана автором в контекст жизни села, уезда, губернии, восстановлена в хронологической последовательности на материалах историко-статистического источника из фонда Вятской духовной консистории (ГАКО. Ф. 237. Оп. 70).

В завершившей секционную работу дискуссии выступил краевед Олег Николаевич Виноградов, который порекомендовал молодым исследователям выбирать малоизученные темы, в частности обратиться к биографии Николая Михайловича Васнецова, служившего в Вятском епархиальном училище, здание которого сегодня занимает ВятГГУ. В качестве содержательного направления исследования краевед предложил обратиться к составлению списка юных вятчанок, обучавшихся в Вятском епархиальном училище, чтобы стать учительницами начальных классов (ГАКО. Ф. 205).

Доклады второй секции – «Региональная генеалогия и культура: от XVIII века до современности» – были посвящены истории книжной и журнальной культуры России и Вятки в XIX в., духовным и творческим биографиям людей, внёсших свой вклад в развитие российской провинции и в этом смысле ставших продолжателями главного дела Васнецовых – «труда на ниве народной» (Ольга Алексеевна Васнецова).

Главный библиотекарь Кировской областной научной универсальной библиотеки им. А. И. Гер-

цена А. Н. Мошкина в своём докладе проанализировала коллекцию Егора Машковцева, хранящуюся в фонде редкой книги. При этом особое внимание было уделено освещению изданий по русской словесности, в частности «Словарю древней и новой поэзии», «Учебнику российской словесности» в трех частях и др. Их преобладание в коллекции Е. Машковцева обусловлено образованием владельца. Кроме того, А. Н. Мошкина дала характеристику «Опыта начертания статистики» – одного из первых учебников статистики. Докладчиком было проанализировано содержание вышеназванных книг, а также выделены некоторые особенности их издания, охарактеризованы владельческие знаки (экслибрисы) и дарственные надписи.

В докладе старшего преподавателя кафедры отечественной истории Д. А. Калининой была рассмотрена роль первой политической ссылки в жизни одного из лидеров меньшевизма – Фёдора Ильича Гурвича (Дана). Анализ предьстории тюремного заключения Ф. И. Гурвича и последующей высылки в Вятскую губернию может выступать примером развития социал-демократического движения, его социальной базы, а также стандартных методов борьбы государства с противоправительственными силами. Основное внимание Д. А. Калинина уделила характеристике условий пребывания Ф. И. Гурвича в вятской ссылке. В частности, речь шла об ограничении его в праве передвижения, жизни под постоянным полицейским надзором и невозможности заниматься медицинской практикой. Последнее обстоятельство побудило Ф. И. Гурвича обратиться к литературному творчеству и работе в органах губернской статистики. Докладчик показал восприятие ссылки самим Ф. И. Гурвичем, оценившим ее как трамплин к карьере профессионального политика-революционера. Впоследствии он стал «лидером и теоретиком меньшевизма», «одним из первых авторов и редакторов газеты «Искра», «руководителем социал-демократических фракций в I и II Государственных думах» и т. д.

Доклад доцента кафедры отечественной истории ВятГГУ В. В. Машковцевой был посвящён анализу конфессиональной политики властей по отношению к старообрядческой иконописи. В частности, докладчик рассмотрела действия административно-полицейских органов по изъятию икон у вятских староверов в 60–70-х гг. XIX в. и попытки последних добиться возвращения конфискованных святынь. В. В. Машковцева показала отношение к старообрядческим иконам представителей правоохранительных органов и Русской православной церкви, а также восприятие иконы «ревнителями древнего благочестия», выступившими против обмирщения искусства, проникновения в него реалистических новшеств, особенно объемной светоте-

невой моделировки образа. В связи с этим в докладе освещены некоторые художественные особенности старообрядческой иконописи. Большое внимание было уделено характеристике действий властей, направленных на пресечение распространения икон старообрядцами.

В выступлении студентки V курса исторического факультета ВятГГУ А. В. Казючиц была рассмотрена творческая биография известного российского хореографа, художественного руководителя Московского государственного академического театра танца «Гжель», народного артиста России Владимира Михайловича Захарова. Особое внимание Анастасия Васильевна уделила вятскому этапу в жизни мастера. В 1970–1973 гг. В. М. Захаров являлся руководителем методического объединения хореографии Кировского культпросветучилища. За это время он осуществил несколько классических постановок: «Испанский танец», «Шопениана», «Русская пляска» и др. Одновременно в его творчестве нашел отражение и народный танец. В частности, В. М. Захаров поставил такие хореографические композиции, как «Сказ о каменном цветке», «Огневушка-поскакушка», «Дымковская игрушка» и др. Особое внимание народному танцу балетмейстер уделил в тот период, когда он являлся хореографом ансамбля песни и танца «Искорка» в колхозе «Искра» Котельничского района Кировской области. В заключение А. В. Казючиц отметила, что творческое наследие В. М. Захарова по сей день сохраняет свое значение. С 2001 г. в Кирове проводится Всероссийский праздник танца на приз имени В. М. Захарова, что является свидетельством признания заслуг талантливого хореографа.

Доклад студентки II курса исторического факультета ВятГГУ И. С. Порубовой посвящен публицистическим изданиям первой половины XIX в., хранящимся в фонде редкой книги научной библиотеки ВятГГУ. В частности, автором произведён глубокий анализ статей, опубликованных на страницах журналов «Библиотека для чтения» и «Москвитянин» и позволяющих воссоздать общественно-политическую и культурную жизнь эпохи, познакомиться с ее выдающимися представителями. Так, в одном из номеров «Библиотеки для чтения» помещен автобиографический очерк Д. В. Давыдова «Встреча с великим Суворовым», в котором личность и деятельность великого полководца получили высочайшую оценку. Художнику Ф. Бруни посвящена статья С. П. Шевырёва в журнале «Москвитянин». Особое внимание докладчик уделил реализации одной из важнейших задач журнала «Москвитянин» – литературному просвещению читателей. В связи с этим была охарактеризована критическая статья С. П. Шевырёва «Сочинения Алек-

сандра Пушкина». Наконец, И. С. Порубова проанализировала отражение на страницах «Москвитянина» проблем университетского образования и развития науки. Интересно проведенное исследование сопоставление трактовки Университетского устава 1835 г. современными историками на страницах учебной литературы и оценки данного документа в Обзорах состояния Харьковского и Московского университетов, опубликованных «Москвитянином».

В выступлении студентки IV курса исторического факультета Е. Б. Касаткиной было рассказано о такой крупной фигуре в истории политических партий России начала XX в., как Ной Жордания. Этот человек являлся активным участником революционного движения в Закавказье, за что власти планировали сослать его в Вятскую губернию. Однако накануне высылки Н. Жордания успел бежать за границу и принял участие в знаменитом II съезде РСДРП, проходившем в Брюсселе и Лондоне в 1903 г. Впоследствии Н. Жордания станет одним из лидеров меньшевизма, а после распада Российской империи возглавит независимую Грузию.

Магистрант исторического факультета А. Э. Михайлова посвятила своё выступление жизни и творчеству талантливого фотографа – Алексея Михайловича Перевощикова. Анализ работ мастера предварен освещением тех событий его жизни, которые оказали воздействие на формирование его мировоззрения и индивидуального художественного стиля. Александра Эдуардовна привела воспоминания учительницы русского языка и литературы Усть-Чепецкой школы З. А. Леонтьевой о своем ученике – Алексее Перевощикове. В них отмечен художественный вкус и музыкальный слух будущего мастера, а также понимание им «красот природы». А. Э. Михайлова обратила особое внимание на встречу А. М. Перевощикова с С. А. Лобовиковым, оказавшую большое влияние на судьбу молодого фотографа. В докладе нашло отражение и освещение работы А. М. Перевощикова фотолаборантом в Ленинградском госпитале Военно-морской медицинской академии, эвакуированной в Киров в годы Великой Отечественной войны. Наконец, характеризуя послевоенный пери-

од жизни фотографа, А. Э. Михайлова рассказала о его работе фотокорреспондентом газеты «Кировская правда», а также центральных газет и журналов; организации выставок мастера и признании его таланта в России и за рубежом. Сопровождение доклада А. Э. Михайловой презентацией позволило слушателям осмыслить особенности творческого стиля А. М. Перевощикова.

Закрыл работу секции доклад старшего преподавателя Вятской государственной сельскохозяйственной академии С. А. Чиркина, рассказавшего о деятельности своих однофамильцев – петербургских купцов Чиркиных. Они были известны не только как крупные предприниматели, но и как меценаты, финансировавшие строительство нескольких столичных церквей. В частности, на средства богатого и влиятельного купца Иродиона Стефановича Чиркина по проекту Джузеппе Трезини был возведён храм Благовещения Пресвятой Богородицы на Васильевском острове Санкт-Петербурга.

К сожалению, не все направления исследования васнецовской темы, заявленные в информационном письме, нашли своё отражение в прозвучавших на конференции докладах. В целом проблематика пленарного и секционных заседаний оказалась обращена к изучению не только судеб представителей рода Васнецовых (по преимуществу – Виктора, Аполлинария, Аркадия), но и к людям, ставшим продолжателями их служения Отечеству – в самых разных формах интеллектуальной и художественно-творческой деятельности.

Серьёзное научное значение имеет системный взгляд на храмы Васнецовского кольца с позиции социальной истории, расширение задач их исследования – не только как памятников архитектуры, но как центров приходской жизни. Важным представляется и вовлечение в сферу исследования васнецовской темы новых источников личного происхождения.

*В. А. Криушина, кандидат философских наук,
доцент по кафедре
отечественной истории ВятГГУ;*

*В. В. Машковцева, кандидат исторических наук,
доцент по кафедре отечественной истории
ВятГГУ*

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 37(091)(4700)

Ю. М. Рябов

В. Г. АВДЕЕВА – ИСТОРИК, ПЕДАГОГ, ЧЕЛОВЕК

В статье рассказывается об основных этапах жизненного пути Валентины Георгиевны Авдеевой (1923–2010) – кандидата исторических наук, доцента, декана исторического факультета Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина.

The article describes the main stages of Valentina Georgievna Avdeeva (1923–2010) – candidate of historical Sciences, associate Professor, Dean of the historical faculty of the Kirov state pedagogical Institute named Century I. Lenin.

Ключевые слова: В. Г. Авдеева, Кировская область, КГПИ им. В. И. Ленина, А. В. Эммаусский, история вятского крестьянства.

Keywords: V. G. Avdeeva, Kirov Oblast, KGPI named V. I. Lenin, A. V. Emmausskiy, history of peasantry Vyatka.

Всегда будет существовать связь между тем, как люди смотрят на прошлое, и тем, как они воспринимают настоящее.

Генри Бокль

С новыми временами в жизнь людей приходят и новые имена. К сожалению, нередко связь времён прерывается, и новые поколения не знают из прошлого те имена, которыми можно гордиться всегда. Для постоянно обновляющегося коллектива исторического факультета ВятГУ и всего университета Валентина Георгиевна Авдеева – именно такой человек, педагог и учёный, которого забывать нельзя.

В селе Лом Яранского района Кировской области, родом из которого В. Г. Авдеева, не только не забывают о своей землячке, но и гордятся тем, что вся её жизнь может служить достойным примером для молодёжи. Об этом в 2008 г. справедливо, на мой взгляд, рассказала В. Толстогузова, учитель школы, в которой когда-то училась Валентина Георгиевна [1].

Родилась В. Г. Авдеева 29 ноября 1923 г. в потомственной крестьянской семье. Её отец, Георгий Васильевич Толстогузов, был искусным кузнецом. Как мастер на все руки он пользовался у односельчан огромным уважением. Мать, Матрёна Петровна, занимавшаяся сельскохозяйственным и домашним трудом, скончалась рано, когда сыновья

Василий и Александр и дочь Валентина были ещё несовершеннолетними. Валентина успешно окончила Ломовскую начальную школу, сохранив навсегда самые тёплые воспоминания о своей первой учительнице Надежде Михайловне Селивановой. В 1938 г. она с похвальной грамотой окончила Кугальскую семилетнюю школу и поступила в Яранское педагогическое училище. После его окончания в 1941 г. она была направлена на работу учителем Шестаковской начальной школы Котельничского района. Оставшаяся семья жила в это время очень бедно. Отец после участия в войне с Финляндией вернулся домой инвалидом. Старший брат Василий в связи с началом Великой Отечественной войны ушёл на фронт. Младший брат Александр, подросток, ещё только осваивал кузнечное дело и не мог полностью заменить отца. В семье появился ещё малолетний мальчик новой жены отца. 18-летняя учительница Валентина Георгиевна не смогла оказать существенную помощь семье. Весной 1942 г. врачебная комиссия освободила её от работы в школе из-за серьёзной болезни. Встав на ноги после лечения, она ради помощи семье вернулась к привычному с детства крестьянскому труду в колхозе родного села. И всё же мечта об учительской профессии её не оставляла. В районный центр – г. Яранск – в связи с войной осенью 1941 г. был эвакуирован Кировский государственный педаго-

гический институт им. В. И. Ленина. Отец, узнав об этом, полностью поддержал дочь, когда она решила поступать в институт. С сентября 1942 г. Валентина Георгиевна начала учёбу на историческом факультете КГПИ. Условия для учёбы и жизни студентов в годы военного лихолетья были чрезвычайными. Для занятий и проживания не хватало помещений. Лекции и семинары проводились в три смены и, если проходили вечером, то шли при керосиновом освещении. По некоторым дисциплинам не было учебников, оборудования. Сказывался недостаток писчей бумаги, чернил. В учебный процесс дополнительно вошла специальная военная (физкультурная, санитарная, снайперская) и сельскохозяйственная подготовка. В общежитиях, несмотря на скученность, порой было так холодно, что, как вспоминала Валентина Георгиевна, волосы ночью примерзали к подушке. Заготовкой дров для отопления учебного корпуса и общежитий студенты занимались сами в 8 км от Яранска в Пиштанской роще. Они же по особому графику доставляли хлеб из пекарни в столовую, работали в подсобном хозяйстве института, оказывали помощь колхозам района в уборке урожая [2].

Прежде чем войти в ритм всей этой необычно бурной студенческой жизни, Валентина Георгиевна прошла через новые испытания. Первые полгода она не получала стипендии. Денег, которые иногда за 20 км из села пешком приносил брат Александр, было явно недостаточно, и нередко ей, как и многим другим студентам, приходилось просто голодать.

Вспоминая о студенческих годах, Валентина Георгиевна всегда с большой теплотой рассказывала о том, что её постоянно окружали заботливые и душевные друзья и преподаватели, которые поддерживали и морально, и материально. Она и сама была такой же отзывчивой и бескорыстной, полностью отдавала себя учёбе и общественной работе. Уже в первую сессию сдала все экзамены на «отлично» и получила стипендию. По окончании первого курса ей была назначена повышенная персональная стипендия им. В. М. Молотова, а позднее, когда перешла на последний курс, заслужила единственную в институте стипендию им. И. В. Сталина.

Опыт учительской работы, хотя и небольшой, быстро вывел Валентину Георгиевну в студенческие лидеры. Её избрали секретарём комсомольского бюро факультета. Роль комсомольского вожака в те годы была особо ответственной. Студенческая жизнь, как и жизнь всех людей страны, несла на себе отпечаток военного времени. Все жили в постоянной тревоге за положение на фронтах, за судьбу своих родных и друзей. И, тем не менее, комсомольская деятельность в институте была активной и разнообразной. С исключительной теплотой проходили встречи студентов и преподавателей с фронтовиками, велась оживлённая переписка с бойцами различных фронтов, шефская работа в яранском доме инвалидов войны и в артели

слепых. Шла подписка на военные займы, распространялись билеты денежно-вещевых лотерей. Проходил сбор денежных средств на танковую колону «Кировский комсомолец», на постройку самолёта «Кировский пединститут», на одежду и обувь для детей красноармейцев и т. д. В институте работали многие самодеятельные кружки, проводились смотры художественной самодеятельности, спортивные кроссы, стрелковые соревнования, военизированные походы. Особенно запомнился, вспоминала Валентина Георгиевна, массовый военно-тактический поход студентов и преподавателей в Пиштанскую рощу под общим руководством доцента А. В. Эммаусского. Выпускалась общеинститутская стенгазета «За Родину!», выходили факультетские стенгазеты, проводилась культурно-просветительная работа среди населения города и района. Поддерживалось бодрое трудовое настроение.

Учиться на историческом факультете, по её мнению, было очень увлекательно, появлялся интерес к углублённым занятиям в научном кружке. Лекции и практические занятия по всеобщей истории проводили крупные учёные страны – профессора С. Г. Лозинский и А. А. Фортунатов, прибывшие в институт в связи с войной. Из преподавателей отечественной истории особенно любим был доцент А. В. Эммаусский, работавший в институте с 1930 г. и ставший к тому времени также известным историком в стране. Он, к тому же, был тогда деканом исторического факультета. «Нам, студентам-историкам, очень повезло, что в те трудные военные и послевоенные годы у нас деканом был А. В. Эммаусский», – писала позднее В. Г. Авдеева [3]. «Наш декан был всегда с нами и поддерживал нас морально. А мы старались изо всех сил, дорожа честью факультета» [4]. Не случайно именно А. В. Эммаусский стал её любимым «учителем на всю жизнь». В научном кружке по истории Валентина Георгиевна подготовила своё первое исследование на тему «Ленский расстрел», которое на конкурсе студенческих работ было признано одним из лучших.

После окончания с отличием КГПИ в 1946 г. В. Г. Авдеева продолжила учёбу в годичной аспирантуре института под научным руководством А. В. Эммаусского. В 1947 г. она была приглашена на должность ассистента кафедры истории СССР. В 1950 г. в связи с сокращением штата кафедры она была освобождена от работы в институте и перешла на работу преподавателем истории Кировского механико-технологического техникума. В 1951 г. её оформили переводом в штат Кировской областной партийной школы при обкоме КПСС на должность старшего преподавателя истории СССР.

Большое влияние на становление личности Валентины Георгиевны в эти годы оказала семья Никандра Алексеевича Авдеева (1894–1961) [5], участника Первой мировой войны, служившего в Красной армии, ставшего позднее опытным руководителем в органах исполнительной власти в районах Кировской области и в районах г. Кирова.

Убеждённый в правильном понимании государственных задач, он верой и правдой служил стране и, тем не менее, не избежал репрессий в 1938 г. Через полтора года после ареста органами НКВД он был освобождён из заключения «за прекращением дела без предъявления каких-либо обвинений» [6]. Жена Н. А. Авдеева, Татьяна Дордонтовна, длительное время работала директором детского дома. По вопросам улучшения воспитания детей-сирот она дважды в 1930-е гг. выезжала в Москву, где встречалась с Н. К. Крупской. Сами супруги Авдеевы усыновили и вырастили двух детей-сирот – мальчика Спиридона и девочку Татьяну. С 1951 г. семья Авдеевых стала родной для Валентины Георгиевны. Она вышла замуж за Спиридона Никандровича, значительная часть жизни которого была связана с работой в Кировском статуправлении. Через год у них родились близнецы Ольга и Сергей. Вместе Валентина Георгиевна и Спиридон Никандрович прожили почти 50 счастливых лет.

В 1956 г. приём слушателей в Кировскую областную школу был прекращён, и В. Г. Авдеева вернулась на работу в педагогический институт на должность ассистента кафедры истории СССР. Она особенно радовалась тому, что появилась новая возможность учиться у А. В. Эммаусского «преподавательскому мастерству, приёмам и методам научной работы» [7]. В своём очерке «Слово об учителе» Валентина Георгиевна в 1999 г. подробно описала, почему ей хотелось продолжать учиться у него и подражать этому учёному и педагогу [8]. В свою очередь, А. В. Эммаусский был доволен возвращению способной ученицы на кафедру. Он предвидел, что из членов кафедры только Валентина Георгиевна, познавшая в детстве трудности крестьянской жизни, сможет начать глубокое изучение истории крестьянского движения в Вятской губернии, продолжив тем самым его собственные исследования.

Успешная учебная и научная работа В. Г. Авдеевой обеспечила избрание её на должность старшего преподавателя кафедры в 1961 г., а это до защиты кандидатской диссертации делалось очень редко. В 1962 г. Валентину Георгиевну направляют в целевую аспирантуру кафедры истории СССР Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, которую она окончила в 1964 г. и возвратилась на работу в КГПИ. В Москве её научным руководителем был доктор исторических наук, профессор В. С. Вергинский. В июне 1965 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Крестьянское движение в Вятской губернии в пореформенный период (60–80-е гг. XIX в.)».

Лекции и практические занятия В. Г. Авдеевой по отечественной истории и вспомогательным историческим дисциплинам, которые она вела, её исследовательская работа, вышли с этого времени на более высокий методический и научный уровень. Это позволило ей вскоре стать одним из ведущих преподавателей и учёных ка-

федры. В 1969 г. решением ВАК ей было присвоено учёное звание доцента.

Всё, кто когда-либо работал или встречался с В. Г. Авдеевой, а тем более учился у неё, всегда говорили о том, что им повезло узнать такого человека, педагога и учёного, каким она была. Мне и моей семье посчастливилось идти по жизни рядом с Валентиной Георгиевной. Моя совместная работа с ней на историческом факультете, хотя и на разных кафедрах, началась в 1957 г. Дети Валентины Георгиевны учились в школе у моей жены, а мой сын учился у неё в институте. По долгу службы, как проректору КГПИ по НИР (1965–1978), мне довелось знакомиться с научными публикациями В. Г. Авдеевой в эти годы, в том числе с написанным ею докладом о крестьянстве Вятской губернии для коллективного труда «Очерки истории Кировской области» (Киров, 1972). Всегда при этом радовало, насколько вдумчиво и глубоко Валентина Георгиевна изучала обширный материал архивных фондов, чтобы выстроить содержание своего исследования в строгом соответствии с историческими фактами. Вполне естественно, что методологически её исследования принадлежали тогда своему времени. И, тем не менее, не могу не согласиться при этом с выводом молодого историка А. С. Константинова, который в 2011 г. писал о том, что публикации В. Г. Авдеевой «о крестьянском движении на Вятке не поставили под сомнение достоверность её научных выводов, не опровергли ценность собранного и обобщённого историком материала» [9]. Действительно, ей принадлежало новое слово в исследовании истории Вятского крестьянства. Более того, стремясь донести научные знания по своей теме до студентов, она активно участвовала в подготовке учебного пособия «История Кировской области» (Киров, 1975) и «Хрестоматии по истории Кировской области» (Киров, 1982).

Личная жизнь Валентины Георгиевны ещё с начала 1950-х гг. вновь потребовала проявления её сильного характера, способного достойно переносить трудности. Наряду с освоением учебных курсов и напряжённой научной работой она, как заботливая жена и мать, можно сказать, совершила материнский подвиг: вырастила вместе с мужем своих замечательных детей-близнецов. Ольга и Сергей успешно окончили школу № 16 г. Кирова. Учителем физики и классным руководителем у них была Людмила Алексеевна Рябова. Поэтому наша семья хорошо знала, какую огромную роль в их воспитании сыграла Валентина Георгиевна.

Ольга Спиридоновна Авдеева (в замужестве Руденко) окончила после школы знаменитый Физико-технический институт в Москве. Кандидат физико-математических наук, доцент, она с 1986 г. работает в нашем университете на кафедре алгебры и дискретной математики.

Сергей Спиридонович Авдеев, окончив Рязанский радиотехнический институт, до выхода на пенсию в 2013 г. работал заместителем генераль-

ного директора – техническим директором ОАО «Кировэлектросвязь».

В 1974 г. историко-филологический факультет института был разделён на два самостоятельных. Деканом исторического факультета на семь последующих лет стала В. Г. Авдеева. У неё появилась реальная возможность в новых условиях следовать опыту и ценным советам бывшего декана историков профессора А. В. Эммаусского, а также доцентов А. А. Папыриной, Е. И. Кирюхиной, М. И. Зиминой и других коллег.

Как декан, она стремилась, прежде всего, обеспечить преемственность поколений преподавателей и сохранить лучшие традиции в учебной, научной и воспитательной деятельности коллектива историков. За внешней строгостью в работе скрывалась личность человека неравнодушного и чрезвычайно тактичного и доброжелательного. Её талант руководителя и организатора особенно раскрылся в полном взаимопонимании со студентами, с которыми она стремилась быть вместе и в будни, и в праздники. Её ответственность, высокая требовательность к себе и другим и, в то же время, чуткое внимание, справедливость и искренность служили для молодых людей примером. Очень важной Валентина Георгиевна считала задачу мотивировать будущих учителей к глубоко научному изучению истории, приобщать их к научно-исследовательской работе. Многие годы с этой целью она вела студенческий кружок по истории. Встречаясь со студентами, подробно рассказывала им о своих годах учёбы в институте. Несмотря на испытания военного времени, отмечала она, патриотическая жизненная позиция, молодой задор и оптимизм помогли нам тогда овладеть знаниями, верить в Победу. Подобные рассказы, полагала Валентина Георгиевна, помогают юношам и девушкам новых поколений лучше познать самих себя и историю великой страны, ориентируют их на активную общественную жизнь. В этом была её вера в будущих учителей. Ведь всю жизнь, начиная с Шестаковской школы, она постоянно вела общественную работу: комсомольскую, партийную, профсоюзную, лекционную (член общества «Знание»), ветеранскую (член совета ветеранов института после выхода на заслуженный отдых в 1989 г.) и др.

Черты личности Валентины Георгиевны, которые лежали в основе всей её деятельности, вывели исторический факультет на лидирующие позиции в институте. И не случайно дважды, в 1976 г. и в 1979 г., она была награждена учреждённым тогда знаком «Победитель социалистического соревнования» [10].

В последние годы жизни всегда трудолюбивая Валентина Георгиевна всю свою энергию перенесла на небольшой пригородный садовый участок. С присущей ей любовью к природе она выращивала цветы, ягоды и овощи. Крепкая дружба по-прежнему связывала её с Е. И. Кирюхиной и М. И. Зиминой. Появились и новые дру-

зья: А. С. Лугинина, З. А. Кущенко, Г. В. Кузнецова. Им первым и доставались дары природы из её сада. Моя семья жила в одном доме с Валентиной Георгиевной. При встречах она всегда интересовалась, что нового на факультете, в университете. Как только весной вырастали первые цветы, они появлялись и в нашей квартире. Потом следовала великолепная чёрная смородина, а затем – её чудо-помидоры. Таким добрым человеком она была до конца своих дней в 2010 г.

Времена, как известно, не выбирают. Жизнь В. Г. Авдеевой полностью соответствовала своему времени. Человек огромного жизненного опыта, глубоких научных знаний и высокой культуры, В. Г. Авдеева отличалась принципиальностью и последовательностью в своих нравственных и идейных убеждениях. За многогранную профессиональную и общественную деятельность она была награждена медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и «Ветеран труда», значками «Отличник народного просвещения» и «Отличник просвещения СССР», многими почётными грамотами, включая Почётную грамоту Министерства просвещения СССР [11].

Большой вклад Валентины Георгиевны Авдеевой в подготовку высококвалифицированных кадров педагогов-историков в нашем регионе не забывается. Многие её ученики по сей день плодотворно трудятся в вузах и школах Кировской области, сохраняя память о ней как своеобразную связь времён.

Примечания

1. См.: Толстогузова В. Гордость села Лом // Отечество. Народная газета земли Яранской. 2008. № 27.
2. См.: Там же; Подробнее см.: Полвека в пути: Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина: 1918–1968 / отв. ред. Ю. М. Рябов. Киров, 1970. С. 124–126, 133–138.
3. Цит. по: Слово об учителе / В. Г. Авдеева // Эммаусский А. В. Исследования по истории Вятской земли / науч. ред. М. С. Судовиков. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. С. 248.
4. Там же.
5. См. раздел «Руководители районов Кировской области (1929–1991)» // Политические лидеры Вятского края. Биографический справочник. Киров, 2009. С. 107–108.
6. Там же. С. 108.
7. См.: Слово об учителе / В. Г. Авдеева // Эммаусский А. В. Исследования по истории Вятской земли. С. 250.
8. Там же. С. 248–252.
9. Константинов А. С. Валентина Георгиевна Авдеева – историк крестьянского движения в пореформенной Вятской губернии // Крестьянская реформа Александра II: региональное измерение (к 150-летию отмены крепостного права в России): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Киров, 19–20 мая 2011 г. Киров, 2011. С. 254.
10. См.: Валентина Георгиевна Авдеева. Автобиография [рукопись]. Использованы также другие материалы о В. Г. Авдеевой из личного архива О. С. Руденко и С. С. Авдеева.
11. Там же.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНУРИН Владимир Федорович – доктор социологических наук, профессор по кафедре социологии и психологии Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Нижний Новгород). 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 46.

E-mail: vfedan@rambler.ru

АРТЕМЬЕВ Николай Семенович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Академия ФСИН России). 390036, Рязань, ул. Сенная, д. 1.

E-mail: aru-fsin@mail.ru

БАЛАКОВА Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре романо-германской филологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: balakova.an@yandex.ru

БАРИНОВА Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского национального исследовательского политехнического университета. 614900, г. Пермь, Комсомольский просп., д. 29.

E-mail: barinova.i.a@yandex.ru

БЕЗРУКОВ Вадим Аркадьевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Высшей школы перевода (факультет) Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские Горы, 1-й ГУМ.

E-mail: tomegek-uruk@mail.ru

БОНДАРЬ Валерий Александрович – аспирант кафедры информационного и документационного обеспечения управления Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина. 620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, д. 4.

E-mail: bondar1213@yandex.ru

БУЛАНОВА Ирина Сергеевна – аспирант кафедры психологии Волгоградского государственного университета. 400062, г. Волгоград, просп. Университетский, д. 100.

E-mail: bis_m@mail.ru

ВАЙСМАН Александра Олеговна – студентка V курса специальности «Перевод и переводоведение» гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета. 614900, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29.

E-mail: aleksandra-vaism@mail.ru

ВАРАНКИНА Вера Ивановна – кандидат физико-математических наук, доцент по кафедре алгебры и дискретной математики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: veravarankina@gmail.com

ВЕЧТОМОВ Евгений Михайлович – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой алгебры и дискретной математики ВятГГУ, заслуженный работник высшей школы РФ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: vecht@mail.ru

ВОЙТОВИЧ Ирина Карловна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре лексикологии и фонетики английского языка Удмуртского государственного университета. 426034, Ижевск, ул. Университетская, д. 1.

E-mail: ivoytovich@yandex.ru

ДОМРАЧЕВ Дмитрий Гарриевич – кандидат юридических наук, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

КОРОСТЕНСКИ Йиржи – кандидат филологических наук, доцент, зав. отделением славистики философского факультета Западночешского университета. Чешская Республика, г. Пльзень. 306 14 Plzeň, Česká republika Univerzity.

E-mail: jkoroste@kag.zcu.cz

КУСЕНКО Ольга Игоревна – аспирант кафедры истории русской философии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские Горы, МГУ им. М. В. Ломоносова, учебный корпус № 1.

E-mail: isafi137@mail.ru

ЛУБЯГИНА Елена Николаевна – кандидат физико-математических наук, доцент по кафедре алгебры и дискретной математики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: mathematic@vshu.kirov.ru

МАЗИЛОВ Владимир Александрович – доктор психологических наук, зав. кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета. 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108.

E-mail: v.mazilov@yvspu.org

ОРЛОВ Дмитрий Андреевич – выпускник 2012 г. факультета Высшей школы перевода Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские Горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов.

E-mail: 7100771@gmail.com

ОСИПОВА Любовь Борисовна – кандидат социологических наук, доцент по кафедре маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета. 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38.

E-mail: Lev1026@yandex.ru

ПЕСТОВА Оксана Юрьевна – соискатель кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России. 390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.

E-mail: sestryxh@mail.ru

РОЗУВАН Алексей Михайлович – декан юридического факультета ВятГГУ, заслуженный юрист РФ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: rozuvan@vshu.kirov.ru

РЯБОВ Юрий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

СЕЛИВАНОВА Ольга Геннадьевна – кандидат педагогических наук, докторант кафедры педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: selivanog@mail.ru

СЕМЕНОВА Лидия Эдуардовна – доктор психологических наук, профессор по кафедре классической и практической психологии Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

E-mail: kafedra417@mail.ru

СМИРНОВ Денис Владимирович – соискатель кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: smirnov_d_v@mail.ru

ТАРАСОВ Александр Витальевич – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

УСТИНОВА Оксана Вячеславовна – кандидат социологических наук, доцент по кафедре маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета. 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38.

E-mail: sema_79@bk.ru

ШТАРЕВА Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и истории Государственного университета – учебно-научно-производственного комплекса. 302020, г. Орел, Наугорское шоссе, д. 29.

E-mail: tokmakova_tn@mail.ru

ЮНУСОВ Ильдар Шайхенурович – доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка и литературы и методики преподавания русского языка и литературы Бирского филиала Башкирского государственного университета. 452450, г. Бирск, ул. Интернациональная, д. 10.

E-mail: ildar_yun@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ANURIN Vladimir Fedorovich – Doctor of Social sciences, Sociology and Psychology department Professor of Nizhny Novgorod Board Institute – branch of Russian academy of Natural economic and government service. (Nizhny Novgorod city). 46 Gagarin Ave., 603950, Nizhny Novgorod.

E-mail: vfedan@rambler.ru

ARTEMYEV Nikolay Semenovich – the doctor of jurisprudence, professor, the honored worker of the higher school (Federal Penitentiary Service Academy of Russia). 1 Sennaya Str., 390000, Ryazan.

E-mail: apu-fsin@mail.ru

BALAKOVA Anna Vladimirovna – Candidate of Philology, the senior lecturer at Department of Roman-German philology of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: balakova.an@yandex.ru

BARINOVA Irina Aleksandrovna – Candidate of Philology, the senior lecturer at Department of foreign languages, linguistics and the intercultural communications of the Perm National Research Polytechnic University. 29 Komsomolsky Prosp., 614900, Perm.

E-mail: barinova.i.a@yandex.ru

BEZRUKOV Vadim Arkadevich – Candidate of Philology, the senior teacher at Department of the theory and practice of translation of the Higher school of Translation (faculty) of M.V. Lomonosov's Moscow State University. 1st GUM, Lenin Mountains, 119991, Moscow.

E-mail: tomegek uruk@mail.ru

BONDAR Valeriy Aleksandrovich – Graduate student at the Department of Documentation and information systems management, Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin. 4 Turgenev Str, 620000, Ekaterinburg.

E-mail: bondar1213@yandex.ru

BULANOVA Irina Sergeevna – post-graduate student at Department of psychology of the Volgograd State University. 100 Universitetsky Prosp., 400062, Volgograd.

E-mail: bis_m@mail.ru

DOMRACHEV Dmitry Garrievich – Candidate of jurisprudence, head at Department of state-legal disciplines of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

KOROSTENSKI Jirzhi – Candidate of Philology, the senior lecturer, head of Branch of Slavic philology of philosophical faculty of the West-Czech University. 306 14 Plze, Plzen', The Czech Republic, Česká republika Univerzity.

E-mail: jkoroste@kag.zcu.cz

KUSENKO Olga Igorevna – the post-graduate student at Department of history of Russian philosophy of the M.V. Lomonosov Moscow state university. 119991 GSP-1, Moscow, Lenin mountains, the Moscow State University, the Educational housing № 1, Philosophical Faculty.

E-mail: isafi137@mail.ru

LUBYAGINA Elena Nikolaevna – Candidate of physics-mathematical sciences, the senior lecturer at Department of algebra and the discrete mathematics of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: mathematic@vshu.kirov.ru

MAZILOV Vladimir Aleksandrovich – Doctor of psychological sciences, head of Department of the general and social psychology of the Yaroslavl State Pedagogical University. 108 Respublikanskaya Str., 150000, Russia, Yaroslavl.

E-mail: v.mazilov@yspu.org

ORLOV Dmitry Andreevich – the graduate of 2012 of Higher school of Translation Faculty of M. V. Lomonosov Moscow State University. 1st body of Humanities, Lenin Mountains, 119991, Moscow.

E-mail: 7100771@gmail.com

OSIPOVA Lubov Borisovna – Candidate of sociological sciences, senior lecturer at Department of Marketing and Municipal management Department in Tumen state oil-and-gas university. 38 Volodarsky St., 625000 Tyumen.

E-mail: Lev1026@ yandex. ru

PESTOVA Oksana Jurevna – degree-seeking student at Department of the theory of the state and the right, the international and European right of Federal Penitentiary Service Academy of Russia. 1 Sennaya Str., 390000, Ryazan.

E-mail: sestryyx@mail.ru

ROZUVAN Alexey Mihajlovich – the dean at Department of law of Vyatka State University of Humanities, the honored lawyer of the Russian Federation. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: rozuvan@vshu.kirov.ru

RYABOV Jury Mihajlovich – Candidate of historical sciences, the senior lecturer at Department of general history of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

SELIVANOVA Olga Gennadyevna – Candidate of pedagogical sciences, doctoral at Department of pedagogics of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: selivanog@mail.ru

SEMENOVA Lydia Eduardovna – Doctor of psychological sciences, the professor at Department of classical and practical psychology of Kozma Minin Nizhniy Novgorod State Pedagogical University. 1 Ulyanov Str., 603005, Nizhni Novgorod.

E-mail: kafedra417@mail.ru

SHTARYOVA Tatyana Nikolaevna – Candidate of historical sciences, the senior teacher at Department of philosophy and history of the State university – educational-scientific-industrial complex. 29 Naugorskoe Rd. 302020, Orel.

E-mail: tokmakova_tn@mail.ru

SMIRNOV Denis Vladimirovich – degree-seeking student at Department of philosophy and sociology of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: smirnov_d_v@mail.ru

TARASOV Alexander Vitalevich – the post-graduate student at Department of domestic history of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

USTINOVA Oksana Vjacheslavovna – Candidate of sociological sciences, the senior lecturer at Department of Marketing and Municipal management of the Tyumen state oil-and-gas university. 38 Volodarsky Str., 625000, Tyumen.

E-mail: sema_79@bk.ru

VAISMAN Alexandra Olegovna – student of the 5th grade of a specialty «Translation and translation studies» of humanitarian faculty of the Perm National Research Polytechnic University. 29 Komsomolsky Prosp., 614900, Perm.

E-mail: aleksandra vaism@mail.ru

VARANKINA Vera Ivanovna – Candidate of physics-mathematical sciences, the senior lecturer at Department of algebra and the discrete mathematics of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: veravarankina@gmail.com

VECHTOMOV Evgeniy Mihajlovich – Doctor of physics-mathematical sciences, the professor, head of Department of algebra and the discrete mathematics of Vyatka State University of Humanities, honored worker of Higher School of Russian Federation. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: vecht@mail.ru

VOYTOVICH Irina Karlovna – Candidate of Philology, the senior lecturer at Department of lexicology and phonetics of English language of Udmurt State university. 1 Universitetskaya Str., 426034, Izhevsk.

E-mail: ivoytovich@yandex.ru

YUNUSOV Ildar Shaychenurovich – Doctor of Philology, head of Department of Russian and literature and a procedure of teaching of Russian and literature of BirsK branch of the Bashkir State University. 10 Internatsionalnaya Str., 452450 BirsK.

E-mail: ildar_yun@rambler.ru

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛ
«Вестник Вятского государственного гуманитарного университета»**

Научные статьи, представляемые для публикации в журнале, должны соответствовать общему направлению издания. Редакция журнала принимает рукописные материалы в следующем виде:

1. Технические требования к оформлению статьи

Общие требования	Статья в формате Word или RTF (файл именуется фамилией автора. Например, Иванов.doc или Иванов.rtf)
Параметры страницы	Текст с межстрочным интервалом – 1,5. Размер шрифта: 14; примечания, список литературы, таблицы – 12. Шрифт Times New Roman. Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2 см, правое – 2 см, переплет – 0. Страницы пронумерованы
Оформление статьи	Текст начинается с указания автора статьи, его Ф. И. О. (полностью), должности, места работы (учебы), рабочего адреса, электронного адреса (на русском и английском языках). Далее – название статьи на русском и английском языках. Обязателен индекс УДК
Аннотация статьи, ключевые слова	Аннотация пишется на русском и английском языках – не более 400 знаков каждая, включая пробелы (помещается непосредственно перед текстом), ключевые слова – на русском и английском языках
Примечания	Ссылки на литературу в тексте статьи даются в квадратных скобках. Ср., напр.: Этот вопрос уже рассматривался лингвистами [1]. Сноски концевые, в порядке цитирования, в виде ПРИМЕЧАНИЙ. Литература указывается в конце статьи под заголовком ПРИМЕЧАНИЯ. Далее под номерами указывается литература в порядке цитирования ее в тексте статьи. Автор, источник, страница и т. д. оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 Библиографическая запись, библиографическое описание. Общие требования и правила составления (до 1 января 2009 г.); ГОСТ 7.05–2008 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления (с 1 января 2009 г.)
Рисунки	Рисунки помещаются в текст статьи, а также прикладываются к статье в виде отдельных файлов (формат jpg.). При оформлении рисунков запрещено использовать сканирование, а также недопустимы рисунки плохого качества
Таблицы	Формат Word
Матем. и физ. формулы	Редактор MS Equation
Краткие сведения о материалах (на отдельном листе в виде таблицы)	1. Ф. И. О. автора (полностью). 2. Название статьи. 3. УДК. 4. Ученая степень (при наличии), должность, кафедра, вуз. 6. Рабочий адрес для публикации в журнале. 7. E-mail, домашний адрес для отправки журнала, сотовый телефон

2. Объем текста не должен превышать 16 страниц (включая библиографический список, без аннотации и ключевых слов) и не должен быть менее семи страниц. При необходимости прилагается распечатка (распечатка необходима, если в тексте встречаются формулы, нестандартные шрифты, рисунки). Если используется дополнительный шрифт, то он должен быть приложен к основному документу.

3. Аспирантам необходимо предоставить справку о статусе очного аспиранта (сканированная копия).

4. Авторы представляемых материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий. Представляемый материал должен быть оригинальным и не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

5. Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в оригинальный текст. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ.

Информация для читателя

Уважаемые читатели и подписчики научного журнала «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета»!

Редакция сообщает, что в 2014 г. журнал будет выходить 12 раз в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание научных степеней доктора и кандидата наук по следующим направлениям: философия, история, право, педагогика, филология, искусствоведение.

Стоимость подписки:

- ежеквартальной – 600 руб.;
- полугодовой – 1200 руб.;
- годовой – 2400 руб.

Оплатить подписку можно в любой сберегательной кассе или на почте.

Подписной индекс журнала в каталоге Роспечать – 57390; ISSN 1997-4280.

По возникшим вопросам обращаться по электронному адресу: vestnik@vshu.kirov.ru

Уважаемые коллеги, мы рады, что вы остаетесь верными друзьями, научными соратниками нашего журнала и его преданными читателями.

*Редакция научного журнала
«Вестник Вятского государственного
гуманитарного университета»*

Квитанция на подписку
на «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета» на 2014 год

Извещение	Управление Федерального казначейства по Кировской области (ВятГГУ л/с 20406Х20680) ИНН 4348008278 р/сч. № 40501810300002000002 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) в ГРКЦ ГУ Банка России по Кировской области г. Киров БИК 043304001 (наименование банка и банковские реквизиты)
	Кассир КБК 000000000000000000130 Подписка на «Вестник ВятГГУ»–2014 (наименование платежа) КПП 434501001
	Дата ____ . ____ . ____ Сумма платежа: 2400 руб. 00 коп. Плательщик (подпись) _____
Квитанция	Управление Федерального казначейства по Кировской области (ВятГГУ л/с 20406Х20680) ИНН 4348008278 р/сч. № 40501810300002000002 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) в ГРКЦ ГУ Банка России по Кировской области г. Киров БИК 043304001 (наименование банка и банковские реквизиты)
	Кассир КБК 000000000000000000130 Подписка на «Вестник ВятГГУ»–2014 (наименование платежа) КПП 434501001
	Дата ____ . ____ . ____ Сумма платежа: 2400 руб. 00 коп. Плательщик (подпись) _____

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 2 (2014)

Подписано в печать 25.02.2014 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,5. Тираж 1000. Заказ № 31.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано
в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674